

Николай Андреевич Коваленко

Воспоминания

Петрозаводск. 2003

Вступление	- 3 -
ДЕД	- 4 -
ОТЕЦ	- 14 -
<i>Автобиография</i>	- 14 -
МАТЬ	- 22 -
ДЯДЯ ВАСЯ	- 26 -
ЖЕНА ДЯДИ ВАСИ	- 33 -
Дети Антонины Николаевны и Василия Минаевича	- 38 -
Нелли Васильевна	- 38 -
Майя Васильевна	- 42 -
СЕМЬЯ РЫБОК	- 46 -
Вера Николаевна	- 54 -
Анна Николаевна	- 60 -
Евгения Николаевна	- 64 -
Дети Александры Федосеевны и Николая Кузьмича.	- 68 -
Трудная дорога в разведку	- 70 -
На войне как на войне	- 86 -
Дерзкий поиск	- 86 -
Разведка боем	- 87 -
О друзьях-товарищах, не вернувшихся с войны	- 91 -
Капитан Арсенов Борис Александрович	- 91 -
Капитан Василий Жерносеков	- 92 -
Рядовой Александр Зимин.	- 92 -
На Свири	- 94 -
После войны	- 96 -
На Двине	- 102 -
Войска идут в Белоруссию	- 102 -
Здравствуй, Белорусская земля!	- 102 -
Дивизии ждут боевого приказа	- 103 -
Ни шагу без разведки	- 104 -
«Северные» развивают успех	- 104 -
Маневры окончены	- 105 -

*Дорогие мои: Вера Николаевна,
Анна Николаевна,
Евгения Николаевна,
Нелли Васильевна!*

Во-первых, спасибо всем вам за то, что вы откликнулись на мою просьбу и выслали мне свои воспоминания о ваших родителях, об их и своей жизни, а также имевшиеся у вас фотографии разных лет и документы. Они помогли мне правдиво рассказать в своих «Воспоминаниях» о трагедии, постигшей семьи Рыбок и Василия Минаевича.

Признаюсь, писать было трудно. Воспоминания о жестоком прошлом в вашей жизни, доходившем до варварства, терзали душу мою до слез. К тому же парализованная рука ни черта не держит авторучку. Чтобы писать, я ее прикрепляю резиновым кольцом к пальцу. Но как бы трудно ни было, я обязан «Воспоминания» написать до конца. Осталось немного: о своих детстве и юности, о семье своей и о 50-летней слежке за мною кэбэбэшниками, считавшими меня то ли американским, то ли английским шпионом и антисоветчиком. Но я старался скорее закончить воспоминания о Рыбках и о Василии Минаевиче. Пусть это будет вам, живым свидетелям и непосредственным участникам событий теперь уже далекой давности, подарком от меня. А вашим детям, внукам и правнукам – памятью о вас после вас. Но дай Бог, чтобы вы еще долго – долго жили.

Во-вторых, простите меня за нахальство, выразившееся в многочисленных письмах вам с просьбой еще и еще раз уточнить или подтвердить что-то или ответить на какой-то возникший у меня новый вопрос. Я понимал, что мои многочисленные вопросы к вам, прожившим длительную и нелегкую жизнь, ворошат в вашей памяти тяжелое прошлое и отзываются болью в сердцах ваших. Еще раз простите меня.

В-третьих, высылаю вам готовую часть своих «Воспоминаний». Если с чем-то не согласны, напишите. Я в заключении или, как говорят, в послесловии, сделаю дополнения, уточнения или разъяснения. Разумеется, что всего, написанного вами в письмах, я в «Воспоминаниях» поместить не смог. Для этого надо написать отдельную книгу. А у меня нет ни времени, ни возможности – жизнь на исходе. Не обижайтесь.

В феврале с.г. глава «Дядя Вася» будет напечатана в газете «Лицей». Всем вышлю. Отправляю вам обратно все ваши письма. Может быть, кто-либо из ваших детей, внуков или правнуков, прочитав их, когда-нибудь напишут о Рыбках по-другому, не так как я. Читайте, критикуйте, пишите. Передайте привет всем вашим.

Обнимаю, целую вас

Н. Коваленко

1997 год

Вступление

Я давно хочу, хотя бы кратко, написать небольшое воспоминание о прожитой жизни на память детям, и также внукам, которых уже имею и которые, может быть ещё будут. Я хочу написать не только о своей жизни, но и о жизни своего Деда – Миная Марковича, о своём отце Андрее Минаевиче и о жизни и судьбе некоторых родных, о которых в моей памяти что-то сохранилось.

В нашем роду велась родословная книга, начатая моим прадедом Марком, жившим в прошлом веке, продолженная Дедом и оконченная моим отцом.

В этой книге велись записи о времени рождения всех по нашей фамильной линии, какими ремеслами они занимались, когда умирали и где похоронены. Последняя запись была сделана моим отцом в июне 1933 года о смерти его отца, а моего деда, от голода и о захоронении его на кладбище в городе Новохоперске Воронежской области. В 1933 году был страшный голод. Он случился в результате ликвидации путем раскулачивания и высылки в отдаленные районы Крайнего Севера и Сибири целыми семьями самых трудолюбивых крестьян, так называемых кулаков и середняков, а также насильственного сгона в колхозы всех остальных крестьян с изъятием на организацию колхозов всего имевшегося у них скота – коров, волов, бычков, лошадей и жеребят, овец, коз, свиней; всего сельхозинвентаря – плугов, молотилок, жнеек, веялок, конных граблей, борон и запасов зерна. По существу крестьяне стали крепостными. Затем начались годы сталинских репрессий – массового уничтожения старых большевиков, командиров Красной Армии и ВМФ, советской интеллигенции – ученых, писателей, поэтов, артистов. Много было уничтожено рабочих и крестьян-колхозников. Беда не обошла и нашу семью, арестовали и уничтожили старшего брата отца – Василия, его жену сослали в карагандинские лагеря, а их детей Майю и Нелю отправили в спецдетдом. ОГПУ хотело арестовать и моего отца, но он сбежал в Таджикистан. Горе постигло и нас. Отец создал там новую семью. А нас у матери осталось пятеро: я, старший 18-ти лет, сёстры 16, 15, 8 лет и брат 12 лет.

Записи в родословной книге больше не велись.

Сегодня на дворе ноябрь, глубокая осень. Я нахожусь в больнице с воспалением легких и под тяжелые вздохи больных своей палаты, под шум осенних дождей и вой ветров пишу эти строки. Никакого плана нет. Пишу по просыпающимся и вспыхивающим в памяти воспоминаниям. Пишу только правду. Пишу о том, как жил и что пережил, что видел и запомнил с тех пор, как начал сознательно понимать, может и не всегда верно, пережитое и увиденное своими глазами и услышанное ушами.

Ноябрь 1989 года

ДЕД

Мой дед Минай Маркович Коваленко родился в 1861 году на Полтавщине (Украина). У него было два сына – Василий 1893 года рождения и Андрей – мой отец, родившийся в 1895 году. Были и две дочери: Анна и Елизавета, умершие первая в 1930 году, а вторая в 1973 году. На Полтавщине дед имел небольшой кусок земли, кормивший кое-как его семью. В поисках лучшей доли он в 1902 году переехал с семьей в Воронежскую губернию. Царское правительство дало ссуду, и он купил 120 десятин земли на отрубях в Новохоперском уезде Воронежской губернии, которые потом назвали поселком Константиноградский. Там он построил рубленый из бревен дом из трех комнат: кухня с большой русской печью, где вдоль стен были приколочены широкие скамейки, а посередине стоял стол; зала, в которой стоял на точеных красивых ножках большой стол и деревянный диван, а в дальнем углу шкаф типа серванта. Стены были обшиты строганными деревянными досками. На стенах в позолоченных багетовых рамках висели три картины. На холстах были написаны неизвестным художником сюжеты из деревенской жизни. В зале стояла печка-голландка, которую топили соломой. Рядом с залой находилась летняя спальня. В этой спальне в зимнее время находились ульи с пчелами, закрытые матами из соломы, а также хранился латунный бак с медом килограммов на триста, зимние сорта яблок, груш, дынь и кабачков в соломе, которых в иной год хватало до нового урожая. Полы на кухне были глиняные, а в зале и спальне из досок. Икон в доме не было. Дед и отец в Бога не верили. Бабушку я не помню. Она умерла, когда мне было два года: в 1922 году. Мать же, наверное, в существование Бога немного верила, так как на груди носила крестик где-то до 1930 года, а потом до конца своей жизни о Боге никогда не вспоминала, и крестика у нее не было.

На русской печи спали дед, я, мой младший брат Володя и сестры Валя и Нина. Меня, Володю, Валю и Нину в церкви не крестили, а младшую сестру Раю, 1930 года рождения, мать тайно крестила в церкви, за что у отца произошла с нею ссора.

Недалеко от дома в низине дед устроил пруд, который кишел головастиками, лягушками и пиявками. В пруду плавали утки и гуси, а на берегу обитали индюшки. Этой птицы, а особенно кур, было много. Летом птицу забивали на еду, а на зиму оставляли немного – только на воспроизводство в следующем году. У пруда стоял сарай для птицы, разделенный на секции плетневыми перегородками. Рядом с птичником находился небольшой свинарник, в котором постоянно откармливались на убой две-три свиньи. У деда была отработана своя технология откорма свиней: одних на мясо, других – на сало и бекон. На чердаке дома у печного дымохода была устроена коптильня. Круглый год ели копченые окорока, бекон, сало, гусятину и колбасу. Копченую колбасу мать укладывала в глиняные горшки, заливала свиным жиром и хранила летом в погребе, зимой – в чулане. В погребе хранились огромные дубовые бочки с солеными огурцами и помидорами, с мочеными яблоками и арбузами, с квашеной капустой. Капусты на зиму заквашивали две бочки, из которых в одной была сечка из зеленых кочанов для щей. Все эти овощи, яблоки, дыни, арбузы, лук, чеснок и многое другое выращивалось на своей земле.

За прудом стоял сад. В саду росли яблони: антоновка, анис, белый налив, груши, сливы. Много было вишни. Каждое лето варили разные варенья, особенно много вишневого, и много сушили фруктов на зиму для компотов. Каждое лето на краю сада дед ставил пасеку, а в саду был построен большой шалаш. В нем находилась медогонка – центрифуга, пасечный инвентарь и нары для отдыха.

С другой стороны дома, метрах в двадцати-тридцати от него стояла конюшня, в которой находились пара волов, две коровы, две-три лошади, жеребята, телята и десятка по полтора овец и коз. Овец держали для получения от них шерсти и выделки овчин на изготовление одежды, а коз – для получения пуха на платки и перчатки. За конюшней стояла клуня – это по-украински. А по-русски – рига, крытая соломой. В этом достаточно большом по площади и простом по обустройству помещении, хранились на корм скоту мякина, необмолоченный овес, а также основная сельхозтехника – канадская сноповязалка, конные грабли и другой сельскохозяйственный инвентарь. Сноповязалку дед выписывал из Канады. Она была на конной тяге. Скашивала пшеницу или рожь, тут же специальное устройство связывало скошенное в снопы и сбрасывало их на стерню. Снопы складывали в крестообразные копны для дозревания зерна. Шпагат из морской травы для сноповязалки дед ежегодно получал из Канады через какую-то сельскохозяйственную ассоциацию. Эта машина на всю округу была только у деда и ею пользовались многие те, кто помогал деду в уборке и обмолоте урожая, в скирдовании соломы и заготовке сена. Сноповязалка очень облегчала труд на уборке пшеницы и ржи. Ведь не надо было идти десятку женщин вслед за нею, как за обычной жнейкой, собирать и связывать в снопы скошенную пшеницу или рожь. Весь сельхозинвентарь всегда к зиме был вычищен, отремонтирован и выкрашен. После сдачи сельхозинвентаря в колхоз сноповязалка была сломана, а остальной сельхозинвентарь стоял на колхозном дворе ржавым, грязным, ободранным.

Хозяйство деда было крепким, середняцким. Он и мать работали от зари до зари. Надо было накормить ежедневно не только семью, но скот и птицу, заниматься прополкой поля, ухаживать за еще маленькими братом и двумя сестрами. Отец почти не помогал, он работал в различных советских сельских органах. Несмотря на адский повседневный труд, я никогда не слышал жалоб ни от матери, ни от деда об усталости или каких-то болезнях. А потому в доме все было, и жили хорошо. Были излишки сельхозпродукции – пшеницы, ржи, гречки, мяса и других. Они оставались после того, как полностью производились поставки по контракту государству. Излишки продукции закупала, рассчитываясь на месте, какая-то заготконтора и все вывозила своим гужевым транспортом.

Дед в своем поселке пользовался большим авторитетом как знаток сельского хозяйства и умелец различных бытовых дел. Хорошо помню 1928 год. В апреле месяце к нему пришли на консультацию односельчане с вопросом, не пора ли начинать весенний сев. Все пошли в поле. Дед в нескольких местах прощупал пашню рукой на глубину сантиметров до двадцати и сказал: «Сеять будем через неделю». И через неделю все начали сев. Помню, в этом же году долго не было дождей. Селяне волновались и собирались у деда на совет. Он их успокаивал, говоря, что дождь скоро будет. Однако некоторые верующие пригласили попа приехать и провести молебен, прося у Бога дождя. Поп приехал. И все – и стар, и мал, пошли в поле. С дедом пошел и я. Когда шли к месту молебна, дед говорил «Ох, и хитрый Батюшка, у него в доме имеется барометр. Сегодня начало падать давление, будет дождь. Вот Батюшка и приехал. Он знает, когда надо молиться». Я, конечно, не знал, что такое давление, почему и как оно падает. Но барометр я видел ежедневно. Он у нас висел на стене в кухне, и дед каждый день смотрел на него.

Помнится, после молебна дед пригласил Батюшку на обед. Наш дом при въезде в поселок стоял первым. И каждый раз, посещая жителей поселка и собирая подати, поп начинал с дома деда. Батюшка, уже пожилой, с длинной бородой, в рясе и с большим крестом на груди, вошел на кухню. У печки хлопотала моя мать. Так бывало каждый раз, когда он приезжал в поселок, хотя у нас в Бога никто не верил, икон и лампад не было,

мы были не крещеными. Но Батюшка к нашей семье относился с большим уважением. И наша семья отвечала ему тем же. Тут я должен сказать, что мой будущий отец три года жил у этого попа, когда учился в церковно-приходской школе. И всегда, когда Батюшка уезжал, ему говорили: «Передай привет и пожелания доброго здоровья матушке». И каждый раз дед давал попу кувшин меда, две меры овса для лошади, меру крупчатки – белой муки самого высокого сорта, кусок сала или окорока и другие продукты. Всё укладывали на повозку и поп, расцеловав мать и деда, уезжал. Но, однако, вернемся к обеду. Мать поставила на стол свежий ароматный мед и мед прошлых лет, который резали ножом как масло. Для меда каждому было поставлено блюдо с чайной ложкой. Тут же, на тарелках были: только что сбитое сливочное масло, свиное сало и окорок, свежие и малосольные огурчики, зеленый лук и вареные яйца. Нас толе стояла четверть водки. Да, большая трехлитровая бутылка. И две рюмки. Дед налил в рюмки водки. Выпили по рюмке, предварительно перекрестившись. Закусили малосольными огурчиками, макая их в мед. И пошел у них разговор. Дед доказывал, что никакого Бога нет, что Бог – сам человек и вся природа, окружающая его. Говорили о том, будет ли после молебна дождь... Дед говорил: «Дождь, пожалуй, будет. Вот у меня на стене висит барометр, он показывает на дождь. Ты, Батюшка, знаешь, когда надо просить у Бога дождя. У тебя тоже имеется барометр, и он для тебя хорошее оружие, помогающее тебе вселять людям веру во всемогущество Бога. Ты знаешь, что с утра падает давление, а потому ты и приехал молить у Бога дождя». Потом говорили о предстоящей коллективизации и о ее последствиях. Мать подала на стол борщ, сметану и курицу, начиненную гречневой кашей. Разговаривая о делах крестьянских, они выпили еще рюмки по две. Я сидел на краю скамьи и слушал их разговор, глядя в окно. Небо стали заволакивать черные тучи, двигавшиеся с Севера. Поп и дед заговорили о том, что может быть большой ливень и даже с градом. Поп заторопился домой и уехал с гостинцами деда в село Банное, где находился его приход. Между тем тучи сгущались. Мать усадила за стол обедать всех нас и ушла с дедом загонять на свои места птицу, жеребенка, телят. Они завели в конюшню пасшихся на лугу коров и лошадей. Вскоре начался небольшой дождь, а затем град величиной почти в куриное яйцо. Потом хлынул ливень, продолжавшийся до позднего вечера. В воздухе сверкали молнии и гремел гром. Было очень страшно. Дед принес из чулана листовое стекло, разложил на полу и заставил нас встать на него, сказав: - «Теперь молния нас не убьет». Ливень кончился, наступила вечерняя темнота. Дед пошел проверять скот в конюшне и на ночь наложить в кормушки овса и сена. А мы долго не могли успокоиться после этой страшной стихии. Затем залезли на печи и вскоре уснули. Я проснулся с началом рассвета. Деда и матери в доме уже не было. Они находились в конюшне. Я пошел к ним. Мать доила коров, а дед выводил лошадей на водопой. Я стал помогать ему. Потом стреножили лошадей и пустили на луг. Туда же вывели после водопоя коров, телят, жеребенка, овец и коз. Для овец и коз имелся оборудованный из частокола специальный загон. Траву для них косили в поле и подвозили на повозке. Выпустили из птичника птицу – индюшек, гусей, уток и кур. Пошли в сад. Земля была усыпана сбитыми градом яблоками, грушами, сливами. Позже брат и сестры собирали их для сушки, хотя они были еще зелеными и недозревшими. Вокруг дома ползали и каркали с перебитыми крыльями грачи. Вскоре к деду стали приходиться на совет соседи. Сосед Павлий стал говорить, что в ливне и граде виноват поп, что он напросил у Бога эту беду. Дед отвечал: «Батюшка не виноват, а виновата сама природа, она человеку не подчиняется и что хочет, то и делает, она неуправляема человеком. А Бога нет». Тогда крестьяне спрашивали, откуда же берутся попы и зачем они нужны. Дед отвечал, что имеется

религия, попов готовят в духовных училищах и семинариях, а нужны они для того, чтобы своими проповедями удерживать людей от всякой дури и воспитывать их в духе уважительного отношения друг к другу, особенно к женщинам. Много было и других вопросов, содержание которых и ответы деда из памяти выветрились. Ведь с того времени прошло более шестидесяти лет. Потом пошли на поля посмотреть, что натворила стихия, и что делать дальше. Картина была удручающая: посевы повалены, в подсолнухе ковыляли и кричали подбитые грачи, кое-где лежали мертвые зайчата. Было страшно на это смотреть. Мужики тяжело вздыхали, повесив головы, а бабы плакали, что-то причитая. Ведь пострадали не только посевы пшеницы, ржи, проса, гречихи, но у многих были искалечены овцы, козы, птица, находившиеся во время града на лугах и во дворах. Раненый скот лечили, птицу забивали. А что можно было сделать с посевами? Ничего! Побитые градом и полеглые хлеба так и дозревали.

Во время уборочной страды потребовалось много усилий, труда и крестьянской смекалки, чтобы убрать полегшие хлеба до единого колоска. Дед говорил, что это был самый тяжелый год за всю его почти семидесятилетнюю жизнь.

Дед много умел делать. Делал чисто, аккуратно и, как говорят, на совесть. Дед вместе с соседом Поликарпом Максимовичем Лебедем выделывал кожи: из бычьих и коровьих шкур на подошвы и стельки, из козьих – на хром для обуви, а из овечьих – на мех и яловые сапоги. Недалеко от пруда была построена изба без всяких внутренних перегородок. В избе стояли плита с большим чугунным котлом, три огромных дубовых чана, специальные столы для обработки кож, а также необходимый инвентарь – струги, скребки, захваты, зажимы и другие приспособления. В чанах «квасили» и дубили кожи. Дубили дубовой корой. Овчины и козьи шкуры на хром красили черной и темно-коричневой красками – по желанию заказчиков. Помню, для выделки кож применяли отруби, соль, простоквашу, а также какие-то химикаты, свободно продававшиеся в москательных лавках в райцентре городе Новохоперске. Выделкой кож они занимались с поздней осени и до ранней весны. Это был нелегкий труд. Я помогал им соскабливать с кож шерсть и мездру, укладывать кожи в чаны, носил воду из колодца, дрова для плиты и убирал отходы, сжигая их в печке. Эта изба использовалась и как баня – в ней мы мылись. Дед выделывал на мех шкурки зайцев и лис, которых было множество в полях и перелесках. У него имелось ружье, но на охоту он ходил редко, разве только для того, чтобы «разрядиться», «разветься», забыться, отдохнуть от забот и хлопот. В саду возле яблонь были вырыты траншеи. Зимой дед перекрывал их тонкими прутиками ивы, покрывал слегка соломой и припорошивал снегом. И зайцы во время ночных набегов на сад проваливались в эти траншеи. Часто попадались и в расставленные у яблонь капканы. Бывали случаи, когда даже днем зайцы в поисках корма забегали в открытую конюшню. Там мы их и ловили. Иногда молодых, небольших зайцев дед выпускал на свободу. Дед очень любил охоту на перепелов. У него была специальная сеть из ниток и гофрированная, сделанная им самим из кожи «свистулька». Как она называлась, я не помню. Эта «свистулька» имитировала голос перепелки. Я часто ходил с дедом на охоту на перепелок. На траве на краю поля мы расстилали сетку, ложились в траву и маскировались. Дед этой «свистулькой» имитировал голос перепелки, ее пенье, на которое слетались перепела и, садясь в траву, попадали в сеть. Я очень любил вытаскивать перепелов из сетки и складывать в специальный ящик, с отверстиями в крышке.

Дед очень многое умел делать. Он лечил людей от разных болезней и телесных травм. Готовил настойки из различных трав, применял для лечения деготь, скипидар и даже керосин. Помню, к деду приходили больные. Он в керамической миске нагревал

керосин, ставил миску в большой горшок, на который, спустив штаны, садился больной. Так повторял несколько раз, и больной выздоравливал. Я думаю, что он так лечил больных геморроем. Он выпускал кровь у лошадей и больных людей, применял пиявок, которых была масса в пруду, сам гнал деготь и на его основе с добавлением меда и порошков каких-то трав готовил мази. Однажды случилась и со мною беда. Этот случай я хорошо помню. В августе 1928 года в один из жарких дней я бороновал пары, водя за уздечку старого, доброго, послушного коня Гнедко, запряженного в борону. В конце поля, на повороте я остановился отдохнуть и начал гладить Гнедко по голове. В это время овод сел ему на верхнюю губу. Гнедко сильно взмахнул головой и зубами нанес мне удар в левую половину лба, выше брови. Кровь заливала лицо. Я ладонью левой руки прикрывал рану и с криком побежал домой. Не добежав до дома, я услышал ржание Гнедко. Оглянувшись назад, увидел бегущего за мной с бороной коня. К дому мы подбежали вместе. Гнедко не оставил меня в беде, он понимал, что случилось что-то неладное и бежал вслед за мною.

Дед быстро промыл рану какой-то жидкостью розового цвета, замазал дегтем, наложил лист какой-то травы и забинтовал полоской белой тряпицы. Через два дня повторил то же самое. А через два дня после этого повязку снял. Помню, как он лечил и себя и нас от простуды. Он варил большой чугунок картошки в «мундире», воду сливал, а чугунок с картошкой ставил на расстеленный на полу тулуп, вторым тулупом накрывался и дышал горячими парами картофеля. После этого выпивал литровую кружку крепкого чая с медом, залезал на горячую печку и накрывался тулупом. Сильно потел, меняя ночью мокрое постельное белье на чистое сухое. И к утру здоров. Таким методом лечил от простуды и нас.

Дед занимался кладкой русских печей, голландок, плит, лежанок. Он был хорошим портным-скорняком. Шил малахаи (шапки ушанки) из заячьих и лисьих шкурок; тулупы и полушубки из овчины и меховые рукавицы. Он владел столярным и плотницким делом. В небольшом сарае стоял столярный верстак, прялка, приспособленная для сверления отверстий не только в деталях из дерева, но и в металле. На этой же прялке имелся наждачный круг для заточки столярного инструмента, топоров, ножей столовых, кухонных и для жнейки, сенокосилки и сноповязалки. Там же находился всевозможный столярный инструмент: фуганки, рубанки, шерхебели, отборники, коловороты, зажимы, долота, стамески, угольники, линейки, уровни – длинный и короткий, алмаз для резки стекла и многое-многое другое. Я перечислил только то, что помню. И всё это столярно-плотницкое хозяйство находилось в образцовом состоянии. Дед слыл и умельцем по определению мест нахождения подземных вод для устройства колодцев. Из окрестных сел и деревень к нему часто обращались крестьяне с просьбой найти место, где имеется вода под землей. Иногда в поездку на это дело он брал с собой и меня. Он срезал с вишни и ивы длинные и тонкие веточки с двумя ответвлениями – усами; держа в одной руке вишневую, а в другой ивовую ветки параллельно местности, вытянутыми вперед руками, он медленно и тихо ходил по земле, наблюдая за поведением усов веток. Ходить за собой никому не позволял. Иногда, с передышками, ходил часами. Вдруг останавливался, звал всех присутствующих к себе и говорил: «Здесь вода!». Его спрашивали: «На какой глубине?» Он отвечал: «На глубине от пяти до пятнадцати метров», а иногда и более – «до тридцати метров». Люди рыли колодцы, и его прогнозы всегда оправдывались. В Воронежских степях вода залегала глубоко. Сначала шел двухметровый слой чернозема, затем глина. У деда было особое природное чутье. По еле-еле уловимому и только ему

известному колебанию усов вишневых и ивовых веточек он определял места залегания подземных вод.

Дед был и сапожником, и шорником. Сапоги он, конечно, не шил, но обувь ремонтировал сам. Он делал дратву, деревянные гвозди из березы для набойки подметок и каблучков. Ну а кожи было сколько угодно – он ее выделывал сам, о чем я уже писал. У него для ремонта обуви имелся набор различного размера колодок, лапы, сапожные ножи, шилья, клещи, большие иголки и многое другое.

В столярной мастерской он занимался и шорницкими работами: ремонтировал хомуты и чересседельники, изготавливал уздечки, подпруги, вожжи, постромки, гужи и другую сбрую. Все делал от души, красиво, с разными украшениями. Он мог делать и делал многое другое, например, ремонт своего сельскохозяйственного инвентаря. А его было немало.

Читая мои воспоминания, некоторые могут подумать, как и когда дед мог всё это делать. Он работал не один. Работала вся семья от зари до зари. Ведь в составе семьи деда были: его одинокий старший брат, бабушка, моя мать и отец. Отец работал по домашнему хозяйству мало, он служил до революции секретарем волостной сельской управы, а после революции – секретарем сельского совета. Но во время посевной и уборки урожая он помогал. Работали и мы, старшие дети. У каждого из нас была какая-то определенная обязанность. Я, например, постоянно носил в дом солому и кизяки для топки печей. Нынешние дети и молодежь наверняка не знают, что такое кизяки. Их делали так. В одну кучу складывали конский и коровий навоз, а также определенное количество соломы. Всё это перемешивали, слегка поливая водой. Затем я садился верхом на лошадь, ездил по этой смеси по кругу, перемешивая и уплотняя ее. Затем все взрослые и дети укладывали эту смесь в деревянные формы размером примерно по длине 30-35 сантиметров, по ширине 20-25 сантиметров и по высоте 10-15 сантиметров. Смесь хорошо уплотняли, складывали рядами по земле, а формы снимали и снова делали то же самое. После подсушки дня через три-четыре эти навозно-соломенные кирпичи, называвшиеся кизяками, складывали пирамидами с продухами для сушки под навес с соломенной крышей. За лето кизяки высыхали. Это было топливо для русской печи, не уступающее по калорийности дубовым и березовым дровам. Моей обязанностью также являлась заготовка воды, а точнее, обеспечение водой скота. У конюшни были установлены большие корыта, к которым от колодца был подведен дощатый лоток. Я воротом поднимал из колодца ведро с водой, сливал в лоток, и вода по нему поступала в корыта. Это делал до тех пор, пока не был напоен весь скот. По вечерам я доил корову, которую звали Зорькой, я часто давал ей хлеба и сена. Она ко мне привыкла и, когда я к ней приходил в конюшню, она мычала и жалобно глядела на меня, ожидая и прося гостинца. Я кормил гусей, кур, индюшек и уток зерном, а по вечерам загонял их на свои места в курятник.

Один раз на меня набросился большой гусак и стал клевать. В другой раз меня свалил кабан и начал катать по земле. Чем я им не угодил, не знаю. На мой крик прибежал дед и спасал меня. Гусаку тут же отрубили голову и на другой день его зажарили на обед. А кабана продолжали откармливать до глубокой осени. Да так откармили, что он не мог поднять заднюю часть и становился только на передние ноги. Он «ходил» под себя и мне не очень приятно было убирать из-под него навоз. Зато приятно было есть его жареный на костре хвост, когда его забили.

Помогала матери и сестра Валя, которой в те годы было шесть-семь лет. Она мыла посуду, подметала полы, перебирала овечью шерсть и расчесывала ее специальной

гребенкой, готовя для изготовления из нее пряжи на прялке. Из шерстяной пряжи мать вязала нам свитера и рукавички. Валя таким же образом готовила пух, а мать из этого козьего пуха пряла на прялке пряжу и длинными зимними вечерами вязала пуховые платки. Дел хватало всем, и все делали свою работу, определенную старшими.

Немного о семейных обычаях. В то время было много различных религиозных праздников, которые большинство крестьян праздновали, отправляясь на повозках, двуколках, тарантасах и дрожках – летом, а зимою на снях, запряженных лучшими лошадьми и с лучшей упряжью, украшенной различными бляхами, с колокольчиками на дуге, в церковь за пятнадцать, а то и более, километров. В нашей семье эти праздники тоже отмечались по-другому – в церковь не ездили, в великий пост ели всё жирное и мясное и работали, делая свои дела. Дед часто говорил, что всё надо делать самому, а не надеяться на Бога, если сам не сделаешь, то никакой Бог за тебя не сделает. Но, однако, праздники в доме чувствовались. На пасху мать пекла куличи, на масленицу – блины и тонкие и толстые: из пшеничной, гречневой и пшенной муки. К блинам подавали сметану, сливочное и растительное масло, мед и сахарный песок, чай и компот из фруктов. Я очень любил кушать блины, макая их в растительное масло с сахарным песком. Блины пекли очень часто, а не только на масленицу. И блинные дни были, пожалуй, единственными днями, когда я блины мог кушать с теми продуктами, с которыми захочу, из стоявших на столе. А вообще ели все – и старые, и малые – то, что было подано на стол. Такого, чтобы кто-то сказал: я это не люблю, а я это не ем, а я этого не хочу, не было. Порядок был строгий. Первым за стол садился дед, а за ним все остальные по старшинству. На стол еду подавала мать, она последней и садилась. На стол ставился чугунок со щами, борщом или супом. Рядом – чугунок с тушеным или отварным мясом или скворода с жареной птицей. Каждому ставилась глиняная миска, лежали ложки и вилки. Ложки были деревянные и у каждого своя. У деда была ложка – вдвое больше обычной. Раньше деда никто не мог начинать кушать. Если кто-то из нас, детей, пытался первым налить себе борща и наложить в миску мяса и каши, то дед мог и ложкой «дать» по лбу, разумеется, слегка. Мне иногда от него попадало. Тогда он говорил: «Не лезь попередь батька в пекло».

К мясу мать готовила картофель – отварной, жареный, в сметане; различные каши – гречневую, пшеничную, пшеничную и очень-очень редко рисовую. На третье было что-либо одно и без исключения всем: или молоко, или простокваша, или какой-нибудь кисель, или компот – летом из свежих фруктов, а зимою – из сушеных. Летом много ели арбузов, дынь, фруктов, вареной кукурузы в початках и вареной тыквы. Наверное, потому у меня все зубы целы, все на месте! А ведь мне семьдесят два.

Жизнь в поселке в трудах и заботах крестьян шла своим чередом, но все чаще велись разговоры о предстоящей коллективизации и ее возможных последствиях. А потому крестьян все больше и больше охватывала тревога и озабоченность за их будущее. К тому же уже началось раскулачивание так называемых кулаков – наиболее трудолюбивых, грамотных в сельскохозяйственном деле (работавших от зари и до зари) крестьян. В нашем поселке было дворов пятнадцать. Не дожидаясь раскулачивания и высылки в северные края и в Сибирь, крестьяне бросали или продавали на снос свои дома и хозяйственные постройки – конюшни, коровники, свинарники и прочее. Но продать смогли не все свои дома. Они просто всё нажитое своим честным и огромным трудом за многие десятилетия бросали и удирали в города, пока их не раскулачили и не сослали куда-либо, подвесив имя – «кулак».

Так, братья Полунины, бросив дома, ветряную мельницу и крупорушку, продав цыганам породистых жеребцов-производителей, уехали в Воронеж. Братья Лебедь Антон

Гаврилович и Лебедь Яков Гаврилович бросили свои дома и кузницу, уехали: первый в Днепропетровск, а второй в г. Бутурлиновку Воронежской области, где работал слесарем по ремонту оборудования на спиртзаводе. Туда же, бросив дом и кожевенное производство, уехал и Лебедь Поликарп Максимович. Он до самой смерти работал заведующим мастерской «Кустшвейпром», впоследствии переименованной в ателье по пошиву одежды Райуправления бытового обслуживания. В Бутурлиновке они построили добротные дома, вырастили и выучили детей. Они радовались, что их не успели раскулачить, что им не было прилеплено омерзительное и унижающее человека имя «кулак». У них я бывал после войны в 1947, 1948, 1951 годах.

Ведь людям с кличкой «кулак» отказывали в приеме на работу, в них видели врагов Советской власти, а их детей не принимали в высшие учебные заведения и в военные училища.

В нескольких километрах от нашего поселка находилось село Центральное, в котором жили немцы, поселившиеся там со времен Екатерины второй. Это село было богатым, чистым и культурным. Ведь немцы – народ трудолюбивый и аккуратный. Так вот одному из немцев дед продал дом и все подворные постройки. Хорошо помню, как немцы разбирали конюшню, свинарник и ригу, а потом и дом. У деда накатывались на щеки слезы, а мать рыдала, приговаривая: «Ой, Ёська, что же делаешь с людьми». Ёской называли Сталина. В начале войны в 1941 году всех немцев вывезли в Сибирь, и село пришло в запустение.

Весь сельхозинвентарь и скот дед сдал в колхоз, созданный в поселке Рыбкин. В этом поселке дед купил «халупу» – мазанку в двадцать квадратных метров. Стены из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной, такой же потолок. В этой «халупе» русская печка не грела, сколько ее ни топи. Стены промерзали и местами продувались ветрами.

Отец смастерил железную печку – «буржуйку», которую топили дровами круглые сутки. У хаты-«халупы» никаких пристроек не было, и дверь открывалась прямо на улицу.

Теперь мы уже не имели ни скота, ни птицы, и не было даже клочка земли – приусадебного участка. Отец в колхоз не вступал, а поэтому приусадебного участка и не дали. Питались старыми запасами муки, разных круп, свиного сала и растительного масла. Иногда бывала и рыба – щука, которую отец где-то доставал у знакомых рыбаков. Рыбу, видимо, ловили в реке Хопёр и в Крестовых озерах.

Шел 1931 год. Наш поселок Константиноградский с географической карты района исчез. В этом году исчезли и другие хутора и поселки, жителей которых – крестьян – или раскулачили и изгнали из поселков, или вывезли в отдаленные края. Так, в километрах десяти от нашего поселка, находился поселок Дубовое. Он имел такое название, видимо, потому, что рядом с ним стояла красивая дубовая роща. В поселке жили около десятка крестьянских семей, переехавших сюда с Украины в 1902-1906 годах.

Крестьяне имели добротные дома с резными украшениями, крытые железом, а не соломой, как у моего деда. Они имели прекрасные сады, держали пчел, сеяли ячмень, овес и откармливали скот для себя и для сдачи государству. Они держали овец, коз и много разной птицы. Некоторые, в том числе и мой дед по материнской линии – Иван Никитович Коваль, вырабатывали голландский и швейцарский сыр. Всех жителей поселка Дубовое в 1930 году раскулачили. У них отобрали дома, скот, всё недвижимое имущество, а их, всех крестьян, из поселка просто изгнали. Ни одну семью в Сибирь или на Север не выслали. Мой дед по матери уехал на станцию Таловая нашей Воронежской области. Там он делал из дерева ложки, разные кухонные поделки, а также стулья и кресла из лозы. И этим кормился. В 1937 году он с бабушкой уехал в город Никополь Днепропетровской

области, где и умер в 1943 году, находясь в немецкой оккупации. Там же годом раньше умерла и бабушка.

В пустующие дома изгнанных из поселка Дубовое крестьян поселили насильно какой-то цыганский табор, назвав его колхозом. Цыганам отдали отобранный у крестьян скот, сельхозинвентарь и другое имущество. К лету 1931 года цыгане часть лошадей распродали, скот съели, сельхозинвентарь привели в негодность, надворные постройки разобрали на дрова и сожгли. Весною 1932 года снялись с табором и куда-то ушли. Опыт насильно заставить цыган вести коллективный оседлый образ жизни и работать на земле не удался. Впоследствии все дома этого поселка были разобраны и вывезены в другие поселки, а земля распахана. Цветущий недавно поселок исчез. А с ним вместе и дубовая красавица роща, вырубленная цыганами на дрова.

Так проводилась в жизнь сталинская политика приобщения крестьянства к коллективному труду, ликвидация кулачества как класса. А фактически это было уничтожение самой грамотной, самой производительной части крестьянства, которое было главным, основным производителем сельхозпродукции в стране, кормило, одевало и обувало ее.

Но вернемся к делам семейным. Шел 1932 год. Мы продолжали жить в поселке Рыбкин. Отец работал по вольному найму счетоводом колхоза «Новый Октябрь» в этом же поселке. Районное начальство требовало, чтобы он вступил в колхоз, и хотело назначить его председателем колхоза. Он, не имевший ни дома, ни земли, ни какого-либо хозяйства, живший со своим отцом, от вступления в колхоз категорически отказался.

Между тем, дед всё чаще стал поговаривать о поездке на Родину – на Полтавщину. Своей поездкой он предусматривал две цели. Первая – посмотреть, что делается на Украине и решить вопрос о возвращении всей семьи туда, откуда он приехал в 1902 году в Воронежскую Губернию, – на Полтавщину. И вторая цель – навестить родственников и увидеть двух внуков от первого брака старшего сына Василия, которые жили там с матерью.

Перед отъездом, в один из майских дней мая месяца, он сказал: «Пойдем, внук, на конюшенный двор, я попрощаюсь со своими лошадами». Он взял краюху хлеба, и мы пошли. Гнедко и Ласточка были привязаны у коновязи в разных местах. Гнедко, увидев деда, начал радостно ржать и мотать головою, приветствуя его приход. Услышав ржание Гнедко, ему стала вторить ржанием Ласточка. Дед, успокоив Гнедко, пошел за Ласточкой. Он привел ее и поставил рядом с Гнедко, привязав к коновязи. Потом стал гладить их по голове, давая им хлеба и что-то приговаривая. Лошади успокоились. Дед принес из конюшни щетку и стал чистить лошадей. Они уже не такими стали, какими были сданы в колхоз. Грязные и истощенные, они потеряли былую резвость и красоту. Почистив лошадей, дед погладил их головы и сказал: «Прощайте, дорогие мои!» Гнедко и Ласточка, опустив головы, понуро и обиженно смотрели на деда. Мы стали уходить. Гнедко и Ласточка жалобно заржали и затопали копытами, как будто бы требуя нашего возвращения к ним или предчувствуя разлуку навсегда со своим заботливым хозяином – Дедом. Дед повернулся в их сторону и заплакал. Мы пошли домой. По пути зашли на хозяйственный двор. Дед хотел посмотреть на свой, а теперь колхозный сельскохозяйственный инвентарь. На веялках, сеялках, жнейках, молотилке краска облезла, и они стояли грязные. У сноповязалки было снято какое-то колесо, а вязальный агрегат – сердце машины – валялся в грязи. Помню, дед сказал: «Хозяина нет, не своё есть не своё, оно чужое. И к нему такое отношение. Эх, Ёська, посмотрел бы, что ты натворил».

Вскоре дед перевез нас в город Новохоперск и уехал на Полтавщину. Вернулся он домой осенью 1932 года.

Дед рассказывал: «Там, на Полтавщине, страшный голод. Много скота подохло, а часть люди съели. Хлеба нет. Вымирают целые деревни. Я хотел забрать с собою внучек, а вы написали, что тут тоже начинается голод. Зачем я их сюда повезу, ведь вас внуков, здесь пятеро. А что делать с семерыми, как жить, чем кормить? Нет, пусть уж они умирают на своей Родине вместе со своими родителями, а мы будем умирать здесь, на чужбине, в России. Там совсем плохо, а здесь может быть еще кто-нибудь из вас и выживет. Я скоро умру, я уже старый. Совсем плохо, если первыми умрут ваши родители. Что тогда будет с вами? Мне никогда не было так страшно, как теперь. Я уже чувствую смерть. Хороните меня без попа. Я в Бога не верил, не верю, и неверующим отдайте меня земле. В Бога не верьте, Бога нет. Если бы он был, то такого голода не допустил бы, он не дал бы Ёське разорить крестьян и заморить их голодом. Попа на похороны не надо, но крест на могиле поставьте, не обижайте тех, кто уже на том свете и еще пока живые. Так делали наши предки, так сделайте и вы».

Летом 1933 года Дед умер от голода. Он, чтобы чем-то набить желудок, наелся какой-то травы, росшей на задворках, и вишень с косточками. Трава была, конечно, съедобной. Он знал толк в травах. Он съел очень много, перегрузив желудок и кишечник. Ему стало плохо. Положили в больницу. У него случился заворот кишок. Во время операции сердце не выдержало. Дед умер. Ушел из жизни трудолюбивый крестьянин, еще три года назад растивший хлеб, производивший различную сельхозпродукцию, кормивший свою многочисленную семью и горожан. И умер он от голода.

Я хорошо помню то страшное время. На улицах города валялись тела умерших от голода. Почему-то больше всего среди них было калмыков. Они приехали на верблюдах, которые после смерти своих хозяев бродили по улицам города.

Вскоре после смерти Деда нас чуть ли не постигло новое горе. Десятилетняя сестра Нина, утоляя жажду голода, наелась калачиков с травы, росшей во дворе. Получила сильное отравление. Спасли ее в больнице.

Пишу эти строки, и у меня содрогается душа и накатываются слезы, в сердце боли и не хватает воздуха. Давит грудная жаба. Врачи запрещают писать. Но я должен, я обязан написать правду для детей, внуков и будущих поколений своего фамильного рода о тех, теперь уже далеких, но жестоких, варварских временах сталинского господства. Пусть они в будущем узнают правду не из книг, а от своего предка, который сам перенес эти страшные времена.

ОТЕЦ

Мой отец родился в 1895 году на Украине, в Полтавской губернии. В 1902 году вместе со своими родителями приехал в Воронежскую губернию. В возрасте восьми лет пошел в школу. Учился в церковно-приходской школе (ЦПШ) в селе Банном, в пятнадцати верстах от своего поселка. Жил у попа, который в те годы был еще молодым, а в 1928 году приезжал в наш поселок проводить молебен в поле (просить у Бога дождя) в связи с сильной засухой, уже пожилым человеком. Этот Батюшка, разумеется, и раньше приезжал. И не раз в году. Но этот приезд я хорошо помню. Об этом я подробно рассказал ранее, в главе о Деде. Поэтому повторяться не буду.

Отец как-то рассказывал, что, учась в первом классе ЦПШ и живя у попа, попадья однажды напекла просвирок к какому-то религиозному празднику. Он, проснувшись утром рано, тихо-тихо залез в чулан и часть просвирок съел, а оставшиеся спрятал под свою кровать. Вскоре попадья обнаружила исчезновение просвирок. Поп был очень расстроен. Ведь предстоящее богослужение без просвирок нельзя было проводить, а выпекать новую порцию просвирок уже поздно. Попадья, заплакав, спросила, все ли просвирки съел. Он понял, что очень подвел Батюшку и молча вытащил из-под койки остатки просвирок. Расстроенный поп легко вздохнул и сказал, что из школы исключать не будет. Мой будущий отец попросил у Батюшки прощения. Поп перекрестил его и простил. В одиннадцать лет мой будущий отец с отличием окончил трехлетнюю церковно-приходскую школу. Помню, отец как-то рассказывал, что он уже во втором классе понял, что поп и сам в Бога не верит. Такое заключение он сделал после того, как увидел, что поп проповедовал одно, а сам делал другое. Так, в Великий пост, когда все едят квашеную капусту, картофель, редьку и каши на растительном масле, поп ел свиное сало, сливочное масло, окорок и щи со сметаной, да еще выпивал по рюмке-две водки.

После окончания ЦПШ мой будущий отец до 1914 года находился на иждивении своих родителей, помогая им в работе по хозяйству. Пахал землю, сеял зерно, убирал урожай, ухаживал за скотом и выполнял другие работы. С 1914 года начал работать по найму в различных сельских организациях и на выборных должностях. Он ничего своего не имел: ни земли, ни жилья, ни скота. Жил со своим отцом. И все, что имелось, принадлежало его отцу. Чтобы было более понятно, чем он занимался с начала трудовой деятельности и до 1940 года, я помещаю его автобиографию от первого апреля того же года в таком виде, в каком она была им написана.

Автобиография

Коваленко Андрей Минаевич

Родился в 1895 году июля 15 дня, уроженец деревни Новобогдановки, Дарнадеждинской волости Константиноградского уезда Полтавской губернии. Учился в Банновской церковно-приходской школе Воронежской области. Окончил три класса, образование низшее. Прослушал специальные сельскохозяйственные курсы при Богучарской уездной земской управе, 2-х месячные, в 1931 году прослушал специальные курсы лаборантов по зерновым культурам при Воронежской областной контрольно-семенной станции.

С 1914 года занимал:

- с 15/VIII 1914 года по 2/XI 1917 года в Константиноградском сельском правлении Мужичанской волости Воронежской области,
- с 20/XI 1917 года по 30/XII 1917 года секретарем Мужичанской волостной сельской управы Воронежской области,
- с 30/XII 1919 года по 15/I 1918 года секретарем Мужичанского волостного Совета рабоче-крестьянских депутатов Воронежской области,
- с 11/VII 1918 года по 15/I 1919 года председателем Константиноградского сельревкома Банновской волости Воронежской области,
- с 20/VI 1919 года по 1/VIII 1919 года председателем Полтавского сельревкома Банновской волости Воронежской области,
- с 10/VIII 1919 года по 15/XI 1919 года председателем Банновского волкомбеда Воронежской области.
- с 10/I 1920 года по 20/X 1920 года секретарем Полтавского сельсовета Банновской волости Воронежской области,
- с 10/I 1922 года по 1/VI 1923 года помощником председателя Банновского единого потребительского общества Воронежской области,
- с 1/I 1923 года по 1/VI 1930 года избирался председателем Аверинского селькредкома и первичного семеноводческого товарищества Воронежской области,
- с 1/I 1930 года по 1/IV 1930 года работал по найму секретарем Аверинского с/Совета Воронежской области,
- с 1/IV 1930 года по 1/VI 1931 года работал по найму счетоводом колхоза «Новый Октябрь» Аверинского сельсовета Воронежской области,
- с 6/IV 1932 года по 1/VII 1932 года работал кладовщиком при столовой Новохоперской райзаготконторы ОРСа Уралмашзавода по Воронежской области,
- с 25/VI 1934 года по 15/III 1935 года заведующим секцией общепита – секретарем Горпо Воронежской области,
- с 1/IX 1935 года по 4/I 1937 года заведующим торговым отделом ОРСа Пх путей Валуйки Пенза Балашов при ст. Новохоперск Воронежской области,
- с 11/I 1937 года по 5/XII 1937 года работал в Борисоглебском райтрансторансторгпите Воронежской области заведующим пекарней при ст. Абрамовка и заведующим столовой при ст. Новохоперск Воронежской области,
- с 15/XII 1937 года по 25/II 1938 года работал агентом по заготовке утиля в Новохоперской заготконтуре «Союзутиль» Воронежской области,
- с 26/II 1938 года по 15/V 1938 года работал конторщиком при ст. Новохоперск Воронежской области.
- с 21/VI 1938 года по 16/II 1940 года работал завторгом Гармского РПО Таджикской ССР,
- с 22/VI 1940 года по 8/VIII 1940 года работал в Сталинабадском Облпотребсоюзе финансистом.

С 1917 года по 1921 год по работе переводился с одной на другую, остальное время за исключением выборов увольнялся по своему желанию.

Со 2/II 1918 года по 15/VII 1918 года служил добровольцем в Красной гвардии отряда Петрова.

С 20/X 1920 года по 1/VII 1921 года служил добровольцем в Красной армии на бронепоезде «Гром» № 25.

Не судим, привлекался по делу Гармского Горпо по ст. 133 ч. II УК, но Верховным Судом оправдан за отсутствием состава преступления.

За границей не был и родственников не имею.

Семьи имею жену и пять душ учащихся детей в возрасте от 8 лет до 17 лет, из них двое комсомольцы.

Отец был крестьянином-ремесленником, жил на отрубе в пос. Константиноградский Банновской Волости Воронежской области, до Октябрьской революции Коваленко Минай Маркович, кроме того, занимался ремеслом, портняжеством, родился он на Украине, где, не знаю, после революции жил на моем иждивении. Умер в гор. Новохоперске Воронежской области в 1933 году, мать Коваленко Домникия Даниловна, но сведений о ней не знаю, умерла в 1922 году.

*К сему А. Коваленко
I/IV – 40.*

Эту автобиографию отец писал в апреле 1940 года, находясь в бегах от агентов НКВД и от семьи. В 1937 году был арестован органами НКВД его старший брат Василий, работавший в то время исполняющим обязанности начальника коммунального хозяйства Воронежской области. Но о нем, о его судьбе и о судьбе его семьи я напишу в отдельном разделе своих воспоминаний. А пока об отце.

После ареста брата Василия отца предупредили, что его тоже должны арестовать. Поэтому он сбежал, как говорится, исчез. Позже выяснилось, что в это же время из города исчезла и его любовница Мария Щербакова, работавшая официанткой в столовой Новохоперского городского потребительского общества. Тогда нам стало ясно, что отец увез ее с собою. О том, что она была его любовницей, мы знали давно. Но до Марии Щербаковой у него имелась другая любовница – Анька-Спица. Новохоперск был небольшим городком, в котором многие знали друг друга, особенно девушки и юноши, учившиеся в одной-единственной средней школе. И потому многие были наслышаны о любовных похождениях отца. Нам было стыдно за отца перед товарищами, знакомыми и соседями. Измена кого-либо в семье в те добрые времена была самым позорным явлением. Разводов, по существу, не было.

Мы почему-то в измене отца нашей матери винили не отца, а его любовниц. А поэтому всю свою ненависть выплескивали в их адрес не только в своих душах и сердцах, но и в действиях. Иногда я смазывал дегтем калитку в воротах дома, в котором жила Анна-Спица. Несколько раз выплескивал на нее тот же деготь. Но этого для меня было недостаточно. Я думал и думал: что же еще можно сделать пренеприятнейшего этой Анне-Спице? Причем я рассчитывал на то, что любовница отца на меня ни в милицию, ни в школу жаловаться не пойдет. И, наконец, придумал. Я решил вылить ей на голову ведро говна. В начале лета 1936 года я в туалете набрал полведра говна, развел его водою до состояния кашицы и рано утром пошел к ее дому. У палисадника я спрятался в кустах сирени и устроил засаду. Я ждал, когда Анна-Спица выйдет со двора. Около восьми часов утра открывается калитка и появляется любовница отца – высокая, тонкая, с продолговатым лицом и румянцем на щеках Анна. Только она миновала палисадник, я как кошка выскакиваю из-под куста цветущей сирени, надеваю ей на голову ведро с содержимым и стремительно убегаю в овраг, находившийся неподалеку от этого злополучного дома. А оттуда на Хопер. Там моюсь в прохладной утренней воде, стираю белье, сушу его на солнышке и к обеду возвращаюсь домой. И самое удивительное, что Анька-Спица ни разу не вскрикнула, когда я ее обливал дегтем. Так было и на этот раз. А Анькой-Спицей мы прозвали ее потому, что она была высокой и тонкой.

Вечером в этот же день отец, придя домой, спросил меня: «Это твоя работа?», указывая мне на принесенное им пустое ведро. «Нет, это твоя работа, ты меня до этого довел, стыдно за тебя», - ответил я.

Он взял скалку, лежавшую на столе и хотел меня ударить. Но я увернулся, схватил его за руку, быстро сделал подножку и в один миг уложил на пол животом вниз.

Прибежала мать и села ему на спину, закричав: «Дай денег, дети голодные!» Он ответил: «Отпустите меня, я уйду». Мать стала проверять его карманы и в одном из них нашла пятьдесят рублей. Он закричал: «Не трогай эти деньги, они для любовницы!» Мы слезли с него. Он поднялся на ноги. Мать сказала ему: «Уходи!» И он, молча, ушел. После этого случая отец месяцами не появлялся.

В начале лета 1938 года он из города исчез, а вместе с ним и вторая его любовница – Мария Щербакова, которая была моложе его на двадцать лет. К концу года стали приходить посылки и денежные переводы от имени Петра Парфентьевича Беликова из города Гарма Таджикской ССР. Тогда мы поняли, что отец находится в Таджикистане. Ну, а почему посылки отправлялись от имени Беликова, понятно. Отец скрывал свои следы от НКВД. И только уже с конца 1939 года, когда волна сталинских репрессий несколько стихла, на посылках и денежных переводах появился его обратный адрес с указанием его фамилии. Должен сказать честно, что отец помогал деньгами и посылками с одеждой и тканями много и почти ежемесячно, вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Во время Великой Отечественной войны отец около года служил в Красной Армии, но где, не знаю. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а также многими юбилейными медалями в ознаменование Дня Победы над фашисткой Германией и Дня Советской Армии.

После увольнения из Красной Армии и до выхода на пенсию отец работал заведующим торговым отделом Кулябского Облисполкома Таджикской ССР.

В начале Великой Отечественной войны я написал письмо отцу с фронта, в котором в грубой форме, с оскорблениями личности, как теперь говорят, ругал его за измену семье, за брошенную им нашу мать и покинутых им нас, своих пятерых детей. В этом письме было отправлено ему и стихотворение, в котором я обещал, если останусь живым, срубить ему голову, как последнему фашисту, оставшемуся на нашей земле. Я все стихотворение не помню, но два куплета в моей памяти сохранились. Вот они:

*Променял семью ты на б...
И торгующих собою проституток,
Бросил ты жену и пятерых детей, -
О подлый, подлый твой поступок!*

*И если в этой битве я живым останусь
И вернусь когда-нибудь домой,
Я найду тебя в горах Таджикистана
И голову твою снесу долой!*

Разумеется, женщины, с которым отец имел интимные связи, не были проститутками. Это были обычные молодые женщины, стремившиеся устроить свою жизнь.

После войны, в 1947 году тетя Елизавета Минаевна, сестра отца, жившая в период войны в Сталинабаде, мне рассказывала: «Отец читал твое письмо. Он был очень

расстроен, плакал и сам себя спрашивал, как же мог написать ему такое письмо родной сын. А что могла сказать я, если твой отец сам виноват...»

Мать, боясь оккупации города Новохоперска фашистами, бросив квартиру и распродав убогое имущество, забрав с собою четырех детей, осенью 1941 года уехала в Сталинабад. По прибытии туда она дала отцу телеграмму в город Куляб: «Немедленно вылетай Сталинабад вокзал я привезла тебе детей». Отец прилетел через несколько дней, в русском гетто, неподалеку от ж/д вокзала он купил глиняную кибитку. Так называли это жилище, построенное из глины, имевшее кухню около десяти квадратных метров и жилую комнату в семнадцать квадратных метров.

В этой кибитке жили: мать, три моих сестры и младший брат. Сестра Валя поступила в Ленинабадский медицинский институт, Нина – на курсы машинисток, Володя – в среднюю школу, а после ее окончания – в Сумское артиллерийское училище, находившееся во время войны в эвакуации в Сталинабаде, а Рая будет учиться еще только в третьем классе. И там, до призыва в армию отец им помогал. Помогал и после увольнения из армии по болезни. В армии служил он около года.

Впервые после Великой Отечественной войны я встретился со всеми своими, кроме Володи, в мае 1946 года, находясь в отпуске. Володя в это время еще учился в городе Сумы в артиллерийском училище. Прилетал на несколько дней из города Куляба и отец. Но разговоров о том, как он бросил нас в 1938 году, у нас с ним не было. С того времени прошло восемь лет, многое забылось и сгладилось временем. И разговоры на эту тему, как я тогда считал, были не нужны. Отец о моем письме и стихотворении с фронта тоже не вспоминал. Казалось, что наступило примирение, но, однако в душе что-то скребло и иногда требовало отмщения отцу.

Летом 1948 года я ехал в отпуск из Мурманска в Сталинабад с пересадкой в Москве, где остановился у двоюродной сестры Дуси. Выезжая из Мурманска, я дал телеграмму Дусе, чтобы меня встретила. С собою я вез килограммов пятьдесят семги. Поезд в Москву приходил рано утром. Меня встретил муж Дуси, Павел Тарасович, который сказал: «А у нас твой отец, он в Москве в командировке». «А почему он меня не встречает?», - спросил я. «Он спит, я не стал его будить», - ответил Павел Тарасович. Это меня возмутило. Я решил отомстить отцу за его предательство по отношению к нашей матери и к нам, его детям. Мы зашли в зал для отдыха пассажиров. В буфете выпили по стакану водки, закусили. Затем еще пропустили по сто граммов... Водка подогрела желание отомстить отцу. Затем мы спустились в метрополитен и поехали к Дусе. Зашли в комнату. Стол был, как говорят, накрыт. На столе стояла водка и закуски. За столом сидели отец и Дуся. Отец встал и сказал: «Здравствуй, дорогой сынок!». Я ответил: «Привет, папаша!» И, подойдя к нему, нанес кулаком несколько ударов в лицо, приговаривая: «Вот тебе за нашу мать, за всех нас и за то, что ты меня не встретил!» У него из носа хлынула кровь. Он, зажав нос ладонью, выбежал в коридор. За ним вслед выскочила Дуся. На душе стало легче. Ведь я отомстил отцу за мать и за себя. Выпив две рюмки водки, я завалился спать. Проснувшись где-то к обеду, я увидел за столом плакавшую Дусю. Я спросил у нее: «Где отец?» Она ответила: «У соседей». Я думал и размышлял: что же теперь мне делать, как быть дальше и что предпринять. Приходила мысль немедленно уйти от Дуси, уехать в Сталинабад к матери и никогда больше с отцом не встречаться. Но я размышлял: «Он все же отец, семье все время помогал и помогал много, на меня никогда не подымал руки, кроме случая со скалкой и грубого слова я от него ни разу не слышал». В душе моей, в моем мозгу крутилась мысль, то затухая, то вновь вспыхивая, мысль о том, что надо с отцом помириться, вместе уехать в Сталинабад

и наладить добрые отношения. Я понимал, что для примирения перед отцом надо извиниться. А это означало отступление. Но я, прошедший войну и не раз смотревший смерти в глаза, не отменивший ни разу принятого решения, должен был отступить. На это пойти было трудно, ой как трудно! Но я решил отступить. Я сказал Дусе: «Пойдем к соседям, я хочу поговорить с отцом». Она спросила меня: «Ты опять будешь его бить?» Я ответил: «Нет, я больше бить не буду. Мне стало легче на душе. Я отцу отомстил. Бить не буду, я буду просить прощения. Ведь отец – есть отец, какой бы он ни был».

Дуся сказала: «Я не верю, что ты можешь пойти на этот шаг, ведь ты человек упрямый, твердый, даже жестокий». Я ей ответил: «Да, я человек упрямый, твердый, жестокий. Это всё взятое вместе помогло мне выжить в прошедшей войне. Но и на войне всё это – упрямство, твердость и жестокость – допускал в пределах разумного, без унижений, оскорблений и мордобития людей. Ну, а что касается сегодняшнего дня, то это так уж получилось. Сорвался, не выдержал». И она сказала: «Ну, пошли!» Мы зашли в квартиру соседей. Отец лежал на диване. Под глазами был наложен компресс – полотенце, смоченное водой.

– Здравствуй, папаша, – сказал я.

– Здравствуй, сын, – ответил отец.

– Каково твое здоровье и настроение? – спросил я.

– И то, и другое плохое, – ответил он.

– Ничего страшного нет, всё поправимо, всё пройдет. Ты прости меня за то, что я на тебя, родного отца, поднял руку, – сказал я.

– Я прощаю тебя, но признаюсь: я виноват перед семьей, перед тобой. Прости и ты меня.

– Прощаю, – сказал я.

Я помог отцу подняться с дивана и поцеловал его в щеку, прижав к себе. Под глазами у него были приличные «фонари». Он заплакал, по щекам его текли слезы. Я сказал: «Ну, хватит, ты же старый солдат, держись». И, прижав к себе, снова поцеловал в мокрую, соленую от слез щеку. Взяв его за руку, повел в квартиру Дуси. Пообедали, выпив по две-три рюмки водки, закусывая семгой. О случившемся несколько часов тому назад мы не вспоминали. Примирение состоялось. Через несколько дней мы покинули Москву, уехав в Сталинабад. Поезд до Сталинабада полз около недели. Так что у нас было достаточно времени для воспоминаний о прошлом, о прожитом и пережитом, о войне, о будущем. Говорили откровенно, честно и прямо о семейных делах и его амурных похождениях до войны и о жизни в настоящее, в первый год после войны время. Он глубоко и тяжело переживал свою жизненную трагедию и трагедию в целом семьи – разрыв отношений с женой, нашей матерью, и потерей нас, своих пятерых детей. Ведь все мы пятеро жили с матерью, она нас воспитала, выучила и, как говорят, вывела в люди. Четверо из нас от матери ушли и жили самостоятельно, но ежегодно приезжали в отпуск к ней, помогали ей материально. Это терзало его душу. Он мучился, переживал.

Отпуск у него был продолжительностью сорок пять суток без дороги. Отец уехал в Куляб и, взяв отпуск, возвратился в Сталинабад. Навестив мать и взяв с собою отца и сестру Раю, мы поехали в город Бутурлиновку Воронежской области. Там жили: сестра отца, Елизавета Минаевна, ее дочь Тоня, а также упоминавшиеся мною в рассказе о своем Деде, Лебедь Поликарп Максимович и Лебедь Яков Гаврилович – бывшие наши односельчане, уехавшие в Бутурлиновку в 1930 году и избежавшие раскулачивания. Пробыв там около двух недель, навестив родственников и знакомых, мы возвратились в Москву. Через несколько дней отца и сестру я отправил в Сталинабад, а сам уехал к месту

службы – в поселок Титовку Мурманской области (на побережье Мотовского залива Баренцева моря). С этого времени у меня с отцом началась, хотя и редкая, но переписка.

А после моего переезда в 1956 году из Печенги Мурманской области в город Чебаркуль Челябинской области переписка стала регулярной и доброжелательной. Потребовалось около двадцати лет, чтобы восстановить нарушенные отношения с отцом по его же вине.

В своих письмах отец неоднократно просил разрешения на приезд ко мне, чтобы познакомиться с моей семьей. Я отказывал ему в этом. Видимо, для этого не пришло еще время, и в моей душе лежал еще тяжелый груз его измены семье. Правда, моя жена, прочитав его очередное письмо с просьбой разрешить приехать к нам, говорила:

– Ну что ты не хочешь, чтобы он приехал? Ведь он твой отец, он переживает за случившуюся когда-то измену семье. Но ведь это было давно, с того времени прошло двадцать лет и пора об этом забыть. Напиши ему, чтобы приехал. Не издевайся над ним.

В 1959 году, после увольнения из армии по болезни, я с семьей переехал с Урала (Нижнего Тагила) на постоянное жительство в Петрозаводск.

И тогда я написал письмо отцу, в котором пригласил его приехать к нам. В сентябре 1960 года он приехал. Мы встретили его по-родственному, тепло. Пробыл он у нас две недели. Я ни разу не напомнил ему о прошлом, ни разу не упрекнул его за предательство семьи тогда, уже в далеком 1938 году. Правда, в день приезда я обидел его. Помню, мы – я, моя жена и отец – сидели за столом. Выпили по рюмке-две вина и вели разговор о жизни, о делах, о прошедших годах. И тут жена стала задавать моему отцу вопросы, а он отвечать ей.

– Андрей Минаевич, как могло случиться, что Вы бросили жену и пятерых детей, в чем причины, и считаете ли себя виноватым в этом?

– Дорогая Тоня, на эти вопросы я отвечаю так: во-первых, я работал в системе торговли. А как известно, в этой системе всегда работали в основном женщины, и в торговле всегда процветали блат, взяточничество, обман и обсчет покупателя. А на этой почве происходили знакомства, организовывались пьянки, гулянки, вечеринки, результатом которых были измены жен мужьям и наоборот. И на одной гулянке за счет «левых» я попался на крючок молодой официантки столовой, с которой и связал в дальнейшем свою судьбу. А во-вторых, в декабре 1937 года был арестован, как враг народа, мой старший брат Василий. Я получил предупреждение, что меня тоже могут арестовать. И мне ничего не оставалось, как только уехать подальше и затеряться, запутать свои следы. И я уехал в Таджикистан, забрал с собою официантку столовой, с которой сожительствовал около двух лет. А вообще эту глупость я совершил по молодости и очень сожалею, что бросил семью.

Тут в разговор моей жены и отца вмешался я, сказав:

– Ни хера себе, был молод... Тебе было сорок пять, какой же ты был молодой? Ты просто в бытовом отношении разложился.

Отец на это ничего не ответил, а моя жена, заплакав, сказала:

– Хватит тебе, Коля, издеваться над отцом, ведь прошло столько времени». Я извинился, жена успокоилась и задала отцу следующий вопрос:

– Андрей Минаевич, а какая там у вас семья?

– У меня имеется сын Виталий, которому двенадцать лет, – ответил отец.

Жена, обращаясь ко мне, сказала:

– Вот видишь, у тебя имеется еще один братик, Виталик.

Тут я вновь не выдержал:

– На кой хер мне нужен такой брат, отец за двадцать лет мог наклепать два десятка таких братьев, по одному в год. Мне такой брат не нужен, у меня есть родной, настоящий брат. А этот не брат!

Жена вновь заплакала. Мне опять пришлось извиниться за несдержанность и грубость. Жена перестала плакать, успокоилась и больше вопросов отцу не задавала. Разговоры пошли на другие темы, и всё стало на свои места.

Отец ежедневно ходил со внуками – Володей (семи лет) и Надей (двух с половиной лет) – на прогулки во двор и по городу, покупал им игрушки и шоколад.

Прожив у нас две недели, отец в середине сентября месяца уехал к себе домой в Таджикистан. У нас установились нормальные отношения, на что потребовалось более двадцати лет.

В 1976 году отец просил меня разрешить его сыну Виталию (от второй жены и любовницы в прошлом) приехать ко мне для знакомства со мною и моей семьей. Но мы с моей женой не могли его принять, так как дом, в котором жили и живем, находился на капитальном ремонте.

В 1979 году в возрасте восьмидесяти четырех лет отец умер. После смерти отца мы с моей женой пригласили Виталия и его жену приехать к нам в гости. В 1980 году они приехали. Встретили их как самых близких родных – тепло и радушно. Это было в августе месяце. Погода в том году в августе месяце была на редкость солнечной и теплой. Виталий и Наташа посетили Кижи – памятник русского деревянного зодчества, имеющий мировую известность. Познакомили их с нашим городом Петрозаводском и его окрестностями, съездив в Марциальные воды. В Марциальных водах осмотрели санаторий, побывали в музее и часовне Петра I и попили вдоволь железистой воды. Жили на моей даче в деревне Машезеро. После 1980 года Виталий приезжал еще дважды: в 1989 году с сыном Андреем, а в 1993 году – один. Теперь я понял, что в 1960 году был не прав, говоря, что Виталий не брат. Конечно же, брат!

Виталий окончил Рижский институт гражданской авиации, факультет радиоэлектроники и связи. Работал начальником связи Кулябского аэропорта Таджикистана. В 1973 году был взят на службу в Кулябское областное Управление Государственной безопасности на должность начальника связи управления. Позже на этой же должности работал в Ленинабадском областном управлении Госбезопасности Таджикистана, а в 1992 году получил перевод в Черниговское областное управление Госбезопасности Украины. Имеет звание подполковник.

Немного об отце как о Человеке. С ним я прожил восемнадцать лет. За эти годы я не слышал от него ни одного грубого слова. Ремня он никогда не применял, хотя иногда и надо было пороть меня хлыстом. Характер у него был спокойный, он не «взрывался». С людьми был обходителен, вежлив. Должен признаться, что воспитанию нас, своих детей, он мало уделял внимания. Почти не интересовался нашей учебой, поведением вне дома. Последние два года до бегства от семьи мы его почти не видели. Он большую часть времени проводил у любовницы, часто не ночуя дома.

Читайте прилагаемые ксерокопии из домашнего архива об участии отца в партизанском движении в годы гражданской войны, автобиографию от 1/IV 1950 года и другие документы.

МАТЬ

Моя мать, по девичьей фамилии Коваль Мария Ивановна, родилась 20 мая 1894 года на Украине, на Полтавщине. В 1902 году вместе со своими родителями приехала в Воронежскую губернию. Ее отец, Иван Никитович, получил от царя надел земли, но сколько, не знаю. Мать окончила отлично три класса церковно-приходской школы. Замуж за моего отца вышла в 1919 году. Была она женщиной скромной, тихой, даже чрезмерно тихой, да в какой-то степени и замкнутой. Все семейные беды и жизненные невзгоды она, как говорят, переносила в себе, молча. За всю свою долгую, тяжелую и мучительную жизнь мать никого не обидела, никому не нагрубила. Ни в каких спорах, скандалах, дразгах и сплетнях она никогда не принимала участия. До приезда в город Новохоперск всё большое хозяйство было на ее руках и плечах. Она работала от зари до зари, от восхода до захода солнца.

Не уменьшалось забот и хлопот после переезда в город. В 1932 году начался голод, достигший своего апогея в 1933 году. Основной заботой матери было хоть чем-то нас накормить, не дать умереть от голода, спасти нас. Основной едой в то время была «затируха». Отец и мать где-то доставали обмолотое зерно овса, ячменя, пшеницы и ржи. Мать или отец садились за жернова и мололи ими что-то вроде крупы. Жернова – это два плоских круглых камня с насечками на их плоскостях. В центре камней отверстия для оси. Ось была вмонтирована наглухо в нижний камень. Верхний камень клали на нижний. Верхний камень имел еще одно отверстие недалеко от центра, в которое засыпали зерно. На краю окружности верхнего колеса была ручка в виде штыря, с помощью которой вращали верхний круг. Зерно попадало между камнями и дробилось, растиралось, разминалось (жерновами) на крупу. Из этой крупы и варили «затируху». Жиров не было, редко перепадало растительное масло. Этой едой и питались около полутора лет.

Конечно, питались не только «затирухой». Много ели подсолнечных жмыхов, которые в добрые времена, до коллективизации сельского хозяйства, шли на корм скоту. С ранней весны и до поздней осени мать варила супы из крапивы и лебеды. Иногда был и хлеб, краюху которого отец изредка где-то доставал. Ели и дубовые желуди. Каждый выживал, кто как мог.

В 1934 году жизнь понемногу улучшилась. Были введены карточки на хлеб. Насколько я помню, по карточкам выдавали 400 граммов хлеба на работающего и по 300 граммов на иждивенца на день. Наша семья получала на 100 граммов больше на каждого, так как отец был красногвардейцем и красным партизаном. Такова была льгота для них и их семей. За хлебом с раннего утра у магазинов выстраивались очереди в несколько сотен человек. Выкупать хлеб ходил я. Хлеб выкупал без очереди, предъявляя красногвардейское удостоверение отца. Получить хлеб вне очереди, – это была еще одна льгота красногвардейцу. И не было случая, чтобы по пути из магазина домой я бы съел довесок или отломил кусочек хлеба. Несмотря на неопишуемое чувство голода, я как-то сдерживал себя, хлеб полностью приносил домой и отдавал матери. А мать делила хлеб и выдавала нам по кусочку три раза в день: к завтраку, обеду и ужину.

Весною этого же, 1934 года, отец получил двадцать пять соток земли на окраине города. На этом участке мы посеяли кукурузу, посадили картофель, немного арбузов и дынь. А на втором участке в пойме реки Хопер сажали огурцы, помидоры, лук, морковь, репу, капусту, редиску, укроп и другую зелень. В этом году всё уродилось на славу. Да и последующие годы, вплоть до сорок первого года, урожаи были хорошие. Жить стало

легче. Завели полтора десятка кур и ежегодно откармливали свинью. Работы хватало всем. На прополку участков и уборку урожая выходили всей семьей. Урожай с участков я вывозил на большой двухколесной тачке. Так за счет этих участков мать кормила семью до выезда осенью 1941 года в Сталинабад.

В Сталинабаде тоже пришлось немало хлебнуть горя. Новый, незнакомый город, чужие люди, ни одного знакомого человека. Жизнь надо было начинать заново. Шла война. На плечах матери сидели четверо детей, которых надо было кормить, одевать и учить. С одеждой особых проблем поначалу не возникало, так как все были обуты и одеты, да к тому же имелись какие-то запасы одежды, обуви и материи. Какие-то вещи мать продавала на рынке и на вырученные деньги покупала продукты. Однажды, покупая белую муку, разговорилась с ее продавцов – пожилым таджиком. В разговоре выяснилось, что этот таджик работал мельником на колхозной мельнице в одиннадцати километрах от города. Мать договорилась с этим мельником, что она будет ходить на мельницу и покупать у него муку. И так с осени 1941 года и до осени 1946 года она через день-два совершала регулярно марши на мельницу за мукою. Из этой муки выпекала белый хлеб и булочки. Эту выпечку продавала на рынке. На вырученные деньги покупала муку, снова пекла хлеб и снова везла на тачке на рынок. И так это длилось на протяжении пяти лет. А за счет припека жили. С осени 1941 года и до конца 1946 года мать по моему аттестату получала шестьсот рублей ежемесячно. Этих денег хватало лишь на две-три буханки хлеба. Я как-то уже после войны спрашивал у матери, не притесняла ли ее милиция как спекулянтку за торговлю хлебом. Она рассказывала: «Первое время запрещали продавать хлеб. Три раза забирали в милицию. Милицейский участок находился рядом с рынком. Там постоянно дежурили лейтенант и два сержанта милиции. Все таджики. Всякий раз, когда задерживали, я им говорила, что мне надо кормить четырех человек детей, которые учатся, что старший сын и муж на фронте. Они были люди добрые. Каждый раз просили меня продавать хлеб не на рынке, а где-либо за углом. А в последний раз лейтенант сказал: «Ладно, мамаша, продавай хлеб на рынке, только нас не забывай. Мы тоже хотим жить, и давай нам по кусочку хлеба...» И я каждый раз специально для них выпекала три булочки граммов по триста каждая и угощала ими этих милиционеров. Эти три милиционера бесценно находились на этом участке всю войну. Лейтенант вырос до капитана, а сержанты – до старшин». Мать этих таджиков вспоминала добрым словом. В те тяжелые времена военного лихолетья всем надо было выживать. И тогда, после войны я не осуждал и сегодня, в не менее трудное перестроечное время, не осуждаю тех трех милиционеров-таджиков, которые помогли моей матери, трем сестрам и брату выжить в той, теперь уже далекой, войне. В связи с этим мне вспоминается случай, подтверждающий добрые, глубоко человеческие чувства таджиков к людям другой национальности, и, в частности к нам, русским. 30 апреля 1946 года я впервые после войны приехал в отпуск к матери в Сталинабад, мои телеграммы из Мурманска, Москвы и Ташкента матерью не были получены. На вокзале меня никто не встречал. Но я быстро нашел кибитку в рабочем поселке, где проживала мать. Дверь в коридор была открыта. Переступил порог. В нос хлынул приятный, щекочущий запах печеного хлеба. Через открытую на кухне дверь увидел хлопчущую у русской печи, поседевшую и постаревшую мать. На столе лежало около десятка буханок белого хлеба и десятка три-четыре булочки. Я сказал: «Здравствуй, моя милая и дорогая мамочка! Вот я и приехал к тебе в отпуск».

Мать бросилась ко мне, обняла меня и, плача, стала целовать. Успокоив ее, я спросил: «Это ты столько хлеба напекла на мою встречу?» «Да нет», – ответила она. –

«Это на продажу, на базар». И рассказала о том, как покупала на мельнице муку, выпекала и продавала хлеб, а за счет припека кормилась, о чем я уже написал выше. Ну а потом пошли разговоры о прошедшей войне и прожитых годах. В этот день и в последующие дни моего отпуска мать хлебом на базаре не торговала. Имевшиеся у меня деньги я отдал ей.

К обеду домой пришли сестры: Рая из школы, а также Валя и ее муж. На домашнем совете было решено: на следующий день, Первого Мая, организовать праздничный обед в честь майского праздника и моего приезда. Мы с зятем Петром Алексеевичем, старшим лейтенантом, летчиком, взяв двадцатилитровую бутылку, пошли закупать вино и продукты. На проспекте Сталина зашли в первую попавшуюся на нашем пути шашлычную. Нас встретил гостеприимно пожилой таджик – хозяин шашлычной. Я заказал три стакана вина, несколько шашлыков, зеленый лук и укроп. Когда все было подано, я попросил сестру за стол хозяина шашлычной. Он с благодарностью, раскланиваясь по восточному обычаю, принял мое приглашение. Мы выпили по стакану-два виноградного вина, закусили шашлыками и зеленью. И хозяин шашлычной начал задавать вопросы. Его интересовало, кто я, как попал в Сталинабад, какая семья, как она жила и выжила в этой страшной войне, на каких фронтах и в каких должностях воевал, за что получил ордена, где и кем служу в данное время. И много других вопросов.

За ответами на вопросы и воспоминаниями мы просидели до вечера. Начинало темнеть. Я поблагодарил хозяина шашлычной за гостеприимство и положил ему на прилавок тысячу рублей. Он отказался от денег, засунув их мне обратно в карман гимнастерки. Забрав наполненную виноградным вином двадцатилитровую бутылку, мы пошли домой. Никаких продуктов в этот день не купили. Утром 1 Мая мы с Петром Алексеевичем снова пошли покупать продукты. По пути в магазины вспомнил, что за двадцать литров вина я хозяину шашлычной не уплатил. Надо было рассчитаться. Мы зашли в шашлычную. Хозяин нас встретил любезно. Я извинился перед ним за то, что вчера мы ушли, не рассчитавшись за вино. Я отдал ему тысячу рублей. Он поблагодарил, налил нам по стакану вина и сказал: «Я помню, что вы вчера ушли, не заплатив за вино. Я не стал догонять вас, чтобы не ставить в неудобное положение. Но я знал и верил, что вы придете и принесете деньги».

Мы выпили по стакану вина. Он предложил еще по стакану. Мы отказались и, поблагодарив его, пошли по своим делам. На прощанье он приглашал заходить к нему. За время отпуска я заходил к нему несколько раз. И всякий раз он угощал меня вином и шашлыками.

Первого Мая мы пригласили соседей и за торжественным обедом отметили мой приезд. Через месяц я уехал в местечко Наутси (на стыке Советской, Финской и Норвежской госграниц), где я служил в должности начальника разведки 83-ей Стрелковой Краснознаменной дивизии.

В 1947 году я к матери в отпуск в Сталинабад не ездил. В этом году я ездил в отпуск в город Бутурлиновку Воронежской области к тете Елизавете Минаевне (сестре отца), а оттуда в Казань к ее сыну Пете, то есть к своему двоюродному брату.

С 1948 года по 1952 год я ездил ежегодно в отпуск к матери в Сталинабад. В 1952 году мать переехала в Кривой Рог к родителям мужа младшей дочери Раисы, а оттуда в 1953 году перекочевала в Запорожье, где жила год на частной квартире. В этом же году к ней приехали из Сталинабада ее старшая сестра Наталья Ивановна и младший брат Игнат Иванович. В 1954 году они на окраине Запорожья купили дом. В 1968 году Игнат Иванович умер, а в 1975 году ушла из жизни и Наталья Ивановна. Я ездил их хоронить. В

1975 году я дом продал, а мать перевез к ее дочери Раисе, в Кривой Рог, где она и умерла в апреле 1990 года, не дожив одного месяца до 96 лет.

У матери было три брата – Иустин Иванович (с остатками войск Деникина в годы гражданской войны бежал во Францию), Антон Иванович (в 1933 году был арестован органами НКВД как кулак и уничтожен) и Игнат Иванович, умерший в 1968 году.

ДЯДЯ ВАСЯ

Старший брат моего отца Василий, а для меня дядя Вася, в 1937 году был арестован и уничтожен сталинистами как враг народа. Его жена, Антонина Николаевна, по девичьей фамилии Рыбка, тоже была арестована и без суда и следствия, по решению Особого Совещания, заключена в Карагандинский концлагерь в Казахстане. Старшая дочь Антонины Николаевны и Василия Минаевича Майя была отправлена в детский дом для детей врагов народа. Младшую дочь Нелю удалось спрятать у дальних родственников, и она в детский дом для детей репрессированных не попала. Малолетние сестры Майя и Неля оказались отлученными от родителей и разлученными между собой.

Дядя Вася родился в 1893 году на Полтавщине. В 1902 году вместе с родителями приехал в Новохоперский уезд Воронежской губернии. После окончания Банновской церковно-приходской школы помогал своему отцу по хозяйству. В юности учился на сельскохозяйственных курсах, где изучал агрономию, сельскохозяйственное производство и ветеринарию.

В 1914 году дядя женился. Его отец дал ему тридцать десятин земли, корову, двух лошадей, двух волов и построил ему дом-пятистенок. Дядя Вася был крестьянином.

В 1915 году дядю Васю призвали в Царскую армию. На фронтах первой мировой войны он не находился. Служил в городе Землянское Воронежской области, где окончил учебную пулеметную команду и при ней же остался обучать новобранцев стрельбе из станкового пулемета. Приветствовал свержение царизма в России, Октябрьскую революцию 1917 года и приход большевиков к власти. В годы гражданской войны находился в партизанских и красногвардейских отрядах и участвовал в разгроме белогвардейских банд на территории Воронежской губернии. Служил в Красной Армии. В марте 1918 года вступил в партию большевиков. С гражданской войны вернулся в 1920 году. Его жена, блудившая и с белыми бандитами, и с красными командирами, заболела сифилисом. Дядя Вася с нею развелся. Она, забрав с собою двух малолетних дочерей, уехала на Полтавщину.

Дядя Вася был избран коммунистами в состав Воронежского уездного Комитета коммунистической партии большевиков.

Тридцать десятин земли он вернул своему отцу, а дом продал. Имевшийся скот – корову, двух лошадей и двух волов, пока он защищал молодую Советскую республику, его блудная жена промотала.

В 1920 году Василий Минаевич уехал в Воронеж. Связав свою судьбу с партией большевиков, он стал партийным работником. В 1924 году, находясь в командировке в городе Новохоперске и посещая по служебным делам учебные заведения города, он познакомился с учащейся педучилища Антониной Николаевной Рыбка. Они полюбили друг друга, и осенью 1924 года поженились. Семья Рыбок жила в четырех верстах от нашего поселка. Дядя Вася ранее с Тоней знаком не был, но был наслышан, что среди семи сестер Рыбок Тоня самая красивая. В 1925 году у них родилась Майя, а в 1931 году – Неля.

В 1927 году дядя Вася был избран секретарем Воронежского Уездного Комитета ВКП(б), а также членом Президиума Воронежского Уездного Исполнительного Комитета.

В 1929 году дядю Васю направили на учебу в Ленинградский институт инженеров коммунального строительства, который он окончил в 1932 году. После окончания института он работал начальником Воронежского Облпроектплангора – организации,

занимавшейся планированием и проектированием строительства новых и застройки старых городов. Затем некоторое время находился в должности начальника экономического отдела Воронежского областного Управления коммунального хозяйства. 28 июня 1937 года он был избран заместителем начальника Воронежского областного Управления коммунального хозяйства.

В час ночи 4 декабря 1937 года дядя Вася и его жена слышали стук в дверь квартиры. Антонина Николаевна, подойдя к двери, спросила, кто стучит и что надо. В ответ услышала: «Это я, Вера Трофимовна, мне очень плохо». Антонина Николаевна открыла дверь. Оттолкнув соседку, в квартиру ворвались три сотрудника НКВД, один из которых держал в правой руке револьвер. Он крикнул: «Гражданин Коваленко, стоять на месте! Руки за спину! Вы арестованы!» И показал Василию Минаевичу ордер на арест и на обыск. Антонина опустила на диван и заплакала. Из платяных и книжных шкафов энкэвэдэшники выбросили на пол одежду и книги. Карманы одежды вывернули, а книги перелистали. Хотели разрезать кожу, которой были обшиты диван и два мягких кресла, но не стали этого делать. Они прощупали диван и кресла и перевернули их нижней частью вверх. Прощупали подушки и перину и выбросили их с кровати на пол. Из тумбочки, стоявшей у кровати, вывалили на пол предметы дамского туалета. В зале выбросили все бумаги из письменного стола и просмотрели их. В ящике стола находился пистолет «Браунинг», который дядя Вася получил при его назначении начальником Воронежского Облпроектплангора еще в 1932 году. На кухне всё из кухонного стола и шкафа вытащили и проверили, заглядывая в банки и в мешочки с крупой. В детской комнате всё перепотрошили, даже перелистали учебники и детские книжки Майи. Обыск закончили, не найдя никакого компромата. Да его и не могло быть. Мой дядя был честным и преданным своей Родине и своему народу человеком.

Рано утром его увезли.

*Из следственного дела № П-6556,
хранящегося в Центре документации
новейшей истории Архивного отдела
Администрации Воронежской области:*

Арестован 4 декабря 1937 года, ордер № 2241 от 3 декабря 1937 года. На ордере собственноручная запись: «Читал 4/ХП – 37 г.» и личная подпись – В. Коваленко. При обыске изъяты: «браунинг» № ТК № 34955, паспорт ЦК № 07920 и партбилет.

Обвинение: активное участие в «правотроцкистской организации» в Воронеже с начала тридцатых годов, в которой состояли: **Рябинин Евгений Иванович – секретарь обкома ВКП(б), Орлов Дмитрий Александрович – председатель Облисполкома и Клюев Константин Николаевич – непосредственный руководитель организации.**

На первых допросах Василий Минаевич полностью отрицал свою принадлежность к правотроцкистской организации и отклонял предъявленные ему обвинения. Но уже 14 декабря 1937 года в протоколе допроса записаны показания, что он состоит в правотроцкистской организации, что на путь борьбы с партией и политикой партии встал в 1931 году, что уже к этому времени у него сложилось впечатление, что эта линия ЦК партии приведет крестьянство к полному разорению и разрушению, что в 1936 году

согласился на участие в контрреволюционной организации. Из следственного дела видно, что допросы велись ежедневно, что следователи нужные им показания буквально выбивали, применяя методы психологического воздействия и физическую силу. Такой вывод можно сделать из того, что записи и подписи Василия Минаевича в протоколах допроса до 14 декабря ровные, четкие, понятные. После 14 декабря – корявые, неровные и непонятные, сделанные в сильном волнении и трясущейся рукою. Его избивали.

Избиения Василия Минаевича следователями подтверждает и его жена Антонина Николаевна, арестованная через две недели после его ареста. Она сидела в той же тюрьме, в которую был заключен и ее муж.

В 1960 году она писала: «Я была арестована 17 декабря 1937 года и сидела в той же тюрьме, в которой сидел и Василий Минаевич. Окна моей камеры выходили во двор тюрьмы. Во второй половине декабря 1937 года и в начале 1938 года я несколько раз видела арестованных, которых выводили на прогулку. Среди них был и Василий Минаевич. Он волочил правую ногу и еле-еле передвигался. Правая рука висела, а левой делал взмахи. Из-под шапки виднелся бинт, которым была забинтована голова. Тогда я поняла, что Василия Минаевича избивали. А однажды меня забрали из камеры и повели на допрос. И вдруг в коридоре из-за угла выходит мне навстречу в сопровождении энквэдэшника Василий Минаевич. Голова у него в бинтах, под глазами синяки, губы разбиты, зубы выбиты. Я от неожиданной встречи крикнула и чуть не упала от страха, облокотившись на подоконник. Придя в себя, я поняла, что эта встреча с мужем была устроена для того, чтобы меня морально, психологически раздавить, убить. Этой встречей с Василием Минаевичем следователи хотели меня сломить, запугать и показать, что они со мной сделают то же самое, если я не дам нужных им показаний».

10 апреля 1938 года дяде Васе предъявили обвинительное заключение, в котором было написано: «Василий Минаевич Коваленко с 1936 года являлся активным участником контрреволюционной правотроцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации, действовавшей на территории Воронежской области, разделял террористические методы борьбы против руководителей партии и государства, проводил совместно с завербованными им лицами вредительство в коммунальном хозяйстве». Однако в протоколах допроса нет его показаний о том, что он является членом правотроцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации. В деле нет свидетельских показаний, подтверждающих его принадлежность к этой не существовавшей организации. В деле нет свидетельских показаний якобы завербованных дядей Васей вредителей и террористов, и не названо ни одной фамилии диверсанта или террориста, а также нет фактов вредительства или диверсий в коммунальном хозяйстве Воронежской области, нет никаких документов, доказывающих какое-то или в чем-то вредительство. Всё обвинительное заключение – это плод вымыслов следователей.

В связи с арестом и привлечением к уголовной ответственности Василий Минаевич 10 декабря 1937 года был исключен из членов ВКП(б) как враг народа.

13 апреля 1938 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила дядю Васю к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества.

13 апреля 1938 года дядя Вася был расстрелян в городе Воронеже. В этот же день были расстреляны: секретарь Воронежского Обкома ВКП(б) **Рябинин Евгений Иванович**, председатель Облисполкома Орлов **Дмитрий Александрович** и **Клюев Константин Николаевич**.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 26 августа 1956 года приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 13 апреля 1938 года был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Дядя Вася был посмертно реабилитирован. Он также реабилитирован посмертно и в партийном отношении.

Я хорошо помню страшный 1937 год. Весь тот год производились аресты. Арестовывали колхозников, учителей, партийных работников, служащих советских органов и сотрудников НКВД.

«Сексоты», «стукачи», «осведомители» писали доносы в НКВД на своих сослуживцев, на соседей и даже на родственников. В своих доносах они сообщали в органы НКВД о том, что кто-то недоволен советской властью, что кто-то сказал, что ему до революции жилось лучше, чем теперь, что кто-то использовал газеты с портретом Сталина или кого-то из руководителей страны на растопку дров в печке или на нужды в клозете. И люди, на которых поступали донесения, арестовывались и навсегда исчезали.

В начале 1937 года арестовали добродушного, всегда не по возрасту подвижного и веселого и за это любимого нами учителя музыки Ивана Семеновича. Какой-то «стукач» донес в НКВД, что у Ивана Семеновича имеется много золотых монет царской чеканки. Его вызвали в НКВД и спросили, много ли у него золота. Он ответил, что имеет десять золотых монет. Его отправили домой за монетами. Он принес монеты. Дежурный по отделу НКВД сказал Ивану Семеновичу, что следователь уехал по срочному делу, оставил монеты у себя и сказал, чтобы Иван Семенович пришел к следователю на следующий день. Он пришел. Монеты стопкой лежали на столе. Следователь спросил у Ивана Семеновича, откуда у него эти монеты. Иван Семенович ответил, что он до революции учил детей богачей музыке – играть на рояле, гитаре, скрипке и на других музыкальных инструментах, и они расплачивались с ним золотом. Следователь, извинившись перед Иваном Семеновичем за причиненное ему беспокойство, сказал ему, что для нашего огромного государства этого золота мало, возвратил ему монеты и отпустил домой. Через несколько дней Ивана Семеновича снова вызвали с монетами в отдел НКВД. Следователь пригласил его сесть за стол, достал из ящика стола лупу и начал рассматривать монеты, приговаривая: «Так, так, тут нету, тут нету, тут нету, тут есть, тут нету...» Так бормотал до последней рассмотренной монеты. Затем, обращаясь к Ивану Семеновичу, следователь сказал: «Милейший сударь! Приносившиеся Вами ранее монеты мы поместили! Сегодня из этих монет имеется лишь одна, остальные другие. Так сколько же у Вас золотых монет и где они спрятаны?» «В горшке, под порогом кухонной двери», – ответил Иван Семенович. В этот же день золотые монеты у него конфисковали, а вместе с ними забрали и Ивана Семеновича. Наш учитель музыки исчез навсегда.

В это же время арестовали еще одного учителя, который вел занятия в начальных классах. Я хорошо его помню. Он жил недалеко от меня, и я его часто встречал на улице. Он был всегда обут в коричневые ботинки, на икрах ног краги такого же цвета и брюки цвета «хаки». Он, бывший офицер царской армии, был всегда опрятен, строен и подтянут. Взгляд у него был прямой, пронизывающий, съедающий, но душа у него была добрая. Его арестовали лишь за то, что он когда-то был офицером царской армии. И он бесследно исчез, как и наш любимый учитель музыки.

Весною арестовали группу колхозников лишь за то, что они отказывались проводить весенний сев поскольку, как они считали, земля еще не прогрелась на нужную глубину. Их тогда называли саботажниками и врагами народа, которых надо выкорчевывать до конца. И довыкорчевывались до того, что это выкорчевывание отдается

эхом для нашего народа и сегодня, через шестьдесят пять лет после начала выкорчевывания самых лучших крестьян. Да и не только крестьян.

В одну из июньских ночей 1937 года наш город был растревожен как улей. В эту ночь энквэдэшники «охотились» за руководителями партийных и советских органов города и района. Арестовали начальника политотдела Новохоперской МТС – машинно-тракторной станции. В то время колхозы не имели тракторов, комбайнов, автомашин. С 1928 года в каждом районе создавались такие станции. Они на договорной основе обслуживали колхозы – производили вспашку и боронование земель, посев и уборку зерновых, вывоз зерна государству и выполняли другие работы. МТС просуществовали до 1950 года.

В эту ночь в числе многих арестованных находился и заведующий районным отделом народного образования Суховеев. Его дочь Зоя училась со мною в одном классе, а ее старший брат – в Воронежском авиационном институте. Арест отца Зои я хорошо помню. В ту страшную июньскую ночь я, Иван Генералов, Дмитрий Михайлов, Михаил Шаплихин и Николай Картаус сидели на трибуне, построенной в комплексе с памятником В.И. Ленину. Стояла тишина, была теплая ночь, чистое небо, усыпанное мириадами мерцающих Звезд. Мы говорили о предстоящем утром экзамене по русскому языку и литературе, о приближающихся летних каникулах и о наших девчонках-одноклассницах. И тут Иван Генералов начал меня подначивать. Он говорил, что Зойка Суховеева в меня влюблена, что у нее в голове только я, и упрекнул меня за то, что я не отвечаю ей взаимностью, что у меня нет смелости, что я трус и теряюсь... Я ответил, что мне не до любви, что мне не нужна ни Зойка, ни другая девчонка, что для меня главное – это поступить в военное училище. Я отошел в сторону. Ребята спросили, не обиделся ли я. Нет, не обиделся, ответил я. И добавил, что сочиняю стих. В юношеские годы я увлекался стихоплетством. И кое-что получалось. В то время я не мог и предположить, что через девять лет мое стихоплетство обернется для меня трагедией, чуть ли не погубившей мою жизнь. Но об этом позже. Минут через десять я подошел к ребятам и продекламировал стих, который пронес через всю жизнь и помню до сих пор.

Ночь. Вокруг тишина.

В небе далекие звезды мерцают.

Плывет над городом тихо луна

И крыши домов озаряет.

Спит мой город родной,

На улицах нет ни души.

Все улеглись на покой,

А мы домой не спешим.

Я знаю: Зайка не спит,

Ей совсем не до сна.

Огнем ее сердце горит –

Зойка в меня влюблена...

*Мне иногда тоже не спится, -
Училище военное снится.
И любовь для меня не важна
И Зойка мне не нужна!*

*Пора уходить, уж некогда спать,
Сегодня по русскому экзамен сдавать.
Это очень трудное дело,
Но экзамен сдам я умело.*

*Друзья! Провели мы время без скуки,
Так пожмем друг другу же руки
И разойдемся все по домам
Успокоить беспокойных своих мам.*

*Ночь. Мертвецкая стоит тишина,
В небе далекие звезды мерцают.
Вдаль куда-то уходит луна
И псы дворовые не лают.*

Мы начали расходиться по домам. Внезапно в тишину ночи ворвался одинокий собачий лай – тревожный, раздирающий душу. Кто-то из ребят крикнул: «Это гавкает Зойкин пес!» И как поднятые по тревоге, будто бы перекликаясь между собою и сообщая друг другу об опасности, залаяли вокруг десятки дворняг. Почуввав неладное, мы побежали к дому Зойки. Издали увидели «черный ворон», стоявший у ворот Зойкиного дома, а у калитки – мильтона. Мы поняли, что энкэвэдэшники приехали забирать Зойкиного отца. Повернув назад и обойдя несколько домов, мы вышли в тыл Зойкиного дома. Перепрыгнув через штакетник, мы с Иваном Генераловым поползли по картофельной грядке к дому, маскируясь картофельной ботвой. У дома никого не было. Через неплотно зашторенное окно нам представилась жуткая картина: Суховеев, его жена и Зоя сидели на скамейке у стены с закинутыми назад руками. Отец Зои смотрел прямо, а мать Зои и Зоя, опустив головы, плакали. Перед ними стоял энкэвэдэшник с пистолетом в правой руке, а двое других чекистов перелистывали книги, выброшенные из шкафов на пол. От увиденного я задрожал, а Иван Генералов от испуга потерял речь. Молча мы выползли обратно к ребятам и рассказали об увиденном. Они сами захотели посмотреть, что там делается и поползли по нашим следам. Обыск продолжался. Мы через огурцы и дворы стали выходить на противоположную сторону Зойкиной улицы. Из окон некоторых домов вылезли мужчины и с узелками в руках уходили в ночную темень, уходили от сталинских опричников, от арестов, уходили от жен и детей, уходили надолго, а то и навсегда...

Соблюдая меры предосторожности и маскировки, мы вышли во двор дома, находившегося напротив ворот Зойкиного дома. Брезжил рассвет, наступало утро. Через решетчатые ворота мы хорошо просматривали дом Зойки, крыльцо и входную дверь. Мы с волнением ожидали развязки этого события. С первым петушиным кукареканьем открылась входная дверь, и из дома вышел чекист, за ним отец Зои с закинутыми за спину руками, а за ним два энкэвэдэшника, шедших один за другим. Последней выскочила на крыльцо жена Суховеева, и, рыдая под жалобный вой пса, закрытого в будке, закричала, разрезав утреннюю тишину: «Он не виноват, он не враг народа, отпустите его!» Один чекист вернулся обратно, затолкнул жену Суховеева в дом и закрыл дверь. Пес продолжал жалобно выть. Суховеева засунули в «черный ворон» и увезли.

Зоя в этот день на экзамен по русскому языку и литературе не пришла. Ее исключили из школы, а брата изгнали из института. Вскоре Зоя из города исчезла. Мне жаль было эту девчонку с доброй улыбкой и румянцем на щеках, слегка покрытых веснушками.

Во время Великой Отечественной войны Зоя служила медицинской сестрой в железнодорожном эвакогоспитале, вывозившем тяжело раненых с фронта в тыл страны. Однажды, на одной из станций Зоя стояла на подножке вагона своего двигавшегося поезда, а навстречу шел эшелон с красноармейцами на фронт. Она, держась одной рукой за поручень подножки, другой рукой приветствовала красноармейцев, посылая им воздушные поцелуи.

Поручень отвалился. Зоя с подножки слетела под колеса встречного поезда. Она погибла. Зоя при жизни не могла и предполагать, что ее отец после семнадцати лет каторжных работ в сталинских лагерях будет оправдан, реабилитирован и вернется домой. А он, учитель Суховеев, на протяжении десяти послевоенных лет не знал, что его дочь Зоя так погибнет во время войны.

В конце 1937 года арестовали начальника отдела НКВД – того, кто еще недавно летом устроил в городе варфоломеевскую ночь.

Аресты по политическим мотивам продолжались и в последующие годы.

ЖЕНА ДЯДИ ВАСИ

Коваленко Антонина Николаевна, по девичьей фамилии Рыбка, родилась в поселке Аверинка, Новохоперского уезда, Воронежской губернии в крестьянской семье в 1906 году. После окончания школы поступила в Новохоперское педучилище. В 1924 году в возрасте восемнадцати лет вышла замуж за моего дядю Василия Минаевича. После ареста мужа через несколько дней в морозную декабрьскую ночь 1937 года арестовали и ее. Предчувствуя арест, Антонина Николаевна младшую шестилетнюю дочь Нелю спрятала у родственников. Старшую двенадцатилетнюю дочь Майю энкэвэдэшники увезли в Воронежский детский приемник, а оттуда отправили в спецдетдом для детей врагов народа.

Детей отлучили от матери и разлучили между собою. В Воронежской тюрьме она отсидела четыре месяца. Допросы проводились ежедневно, допускались шантаж и угрозы. Следователи требовали от нее дать показания, что в их квартиру к мужу часто приходили: секретарь Обкома ВКП(б) Рябинин, председатель Облисполкома Орлов, Клюев и другие ответственные партийные и советские работники. Но она таких показаний дать не могла, так как эти люди к ним не приходили. Требовали выдать дочь Нелю. Антонина Николаевна отвечала, что в день перед арестом Неля, находившаяся во дворе дома, пропала. Ее на допросах не били, но некоторых женщин, находившихся с ней в одной камере, избивали. Многие женщины с допросов приходили с синяками под глазами, с разбитыми губами и выбитыми зубами, с распухшими икрами ног и синяками на них. Камера была переполнена арестантками. На нарах спали по очереди. Часто одних женщин уводили, а приводили других. В углу камеры стояла «параша», в которую и ходили по нужде. Женское чулки и белье стирали в мисках, в которых приносили пищу или в поллитровой баночке. Антонина Николаевна являлась долгожителем этой камеры и за четыре месяца заключения в бане ни разу не мылась. Кормили «баландой», селедкой, давали хлеб и кипяток. И как она мне писала в 1960 году, «от такой кормежки не умрешь, ноги таскать будут, но мужика не захочешь».

В те годы существовал Закон, по которому жены врагов народа и их дети (старше шестнадцати лет) подлежали ссылке на срок до восьми лет в отдаленные районы страны или заключению в концлагеря без суда и следствия с поражением в гражданских правах на пять лет после окончания срока ссылки или заключения в лагерь (человек лишался права передвижения по стране, права избирать и быть избранным в советские органы власти, права участвовать в политической и общественной жизни страны и другие запреты). Срок наказания определяло «Особое Совещание» - тройка в составе прокурора, начальника отдела НКВД и секретаря райкома или горкома партии.

В апреле 1938 года Антонину Николаевну вместе с такими же безвинными рабынями сталинского режима привезли под конвоем на станцию Воронеж, посадили в грузовые вагоны и повезли в неизвестность. В вагоне ей объявили, что она как жена врага народа «Особым Совещанием» приговорена к пяти годам заключения в специальном лагере. Часть вагонов в эшелоне были пустыми. По пути следования эти вагоны заполнялись новыми партиями изнуренных и истощенных невольниц сталинизма.

Остались позади Челябинск, Кокчетав, Акмолинск. Вот и Караганда, станция выгрузки. Впереди семидесятикилометровый переход в Долинский концлагерь. Голодные, истощенные и изнуренные двухнедельным пребыванием в вагонах для перевозки скота, шли по дороге на Долинку сотни женщин, качающихся из стороны в сторону, падающих

на дорогу, с трудом поднимающихся и подгоняемых ударами в спину прикладов винтовок конвоиров. На третьи сутки изнурительного пути открылась картина, заставившая ахнуть и вздрогнуть сотни сталинских невольниц-мучениц. В пустынной степи, где от горизонта до горизонта не было ни одного кустика или деревца, стояли десятки, а может быть и сотни приземистых глиняных домиков и бараков с крошечными окошками и плоскими крышами. Вся территория была огорожена проволочным ограждением в несколько рядов кольев. По периметру проволочного ограждения через определенное расстояние стояли сторожевые вышки, на которых находились охранники с винтовками в форме НКВД. Это был КОНЦЛАГЕРЬ. В этом лагере им, заложницам сталинского режима, предстояло не жить, а в холоде и голоде, перенося издевательства сталинских прислужников, выживать многие годы. Среди этих невинных мучениц находились 16-18-летние девушки, еще не познавшие счастья быть любимыми и самим любить, женщины, не познавшие до конца любви, ибо у них расстреляли мужей, а детей отобрали. Находились и женщины почтенного возраста, которым сидеть бы не в концлагере, а жить дома, воспитывать своих внуков и спокойно доживать свой век. Среди невольниц имелись врачи, инженеры, артистки, ученые и простые деревенские бабы, не по возрасту постаревшие и поседевшие от непосильной и подневольной работы в рабовладельческих колхозах. Одно время, уже после войны, в этом лагере сидела Лидия Русланова, знаменитая исполнительница русских песен и романсов. Многие женщины, заключенные в этот лагерь, не дожили до дня своего освобождения. Они погибли от голода и болезней и навсегда остались лежать зарытыми в землю на Долинском лагерном кладбище, на чужбине, в степях Казахстана.

Антонина Николаевна выжила. Выжить ей помогла неистребимая тяга к жизни, стремление узнать, когда и чем окончится этот массовый кровавый террор, организованный «Отцом всех народов» Сталиным против собственного народа, постоянное желание увидеть отлученных от нее любимых дочерей, а также умение правильно, разумно вести себя по отношению к заключенным и к лагерному начальству. Ей помогало выживать то обстоятельство, что она могла многое делать, необходимое людям, что было нужным и полезным для них. Так, она умела шить мужские брюки и сорочки, женские платья и юбки, детскую одежку. Она могла и вязать вещи из шерстяной пряжи – кофты, свитера и шапочки.

Поначалу Антонина Николаевна работала в лагерной прачечной. Стирала постельное и нательное белье заключенных и их спецодежду, поварихой в столовой, а затем швеей в мастерской по ремонту одежды заключенных лагерниц. И тут лагерное начальство ее присмотрело, а, скорее всего, ее заметили жены начальства, дававшие заказы на пошив и ремонт одежды за дармовщину, увидевшие, что она шьет быстро, добротнo, красиво. Вскоре ей создали нормальные условия для работы, перевели работать в отдельный домик, где она шила в одиночку, выполняя заказы лагерных начальников и их жен – модниц. Большинство жен офицеров НКВД были добродушными женщинами, разделявшими ее боль, муки и страдания. Эти женщины поддерживали ее морально и материально. Они приносили ей колбасу, сало, масло, мясные консервы, чай, сахар и другие продукты. Некоторые из них давали ей деньги и куски ситца или сатина на пошив верхнего платья для нее. Это не было системой, но было хорошей добавкой к лагерному пайку и позволило Антонине Николаевне скопить немного денег и пошить что-то из верхнего платья для себя.

В думах о судьбе мужа, о скитаниях по миру детей и родных проходили в неволе день за днем, месяц за месяцем. Из полученного однажды письма Антонина Николаевна узнала, что дочь Неля переправлена на станцию Коноша к бабушке и дедушке,

находившимся там в ссылке с 1930 года, что старшая дочь Майя находится в спецдетдоме для детей врагов народа в городе Кизляре, что муж Василий Минаевич осужден на десять лет тюрьмы без права переписки. После пролитых слез и радости за то, что все живы, она немного успокоилась. Ведь все живы, муж не расстрелян и может быть, она когда-нибудь со всеми еще встретится. Это была уже надежда, придававшая ей сил на выживание. Но вскоре эта ее надежда была жестоко разрушена. Работник особого отдела лагеря, курировавший отряд, в котором она числилась, длительное время склонял ее к скрытому сожительству. Она ему отказывала, заявляя, что хочет быть чистой перед мужем, надежду встречи с которым не потеряла, поскольку он осужден всего на десять лет и может еще вернуться. И тогда этот негодяй-особист сказал ей, что десять лет тюрьмы без права переписки означают расстрел, что Василий Минаевич 13 апреля 1938 года расстрелян как враг народа, что его нет в живых, и ей нечего терять... Антонина Николаевна от этого психологического удара вскрикнула и свалилась на пол. Особист потащил ее на диван, снимая с нее рейтузы. Придя в себя, она встала на ноги, схватила медный чайник, стоявший на подоконнике, и закричала: «Уходи немедленно, а то получишь по голове! Я всё расскажу твоей жене, когда она придет за платьем!» Он ушел, не удовлетворив своего желания насладиться ею. Через два дня Антонину Николаевну вызвал начальник лагеря и спросил, чем она не угодила уполномоченному Особого отдела, который требует перевести ее на работу в прачечную. Она рассказала о домогательствах особиста, обо всём, что произошло. Начальник лагеря сказал, что не надо было ей рождаться такой красивой, и что тогда бы никто к ней не лез. Он отправил ее на свою работу, посоветовав не трепаться и держать язык за зубами. Она ушла. Особист больше ее не беспокоил.

В концлагере находилось множество молодых красивых девушек и женщин. Многие из них сожительствовали с энкэвэдэшниками, удовлетворяя их половые страсти, получая за это более легкую работу и дополнительный кусок хлеба. Антонина Николаевна в одном из писем рассказывала: «Все энкэвэдэшники, от охранника до начальника лагеря, имели своих наложниц, а некоторые начальники по две и по три бабы. На территории лагеря имелся дом из четырех комнат и кухни. В каждой комнате стояли кровать, столик, тумбочка и два стула. Его называли домом для случек. Этот дом никогда по ночам не пустовал. В нем останавливались приезжавшие высокопоставленные чиновники КУЛАГА (Карагандинского Управления лагерей). В их распоряжение предоставлялись молодые красивые женщины-лагерницы. Они, несчастные женщины, проводили ночи с чиновниками НКВД, удовлетворяя их половые потребности. Если какому-либо чиновнику чем-то не понравилась красотка, проведенная с ним ночь, ему на следующую ночь направляли еще более молодую другую женщину. И женщины с охотой и радостью шли в этот дом. Они знали, что там их накормят, напоят и они проведут время с мужчинами, по которым уже давно истосковались их души, с настоящими мужчинами, которые удовлетворяют сполна их женские потребности, да еще может быть дадут более легкую работу. Их направляли работать поварами, кладовщиками, секретарями-машинистками, бухгалтерами, счетоводами и уборщицами в Управление лагеря и на другие чисто женские работы. Эти женщины были расконвоированы и свободно ходили по лагерю. И всем было хорошо: и этим женщинам, и энкэвэдэшникам, которые даже днем уводили своих наложниц в дом для приезжих и там получали от них полное удовлетворение своих плотских потребностей. Николай Андреевич, поверьте мне, что я пишу только маленькую правду того, что было и что творилось в нашем лагере. Ведь каждый начальник, а то и простой охранник имели по две и по три женщины, многие из которых рожали детей. И дошло до того, что при лагере построили родильное отделение, лазарет и детский дом,

которые существуют и сегодня. Некоторое время тому назад этот лагерь заключенных женщин по политическим мотивам был перепрофилирован в женский лагерь уголовных преступниц. Порядки в лагере те же, что были и при моем отбывании пятилетнего срока заключения. Уголовные преступницы так же, а может быть еще больше, рожают детишек, произведенных мужчинами в форме НКВД. И сегодня родильное отделение переполнено уголовницами, а детдом кишит их младенцами. Вы не осуждайте ни заключенных когда-то женщин по политическим мотивам, ни сегодняшних заключенных уголовниц за их лагерное поведение, за сожителство с энкэвэдэшниками. Ведь, во-первых, природа брала свое, а во-вторых, женщинам-невольницам надо было выживать. Многие женщины радовались тому, что они родились женщинами».

Я к тому письму Антонины Николаевны добавлю лишь строки из письма ее дочери Нелли Васильевны, полученного мною в 1994 году. Она пишет: «Когда я приезжала с маленьким Володей в 1957 году в ЦПО (в Долинку), мимо нас ходили под конвоем женщины-уголовницы, недалеко от мамы был большой детский городок, довольно большой, где жили маленькие детки, которые рождались от этих женщин. Позже этот городок ликвидировали, зэков тоже. Я туда заходила, когда были еще детки. Очень чисто, ухоженные кровати, уютно».

Слава Богу, что энкэвэдэшники беспокоились и заботились о произведенных ими малышах.

В апреле 1943 года Антонина Николаевна вышла из лагеря. После пятилетней отсидки она была поражена в гражданских правах. Уехать к родственникам она не могла. Встал вопрос, что делать, как жить. На работу в Долинке не брали – жена врага народа. Но жена начальника лагеря, которую она длительное время обшивала, устроила Антонину Николаевну счетоводом в Долинское отделение «Маслопром». Стало легче. Находясь в лагере, она присмотрелась к сержанту-сверхсрочнику конвойной роты Колесникову Гаврилу Ефимовичу. Этот конвоир выделялся среди других тем, что был вежлив, тактичен, внимателен и никогда не допускал грубостей и хамства по отношению к сталинским узникам. И Антонина Николаевна связала с ним свою судьбу. И не ошиблась. Она постоянно ощущала его заботу, доброту и внимание.

Со своими дочерьми Майей и Нелей после девятилетней насильственной разлуки Антонина Николаевна встретилась лишь в 1946 году. Майя и Неля, преодолев огромное расстояние от Воронежских черноземов до Карагандинских степей, приехали в Долинку. Длительное и жестокое время разлуки сделало свое дело – оно притупило родственные чувства и матери, и детей. Горячей и волнующей встречи не произошло. Чувствовалась обоюдная отчужденность и прохладность в отношениях между матерью и дочерьми. А ведь все восемь лет Майя и Неля думали о матери, а она о них.

В 1958 году Антонина Николаевна была полностью реабилитирована. В связи с реабилитацией потребовались свидетельство о браке с Василием Минаевичем, свидетельство о его смерти и свидетельство о рождении Антонины Николаевны. Свидетельство о браке и свидетельство о рождении были изъяты органами НКВД при аресте Антонины Николаевны в 1937 году. А свидетельства о смерти Василия Минаевича не могло и быть, так как он был расстрелян. Надо было доказывать, что Антонина Николаевна – это Антонина Николаевна, что она, жена Василия Минаевича, действительно его жена; что ее муж, расстрелянный в 1938 году, действительно расстрелян, что она, родившаяся в 1906 году, действительно родилась в этом году. На то, чтобы восстановить свидетельства о рождении, о браке и о смерти Василия Минаевича потребовалось много усилий, нервов и времени. Все эти документы органами НКВД

были утеряны. Не имелось их и в Воронежском областном архиве ЗАГС. Пришлось искать в квартире путем переписки свидетелей и просить у них подтверждений, что она до расстрела Василия Минаевича являлась его женою, что родилась она в 1906 году. Такие свидетели нашлись. Ну а Управление КГБ по Воронежской области своей справкой подтвердило расстрел Василия Минаевича, только почему-то в справке указано, что он умер от рака желудка в тюрьме 11 июля 1939 года, а не расстрелян 13 апреля 1938 года, как это было на самом деле.

По мере готовности необходимых документов она подавала заявления в Суд города Сарань Карагандинской области, который по всем вопросам просьбы Антонины Николаевны удовлетворил. На это потребовалось полтора года. Такое чудовищное издевательство над человеком могло произойти только в нашем чиновничье-бюрократическом тоталитарном сталинском государстве.

Впервые после 29 лет насильственной разлуки Антонина Николаевна встретила со своими родными в 1958 году. На встречу в Москву, где проживала ее сестра Зинаида Николаевна, приехали: мать Александра Федосеевна, сестры: Вера Николаевна из Централы Воронежской области, Евгения Николаевна из Днепропетровска и Клавдия Николаевна из Архангельской области.

Было много воспоминаний о прожитой трудной жизни в ссылке и в сталинских лагерях, об уничтоженных сталинским режимом и погибших в лагерях и ссылке родных, близких и просто знакомых. И были слезы, слезы, слезы... Слезы радости встречи и горести утрат.

22 ноября 1971 года, на 65 году жизни, Антонина Николаевна умерла. Похоронена на Долинском кладбище, вдали от Родины, где покоятся сотни женщин – расстрелянных, замученных, умерших от голода и болезней в сталинских лагерях смерти.

Дети Антонины Николаевны и Василия Минаевича

Нелли Васильевна

Родилась 26 ноября 1931 года. Ее мать, Антонина Николаевна, предчувствуя предстоящий арест, спрятала шестилетнюю Нелю у брата мужа своей сестры Зинаиды Николаевны – Ачкасова Павла Васильевича. В последних числах декабря 1937 года Павел Васильевич отвез Нелю в Москву к ее тете, сестре матери, Зинаиде Николаевне, работавшей бухгалтером в Военно-Воздушной Академии имени Жуковского. Дом, в котором жила Зинаида Николаевна, кишел «сексотами» и «стукачами», а поэтому Нелю держать там было опасно. Зинаида Николаевна дала телеграмму своему отцу Рыбке Николаю Кузьмичу в Коношу Архангельской области, где он со своей многочисленной семьей находился в ссылке как кулак с марта 1930 года. В телеграмме было сказано: «Срочно приезжайте Нелей». Об аресте Василия Минаевича там уже знали. Теперь стало ясно, что арестована и Антонина Николаевна. Взрослым ссыльным выезд из Коноши был запрещен. Вокруг поселка ссыльных, на дорогах и тропах, идущих от него, дежурили агенты НКВД. К тому же взрослые ссыльные не могли выйти за пределы своего поселка без специального пропуска коменданта НКВД. На семейном совете Николая Кузьмича было решено за Нелей в Москву отправить самую молодую сестру ее матери - Женю, которой 31 декабря исполнилось только пятнадцать лет. Она была несовершеннолетней, ей не требовался пропуск на выход или на выезд из спецпоселка, да и люди могли не обратить внимания на ее отсутствие в семье Рыбок. Захватив с собою свидетельство о рождении и сумочку с едой, Женя в один из последних декабрьских дней незамеченной филерами покинула спецпоселок. С неба большими хлопьями валил густой снег, как будто бы жалел ее, помогая ей, укрывая ее от посторонних глаз. Пройдя по шпалам железки шесть километров, она подошла к заснеженному зданию. Это был железнодорожный вокзал Коноши. Отряхнув с себя снег, она с волнением вошла в него. В зале ожидания находилось несколько человек, которые на ее появление внимания не обратили. Присев на скамейку, она осмотрела их. Подозрительных, могущих быть агентами НКВД, она не обнаружила. Передохнув и успокоившись, она поднялась со скамейки и уверенно пошла к билетной кассе. Над окошком кассы висело объявление: «Приобретая билет, предъявите пропуск на право выезда». Женя, подав кассирше свидетельство о рождении, сказала: «Мне билет до Москвы». Кассирша спросила, местная ли она и зачем едет в Москву. Женя ответила, что местная, а в Москву едет к родственникам на Новый год. Кассирша, не заглянув в свидетельство о рождении, подала ей его обратно, а вместе с ним и билет до Москвы. Подошел поезд «Архангельск – Москва». Женя зашла в свой вагон, залезла на среднюю полку, подложила под голову сумку и, повернувшись к перегородке, легла. Она не хотела обращать на себя внимания пассажиров. Поезд тронулся. В Москве она находилась всего лишь одни сутки. 31 декабря 1937 года она возвратилась в Коношу с шестилетней племянницей. Неля волею судьбы оказалась в ссылке. Она многие годы лишения и тяготы ссыльной жизни переносила вместе с семьей Рыбок: с добрым дедушкой Николаем Кузьмичом, с заботливой бабушкой Александрой Федосеевной, с всегда внимательными к ней молодыми тетушками – Клавой, Верой, Аней, Женей и с веселым дядей Колей. О них я напишу отдельно.

Появление Нели в семье Рыбок особого внимания у окружающих не вызвало. Но некоторые любопытные, как это в таких случаях бывает, иногда спрашивали у Рыбок, чей это ребенок. Все отвечали коротко: «Наш». А попробуй разберись, чей это «наш», если в трех семьях Рыбок имелось десятка полтора человек. Со временем этот вопрос задавать перестали. Там, в поселке Коношозерский, Неля пошла в первый класс. В одном из писем, вспоминая то, теперь уже далекое время, она писала: «С тех пор люблю тот край. Не знаю, как его коснулись прошедшие десятилетия, но тогда, в начале 40х годов, там было как в красивой сказке и зимой и летом. Замечательная и красивая, еще не тронутая человеком природа. Высокие стройные вековые сосны и ели. Если долго смотришь на их вершины, начиналось головокружение. В воздухе стоял терпкий запах ели. Летом в лесу собирали морошку и чернику, осенью – бруснику и клюкву, покрывавшую красной скатертью болото. Много было и грибов. Их сушили, солили и мариновали. Зимой часто забегали в поселок лоси и зайцы. Я и теперь, спустя много лет, иногда вижу во сне красоту этого северного края. Помню, что в школе выдавали по маленькому кусочку хлеба, а в клубе варили «затирушку», которой кормили по списку. «Затирушка» казалась очень вкусной. В школе не обижали, выдавали валенки и материю на платье. К началу 1940 года тетя Вера имела уже свой, большой дом, построенный мужем. По праздникам родные собирались у тети Веры. На столе каждый раз стояли в тарелках кисели из северных ягод, клюквенный морс, какие-то простые и вкусные печености и угощения. Семья Рыбок была музыкальной. Тетя Вера и тетя Аня очень хорошо пели, их приглашали на работу в Архангельскую филармонию, но мужа их не пустили. Дядя Коля, брат мамы, и дядя Паша, муж тети Веры, играли на гармошке, а дядя Коля, муж тети Ани – на баяне. Я иногда жила у тети Веры и дяди Паши. У них еще до войны, там, в ссылке, родились Оля, Леня, Коля. Я помогала их нянчить. С тетей Верой жили старые свекор и свекровь. Они недолго прожили. Но пока были живы, им не нравилось, что в их семье появилась я, лишний рот. Я это видела и чувствовала по их отношению ко мне, а иногда улавливала это в их разговоре, прерываемом при моем появлении. В таких случаях я уходила в другую комнату или во двор и плакала, вопрошая: «Моя дорогая мамочка, где ты? Почему не забираешь меня к себе? Мне без тебя плохо, приезжай скорее и заведи меня!» Я тогда еще не знала, что мать и отец арестованы, а сестра Майя находится в спецдетдоме. Честно скажу, что тетя Вера и дядя Паша в Коноше до войны и в Централь во время войны и после войны, когда я у них жила, меня не обижали, ко мне относились хорошо, как к своему ребенку. Я у них в долгу за их доброту, заботу, воспитание. И я буду помнить их до конца своей жизни».

В другом письме она вспоминает: «Правда, бабушка Александра Федосеевна хотя и редко, но говаривала, что устроит меня в детский дом. Наверное, она это говорила тогда, когда я в чем-то напроказничала или не слушалась. Я в детдом не хотела. И когда бабушка вспоминала о детдоме, я пряталась под диван или под стол». Более пяти лет Неля прожила в Коноше в семье ссыльных Рыбок.

В 1944 году одна из ее тетушек, Вера Николаевна, уезжает на Родину в поселок Централь Новохоперского района Воронежской области. Это в четырех километрах от родного хутора, который и теперь называется поселком Рыбкинским. К 1944 году ссыльные получили паспорта, и им разрешался выезд с места ссылки. Доброго дедушки Николая Кузьмича в живых уже не было. Через некоторое время Неля с бабушкой Александрой Федосеевной тоже уезжают в Централь. Неля вспоминает: «Еще шла война. Жили в маленькой хибарке, было тесно, голодно и холодно. Бабушка стегала одеяла, вязала свитера, носки и рукавицы для местных жителей. Она с них денег не брала. Они,

благодарные ей, давали, кто что мог: муку, чечевицу, пшено, сало. Этим и жили. В поселке тогда еще были крестьяне, которые до революции и после нее работали в хозяйстве дедушки. Они говорили, что только в те времена были свободны и жили хорошо. Тогда они имели всё – хлеб, скот, деньги. А теперь они в колхозе рабы и нищие».

В 1946 году здесь, в Централы, Неля окончила семь классов. Летом этого же года приехала старшая сестра Майя, и они поехали в Долинку к матери, с которой были насильственно разлучены в течение девяти лет. Неля в своих письмах вспоминает: «Ехали очень долго. Добрались до Петропавловска, а там надо было пересесть на другой поезд. Деньги у нас кончились, имевшиеся продукты – хлеб, сухари и сало съели. В Петропавловске, чтобы сесть на другой поезд и ехать дальше, Майя отдала проводнице свое выходное фиолетовое платье, которое хотела одеть перед встречей с матерью. Ехали в тамбуре. До Долинки питались тем, что давали сердобольные пассажиры, отрывая от своих скудных дорожных запасов. На каком-то полустанке сошли с поезда. До Долинки добирались на повозке. Нашли дом, в котором мама жила с новым мужем, снимая крохотную комнатку. Мама дома не было, она находилась на работе. Хозяйка дома сказала, что мама на работе и рассказала, как ее найти. Майя пошла искать маму. Вскоре мама прибежала и, подойдя ко мне, спросила: «Неличка, это ты?» Я разволновалась и растерялась. Мама очень изменилась. Лицо загоревшее, постаревшее с морщинами, на голове местами седые волосы. А в моем представлении и в моей памяти она была молодой, светлокожей, красивой. Ия почему-то ответила: «Нет!» Мама вскрикнула и рванула в дом. Мне стало не по себе. Мы зашли в дом. Начался разговор, и всё стало на свои места. Через несколько дней Майя уехала к мужу в Белоруссию, а я осталась у мамы. Поступила в восьмой класс. Прожила там одиннадцать месяцев. Наверное, им трудно было привыкать ко мне, как и мне к ним. Этот кусочек жизни мне не хочется вспоминать, так как хорошего тут, как и в моей жизни до этого, было мало. О папе люблю вспоминать. Эти воспоминания согревают душу мою. Помню, в Воронеже, приходя вечером домой, папа подбрасывал меня к потолку, приговаривая: «Моя милая, хорошая, очаровательная, симпатичная, приличная...» Говорил всегда только хорошее. Я всегда верила и без всяких сомнений, что мой папа не виноват. Мне всегда становилось не по себе, когда слышала слова «папа» и «мама», обращенные детьми к своим родителям. Своего папу я очень любила. Думала, что «десять лет без права переписки» - это правда. Все эти годы не было и дня, чтобы я забывала о папе. А когда училась в ремесленном училище в Подольске, то часто ездила к тете Зине в Москву. В метро всегда смотрела на людей, едущих навстречу на эскалаторе в надежде увидеть возвращающегося из тюрьмы своего папочку. Думала, что он вернется, и мы будем вместе».

В 1947 году после окончания восьми классов перед Нелей встал вопрос, как жить, и что делать дальше. Ей шел шестнадцатый год. Отношения с матерью были каким-то натянутыми, не такими близкими и доверительными, какими они должны были бы быть. В этом свою злую роль сыграло почти девятилетнее отлучение дочери от матери. К тому же в день 8 марта новый муж матери преподнес жене подарок и поздравил ее с праздниками. А Неле ни мать, ни муж матери ничего не подарили и с праздником не поздравили. То же произошло и в день пятнадцатилетия Нели. В душе ее затаилась горькая обида. Неля поняла, что она для них лишняя и является помехой в их жизни. И она решила уехать в Москву к тете, сестре матери, Зинаиде Николаевне. Мать купила ей железнодорожный билет и отправила в Москву со своим знакомым, майором медицинской службы НКВД. Этому майору мать дала деньги, которые он должен был отдать Неле в Москве. Но при прибытии в Москву этот майор сбежал. Неля осталась без

денег. Но мир не без добрых людей. Пассажиры, с которыми она ехала в одном купе, доездили ее до места. Держать у себя племянницу, дочь врага народа, было опасно, и Зинаида Николаевна отвезла Нелю на жительство к знакомым в Подмоскowie. Кончалось лето 1947 года. Неля поехала по Подмосковным городам искать подходящее ремесленное училище. В Подольске понравилось училище машиностроительного завода, в котором кормили, обучали и одевали. Она в него и поступила. В училище очень активно работала комсомольская организация, членами которой были многие ее подруги. Ей тоже захотелось стать комсомолкой. Но отец – враг народа, и ей путь в комсомол был закрыт. Неля это понимала. После долгих мучительных переживаний, набравшись духа и преодолев страх, она пошла к секретарю комсомольской организации и обо всем ему рассказала. Секретарь комсомольской организации был человеком добрым и понимающим, что ребенок не должен отвечать за действия родителей. Подумав, он посоветовал Неле в заявлении с просьбой принять в комсомол написать, что отец умер. Нелю приняли в комсомол.

В 1949 году Неля оканчивает ремесленное училище и получает специальность токаря. Ее направляют на машиностроительный завод на станции Узловая Тульской области. Там она поначалу работает токарем, а затем контролером в отделе технического контроля завода. Она безмерно рада, она самостоятельный человек, она сама себе зарабатывает на одежду, питание и на карманные расходы. Десятилетнее скитание по родственникам и чужим людям с протянутой рукой и открытым ртом в ожидании, что кто-то бросит на лапу копейку, а в рот кусок хлеба, закончилось. Прошли многолетние мучительные ожидания возможной встречи с отцом, арестованным более десяти лет тому назад. Ей стало ясно, что его давно уже нет в живых. Но душу Нели терзало то обстоятельство, что в заявлении о приеме в комсомол она написала, что отец умер. Выходило, что она обманула комсомол, поступила нечестно, тогда как Устав требует от каждого быть честным и правдивым. Она сама себе говорила: «Нет, нет, нет! Мой отец не виноват. И если секретарь комсомольской организации сказал, чтобы в заявлении написала, что отец умер, то он знал, что делал». И Неля успокаивалась.

В начале шестидесятых годов Неля из Узловой уезжает в город Гусев Калининградской области к старшей сестре Майе, муж которой служил в одной из воинских частей. Там она работает в Горэнерго. В 1955 году выходит замуж за офицера – политработника. Арест отца, как врага народа, органами НКВД в 1937 году она от мужа скрывает. Неля боится, что молодой, красивый, стройный офицер, которого она полюбила, не возьмет ее замуж. А таких случаев в том время бывало много. Ведь офицеру, женившемуся на дочери репрессированных родителей или кулаков, в жизни ничего хорошего не светило. Такой офицер попадал под негласное наблюдение военной контрразведки «Смерш», что означало: смерть шпионам. Такому офицеру отсекались пути поступления в высшие учебные военные заведения и продвижение по службе. Такому офицеру исключалась возможность службы в наших войсках за границей или командировки в другую страну. Если же кто-то из таких офицеров попадал на службу за границу, то его жену за пределы СССР не выпускали. В качестве примера я могу привести старшую сестру Нелли Васильевны Майю, муж которой пять лет служил в Германской Демократической Республике, а ее туда не пускали.

Неля понимала, что она может стать помехой в продвижении мужа по службе, так как она дочь врага народа. Она много раз порывалась рассказать мужу правду о своем отце. Но каждый раз откладывала свое признание, боясь, что любимый муж бросит ее. Совесть всё сильнее грызла ее, нарушая ее душевное спокойствие. И неизвестно, сколько

бы времени продолжались ее раздумья, душевные муки и сердечные боли, если бы в феврале 1956 года не состоялся двадцатый Съезд Коммунистической партии Советского Союза. На Съезде по докладу Первого Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Никиты Сергеевича Хрущева «О культе личности Сталина и его тяжелых последствиях для Партии и Советского народа» было принято постановление о полной реабилитации всех незаконно репрессированных сталинским режимом граждан по политическим мотивам.

После двадцатого съезда партии вышло в свет Письмо ЦК КПСС с графом «Секретно» о культе личности Сталина, которое зачитывалось на партийных и комсомольских собраниях по всей стране. Нелля вспоминает: «Летом или осенью 1956 года у нас в Горэнерго проходило партийно-комсомольское собрание, на котором зачитывали письмо ЦК КПСС «О культе личности Сталина». От того, что творил наш «Отец, вождь всех народов» Сталин я остолбенела и стала дрожать, охватило какое-то чувство страха. Потом стало бросать то в холод, то в жар, закружилась голова и начало мельтешить в глазах. Я во весь голос разрыдалась. Все присутствовавшие на собрании повернулись в мою сторону. Я с трудом поднялась со стула, ноги не слушались и, качаясь из стороны в сторону, ушла с собрания. Слезы лились рекой. То были слезы радости и слезы огромного горя. Радости потому что, во-первых, мой отец не враг народа; во-вторых, потому что позорное пятно «дочь врага народа» с меня было смыто, и, в-третьих, потому что оправдалась моя железная вера в невиновность моего отца перед своим народом. А слезы горя, потому что мой отец уничтожен, что я его никогда не увижу. Прибежала домой. Немного успокоилась. Вскоре муж пришел с работы. Я снова разрыдалась. Он сел рядом со мною, поцеловал меня в щеку и спросил, что со мною случилось. Я сквозь слезы, всхлипывая, рассказала ему обо всем. Он меня обнял и сказал, что если бы знал, что мой отец враг народа, то всё равно бы женился на мне и назвал меня дурехой. Я успокоилась. Тяжелый груз вины перед мужем с меня свалился.

Спасибо Никите Сергеевичу за то, что он реабилитировал сотни тысяч ни в чем не виновных людей. Я часто вспоминаю его добрым словом».

А жизнь шла своим чередом. Мужа Нелли Васильевны перевели в Смоленск, оттуда в ГДР. После службы в наших оккупационных войсках в Восточной Германии его переводят в Карелию, а затем в далекую заполярную Печенгу. Майор Жуков Виталий Алексеевич армейскую службу закончил в Приволжском военном округе и с семьей поселился в Калуге. Кочевой образ жизни Нелли Васильевны закончился. У Нелли Васильевны и Виталия Алексеевича двое детей – сын Володя, майор милиции, и дочь Майя.

Майя Васильевна

Из письма Лены, дочери Майи Васильевны от 28 февраля 1995 года:

После ареста бабушки (через несколько дней после ареста деда) маму отправили в детприемник (там было много таких детей). Мама рассказывала, что их не выпускали, и они наблюдали за происходящим через окна. Приближался Новый год. Они видели наряженную елку, а сами нашли метлу и водили хоровод вокруг нее.

Мама очень любила вспоминать всё это... После она попала в детский дом в Кизляре. Они работали в совхозе. Там она заболела малярией. Вот, пожалуй, и всё, что она нам рассказывала. На работников детдома не жаловалась. Она вообще очень редко

жаловалась и не роптала на судьбу. Мама была очень сильным, жизнерадостным, волевым человеком. Наверное, она потому не сломалась под ударами судьбы.

После Кизляра мама попала в Архангельскую область к Рыбкам. Они туда были сосланы. Там училась. Бывала в Москве у тети Зины. Однажды написала письмо – прощение за родителей Сталину, чем очень перепугала тетю Зину. Но всё обошлось...

На фронт мама попала, не закончив десятилетку, в 1943 году. Наверное, при достижении восемнадцати лет, ее могли направить в лагерь. Мама попала в войска ПВО. Там она и познакомилась с нашим отцом (Орлов Яков Филиппович). В 1945 году они поженились. Мама была очень красивой. Отец любил ее. Они дополняли друг друга: вспыльчивая мама и уравновешенный отец. Мама очень уважала и любила родственников отца. После смерти отца (в 1966 году, 6 мая) и до своей смерти (1990 год, 19 мая) она поддерживала с ними связь, всегда была верна памяти отца.

Я уже писала, что мама была сильным человеком. Ей пришлось многое пережить и после войны: умер от дифтерии ее четырехлетний первенец, крепыш и умница Сережа, в сорок один год она осталась с двумя детьми на руках в чужом городе, одна: отец умер от саркомы. Но маму всегда окружали люди, они тянулись к ней. Была в ней какая-то сила: к ней приходили за помощью, за советом, просто поплакать и поделиться радостью. По приезде в Ейск (до этого мы жили в Кировакане, Армения, после демобилизации папы) в 1965 году она устроилась на работу в школу сначала секретарем, а потом работала библиотекарем и учителем обслуживающего труда. Последние годы (8 лет) совмещала это с работой в ГОРОНО, будучи заведующей отделом кадров. Ученики и коллеги любили и уважали ее. Мама очень любила своего отца и вспоминала, что он переживал за ее длинноватый нос. Но однажды он сказал бабушке, что за Майю спокоен, так как видел красивую женщину с великоватым носом.

Перед смертью, вспоминая прожитое, мама говорила, что все равно она счастливый человек: у нее были прекрасные родители, хороший муж и «удачные» дети (это ее слова), ее всегда окружали хорошие люди. Мама всегда во всех искала что-то хорошее и положительное, хотя правду всегда говорила в лицо.

Умерла мама от рака кишечника, пережив очень сложную операцию. Врачи прочили ей два месяца после операции, а она прожила почти два года. Я думаю, что это ее характер помог ей, ее сила воли. Она очень стойко переносила все тяготы болезни, и для меня навсегда осталось примером мужества и мерилom моих поступков (может, это высокие слова, но это так).

Немного о себе. Родилась 14 ноября 1961 года в городе Кировакане. Я работаю учителем английского языка. После школы окончила педагогический институт в городе Таганроге. Мой муж работает в коммерции. Александр по профессии радиотехник. В коммерцию привела жизнь. Нашему сыну, Павлу, шесть лет (родился 25.10.1988 г.). В этом году пойдет в школу».

У Майи Васильевны имеется еще и сын Витя, родившийся в 1953 году. Он в 1976 году окончил Воронежский Политехнический институт. Работал на Воронежском авиационном объединении конструктором и заместителем начальника цеха. С 1985 года по 1991 год находился в партаппарате – инструктором и вторым секретарем Левобережного района Воронежа. В данное время работает заместителем директора по общим вопросам «РосАвиамонтаж» – монтаж с помощью вертолетов. Его жена – Нина Ивановна Печенская. У них имеется сын Женя, 1985 года рождения.

Я должен четко и недвусмысленно, с присущей мне прямоотой, внести ясность в некоторые страницы жизни Майи Васильевны.

Родственники Майи Васильевны: дочь Лена, сын Витя, тетушки Вера Николаевна и Анна Николаевна пишут, что она после ареста родителей находилась в детдоме в Кизляре (Дагестан). Но это не так. Все они или ошибаются, или не в курсе этого вопроса. Майя Васильевна с января по 17 сентября 1938 года находилась в Буденновском детском доме в городе Буденновске Буденновского округа Орджоникидзевского края. Это по довоенному административному делению. 17 сентября 1938 года она по решению Орджоникидзевского Крайисполкома была передана совхозу «Ударник» Кизлярского Округа. Ей шел четырнадцатый год. Воротилы сталинского режима считали, что дети с тринадцати лет обязаны работать наравне со взрослыми: пахать землю, сеять зерно, убирать урожай с полей и навоз из конюшен. В совхозе «Ударник» Майя Васильевна, советская рабыня, полуголодная и полураздетая, терзаемая малярией, работала по ударному. В справке Буденновского детдома от 17.09.1938 года сказано, что она выводится на основании решения Крайисполкома в совхоз «Ударник» Кизлярского Округа. Обратите внимание на формулировку: выводится в совхоз... Майю из детдома вывели и отдали в собственность совхозу, советскому хозяйству. С нею поступили, как с рабыней. Да все мы были рабами коммунизма. Колхозник не имел паспорта и не мог уехать из деревни. Он был приписан к колхозу, как крепостной к помещику во времена крепостничества. Рабочий не мог уволиться по собственному желанию или получить перевод на работу, его устраивающую. Это было советское крепостничество.

Сколько времени Майя Васильевна находилась в рабстве в совхозе «Ударник», я не знаю. Но известно, что несколько лет она проживала в Подюге Архангельской области у сестры своей матери Анны Николаевны, находившейся там в ссылке с 1930 года. В восемнадцать лет Майя Васильевна ушла добровольцем на фронт, на войну. Воевать она пошла, во-первых, потому, что несмотря на тяжелое детство любила свою Родину и свой народ, а во-вторых, она избегала возможной отправки в заключение в лагеря как дочери врагов народа в связи с исполнением восемнадцати лет. Она считала, что лучше погибнуть на фронте, чем умереть в сталинских застенках. Воевала храбро, с честью и достоинством перенося тяготы и лишения фронтовой жизни. На фронте она познакомилась с кадровым офицером Советской Армии Орловым Яковом Филипповичем. Они полюбили друг друга, и после победы над фашистской Германией поженились. Перед замужеством она всё честно рассказала о своих родных и о том, что ее считают дочерью врагов народа. Но Яков Филиппович, прошедший войну и не раз смотревший смерти в глаза, будучи человеком мужественным, не испугался случившегося в 1937 году с ее родителями, женился на ней, зная, что это может для него плохо кончиться. Оно так и вышло. Вскоре после их женитьбы Якова Филипповича направили служить в наши войска, находившиеся в Восточной Германии. Майю Васильевну с ним не пустили. Ведь она дочь врага народа. И долгие пять лет они были разлучены: Яков Филиппович служил за пределами своей Родины, защищая ее интересы, а Майя Васильевна с маленьким ребенком на руках, не имея своего угла, скиталась то у родственников мужа в Армении, то в далеком Казахстане у матери, освободившейся из сталинского концлагеря и лишенной на пять лет права свободного передвижения по стране. Это был первый удар по Якову Филипповичу и Майе Васильевне, нанесенный сталинизмом, который они в годы войны с фашизмом защищали, не щадя своих сил.

Второй удар по Якову Филипповичу и его семье был нанесен при сокращении наших Вооруженных сил на один миллион двести тысяч человек летом в 1955 году. Тогда он, полный сил и энергии, имеющий большой боевой опыт, в возрасте тридцати девяти лет был уволен из Советской Армии. Причина увольнения та же, что и запрет на выезд

жены к нему в ГДР: Майя Васильевна – дочь врага народа. Наверное, в мире никогда не существовало и не существует государства, подобного Советскому Союзу, которое так бы издевалось над своим народом и унижало бы его.

Дядю Васю я видел три раза: в 1929 году, когда он приезжал к нам в поселок Константиноградский, в 1933 году на похоронах его отца, а моего деда Миная Марковича и в 1934 году, когда он приезжал в Новохоперск по служебным делам. Помню его всегда улыбающимся, добрым и веселым. Его жену Антонину Николаевну и их дочь Майю знаю по фотографиям и по переписке с ними. С их дочерью Нелей встречался дважды в семидесятые годы, когда она приезжала ко мне. С тех пор регулярно переписываюсь с нею. Она, двоюродная сестра, оказалась вернее и добрее, чем родные сестры.

СЕМЬЯ РЫБОК

Кузьма Викторович Рыбка являлся крепостным помещика на Екатеринославщине, на Украине. Он поначалу работал у своего помещика пастухом, затем пахал землю, выращивал хлеб и выполнял другие работы. После отмены крепостного права помещик доверил Кузьме Викторовичу исполнять обязанности ключника (кладовщика). Все кладовые с зерном, продовольствием и товарами находились в его руках.

Помещик перед своей смертью за долголетнюю, верную и честную службу подарил Кузьме Викторовичу десятину корабельного елового леса, десятину земли и добротную большую хату. Работая ключником у помещика, Кузьма Викторович одновременно выращивал бычков на мясо и продавал их местным купцам. Это позволило ему сколотить небольшой капитал.

После смерти старого помещика всё его хозяйство перешло в руки зятя помещика, которого называли барином.

К этому времени у Кузьмы Викторовича было три сына: старший – Никанор, средний – Николай и младший – Василий. Мой рассказ будет посвящен среднему сыну Кузьмы Викторовича Николаю, родившемуся 9 мая 1870 года.

Маленький Николка с шести лет прислуживал молодому барину: подавал чай, журналы и газеты, убирал со столы, чистил обувь, протирал от пыли мебель и подметал золу. Пацаном он был честным, трудолюбивым и любознательным. Однажды барин, войдя в залу, увидел в руках Коли какой-то журнал о природе и услышал, как он пытается произнести первые буквы каких-то картинок. Коля испугался и стал просить у барина прощения за то, что без разрешения взял журнал. Барин спросил у него, хочет ли он учиться. Коля ответил, что очень хочет научиться читать и писать. Барин пригласил в залу свою жену и, указывая пальцем на Колю, сказал: «Наш Николка хочет учиться грамоте, возмись и научи его читать, писать и считать».

К десяти годам барыня научила Колю не только читать, писать, считать, но и решать задачи. А писать куриным пером так научила, что он писал грамотнее, быстрее и красивее своего барина. Ведь у барыни была окончена Екатеринославская женская гимназия. В четырнадцать лет Коля стал помощником ключника и личным писарем барина. Несколько лет он исправно исполнял эти должности барского двора. И, может быть, со временем он стал бы управляющим имением барина, если бы не преждевременный уход на службу в армию.

Пришло время служить в армии старшему брату Никанору, но у него имелось уже трое детей, которых надо было кормить. И на семейном совете было решено вместо Никанора на службу в армию отправить Николая. Кузьма Викторович пригласил в гости Екатеринославского воеводу, хорошо его угостил и преподнес подарки. Николай был направлен на службу в Царскосельский Его Императорского Величества гусарский полк.

В 1894 году проводилась коронация вступившего на царский престол Николая II, который награждал орденами лучших офицеров и солдат Гусарского полка. Писарь эскадрона заполнял анкеты на представляемых к наградам. Находившийся рядом с ним гусар Николай Рыбка сказал писарю, что он медленно работает и к нужному сроку анкеты не подготовит. На это писарь ответил: «Если ты такой грамотный, то садись и пиши». Николай Рыбка сказал, что он грамотный, сел за стол и начал заполнять анкеты. И пока писарь заполнит одну, гусар Николай Рыбка заполнит две. Писарь отправил Николая с анкетами в штаб полка. Штабной офицер, просматривая анкеты, спросил у Николая, кто

это еще так грамотно и красиво пишет. Николай ответил: «Я». На следующий день гусар Николай Рыбка был назначен главным каптенармусом Царскосельского Его Императорского Величества гусарского полка.

В обязанности главного каптенармуса гусарского полка входило обеспечение Царского двора и полка кавалерийскими и гужевыми лошадьми, продовольствием, фуражом и всем необходимым для жизни и быта семьи царского двора и офицеров полка, вплоть до духов и одеколона.

Увольнявшийся со службы старший главный каптенармус полка поехал с Николаем Рыбкой по России знакомить его с помещиками и торговцами, у которых закупались для царского двора и гусарского полка лошади, зерно, фураж и продовольствие. Первая встреча состоялась на Родине в Екатеринославле с богатым землевладельцем Рудневым Феодосием Феодосиевичем. Его усадьба находилась недалеко от Екатеринославля. Там имелись большой красивый дом, фруктовый сад и прекрасный парк со столетними дубами, каштанами и кленами, с аллеями и беседками, с клумбами цветов и газонами зеленых трав.

В парке был устроен пруд с песчаным берегом. За парком простиралась поля пшеницы, овса, ячменя, подсолнуха. А далее шла степь, где паслись табуны лошадей и стада коров. Глядя на это Рудневское хозяйство, Николай Кузьмич думал: «Эх, мне бы такое богатство!»

В первый же приезд к Рудневу Николай Кузьмич закупил у него сотню кавалерийских лошадей и договорился о закупке пшеницы и овса будущего урожая.

В многочисленной семье Рудневых имелась их младшая дочь Сашенька. С первого же дня пребывания Николая Кузьмича у Рудневых Саша охотно шла к нему. Он рассказывал ей сказки и катал на пруду в лодке. И так бывало каждый раз, когда Николай Кузьмич приезжал к Рудневым. А приезжал он почти ежегодно. Время шло, Саша подрастала и к четырнадцати годам поняла, что она безумно влюблена в бравого, красивого, стройного, начитанного гусара Николая Кузьмича Рыбку. Он тоже ее любил, но, скорее всего, как ребенка, считая, что она ему не пара и для него недоступна. Во-первых, большая разница в возрасте, а во-вторых, он сын бывшего крепостного, к тому же бедный сын, и ему не позволят на ней жениться. Правда, иногда, когда Николай Кузьмич катал на лодке прижавшуюся к нему Сашу, Руднев говорил: «Катай, катай... Вот возьму и отдам за тебя Сашу». Николай Кузьмич, принимая это за шутку, отвечал: «Подрастет Саша, я и сам на ней женюсь».

Служба Николая Кузьмича подходила к концу. Отслужил он за старшего брата Никанора, отслужил за себя и уже заканчивает службу за младшего брата Василия. Осталось служить немного, всего лишь около года. В 1902 году Николай Кузьмич последний раз приезжает к Рудневу в должности главного каптенармуса Царскосельского Его Императорского Величества гусарского полка. Он закупает у Руднева много пшеницы, овса, кавалерийских и гужевых лошадей. Он сделал доброе дело и для царского двора, и для своего гусарского полка, и для Руднева, будущего тестя.

В 1903 году Николай Кузьмич увольняется из армии. За долгую, верную и честную службу России и Императору Николай II награждает Николая Кузьмича именной серебряной шашкой и дарит ему пятьсот десятин земли из царского земельного фонда в Аверинских степях Новохоперского уезда Воронежской губернии. Принимая из рук царя шашку и дарственную грамоту на землю, Николай Кузьмич, став на колени, поцеловал Российский государственный флаг и шашку, дав клятву на верность России и ее Императору.

Николай Кузьмич, радостный, с привычной ему лихой гусарской веселостью покидает Санкт-Петербург и спешит к Рудневым, к Сашеньке. Он ее любит безумно, и жизнь без нее – это не жизнь. Руднев встретил Николая Кузьмича по-отечески, прижав к себе и поцеловав его.

Из дома выбежала Сашенька. Она повисла на шее Николая Кузьмича, целуя его то в щеки, то в шею, то плача, то смеясь, приговаривая: «Я тебя ждала, я ждала тебя, мой дорогой... Я твоя, твоя». Сашенька, которой не было еще и восемнадцати лет, дала согласие выйти замуж за Николая Кузьмича. Свадьба была назначена на февраль 1904 года, когда Саше исполнится шестнадцать лет.

От Рудневых Николай Кузьмич едет домой. После короткой и радостной встречи с родными и хуторянами он и его отец, Кузьма Викторович, направляются в Аверинку Новохоперского уезда Воронежской губернии. В пути Кузьма Викторович предлагает сыну разделить полученную от царя землю на трех братьев. Николай это предложение не принимает, отвечая ему, что это земля лично его, и он сам будет на ней хозяйствовать. Отец ему ответил, что пусть так и будет и добавил, что если ему в Аверинских степях понравится, то он сам туда переедет и перетянет с собою Никанора и Василия.

Кузьме Викторовичу Аверинские степи понравились. Кругом раздолье, от горизонта и до горизонта от легкого дуновения легкого ветерка колыхались степные зеленые травы, в которых горделиво бродили красавицы дрофы. В полях, распаханых в степи, ходили журавли. В небе пели жаворонки. По утрам из близлежащей рощи доносились соловьиные трели. В прудах плескалась рыба, а маленькая степная речушка Татарка кишела раками. Увидев всё это, Кузьма Викторович воскликнул: «Это чудный и богатый край! А какое тут раздолье и красота! Надо купить землю для Никанора и Василия и переезжать сюда!»

Николай Кузьмич по дарственной грамоте Царя получает пятьсот десятин земли из царского земельного фонда в Новохоперском земельном банке и беспроцентный кредит на строительство дома, приобретение скота и сельхозинвентаря.

Кузьма Викторович, трудившийся всю жизнь от зари и до зари и скопивший немного денег, покупает у землевладельца Кучеренко недалеко от Аверинки хутор: двухэтажный дом (харчевню) с дворовыми постройками и пятьсот десятин распаханной земли.

Через несколько дней Кузьма Викторович уезжает на родину, недалеко от Васильевки (нынешнее Запорожье). Там он продает хату, десятину земли и десятину леса. Продают свои лачуги и убогий скарб его сыновья Никанор и Василий. До приезда отца и братьев со своими семьями Николай Кузьмич, не теряя времени, развернул большую работу по освоению полученной от царя целины и купленной отцом земли для братьев, а также по строительству своего дома. Он закупил в земстве семена пшеницы и ржи, которыми нанятые в Троицком крестьяне засеяли подготовленную ими землю. К осени эта земля покрылась дружными всходами зелени, предвещая в следующем, 1904 году, большой урожай пшеницы и ржи.

Вскоре первый снег укрыл от морозов зелень толстым слоем. А вслед за первым снегом с Украины приехали отец и братья Николая Кузьмича со своими семьями.

В начале января 1904 года Николай Кузьмич в сопровождении братьев: Никанора с двумя дочками и Василия с двумя сыновьями и дочерью едут в Екатеринославль, к Рудневым, сватать за Николая их дочь Сашу. Венчались в церкви, была богатая и веселая свадьба. Шестнадцатилетняя Александра Федосеевна Руднева, дочь богатого крестьянина,

и тридцатичетырехлетний сын бывшего крепостного Николай Кузьмич Рыбка соединили свои судьбы. Они стали женой и мужем.

После свадьбы, не задерживаясь в Екатеринославле, Николай Кузьмич и Александра Федосеевна приезжают на свой хутор в Аверинку. Это было в начале 1904 года.

Все Рыбки: отец и три брата с семьями поначалу жили в двухэтажной харчевне. Их было шестнадцать человек. Впоследствии из харчевни построили два дома: для Никанора и Василия. А Николай Кузьмич построил себе большой, красивый дом, в котором второго февраля 1905 года у него и Александры Феодосиевны родилась первая дочь, которую назвали Клавдией.

В 1904 году Рыбки собрали первый богатый урожай пшеницы, ржи и овса. Это позволило им возратить кредит в банк, полностью обеспечить хлебом и фуражом крестьян, работавших у них, и себя до следующего урожая. Они были рады и с большим энтузиазмом обустроивали свой хутор: строили риги, амбары, конюшни, коровники и другие дворовые постройки, приобретали необходимый сельхозинвентарь для обработки земли, обзаводились лошадьми, волами, коровами, птицей. Жизнь на новом месте входила в нормальное русло. Работая от восхода и до захода солнца, братья Рыбки выращивали хлеб и мясной скот. Они кормил Россию, крестьян, работавших у них и себя.

В повседневных трудах и заботах проходили годы, не предвещая ничего плохого. Но в 1917 году свершилась Октябрьская революция. К власти пришли большевики – коммунисты. В России началась гражданская война. Рыбки в этой войне были нейтральны: они не поддерживали ни коммунистов, ни сторонников уничтоженного Царя Николая II. Они считали, что крестьянин должен заниматься своим крестьянским делом: кормить хлебом страну и себя. И кормили. Красные выгребали всё под метелку, а белые грабили.

В 1920 году Советская власть конфисковала у Рыбок землю. В ожидании высылки Рыбки написали Ленину жалобу, которую он передал на рассмотрение Верховного суда молодой Советской Республики. На суде интересы Рыбок защищал Николай Кузьмич.

Суд решил: землю у Рыбок конфисковать, их не высылать, оставить на своем хуторе, как приносящих пользу Советской власти и каждого члена семьи братьев Рыбок наделить землю в существовавших тогда нормах на душу крестьянской семьи.

После суда Ленин поручил Николаю Кузьмичу организовать на конфискованных у братьев Рыбок и помещицы Преснячки землях выращивание пшеницы и мясного скота для государства. Николая Кузьмича назначили управляющим этих земель. Он становится в роли нынешнего директора совхоза с той лишь разницей, что у нынешнего директора совхоза на такое же количество имеются: заместитель, главный бухгалтер, бухгалтер, счетовод, экономист, инженер, техник, завхоз, кладовщик и прочая челядь, сидящая на шее крестьянина. У Николая Кузьмича такого бюрократического управленческого аппарата не было. Все эти должности Николай Кузьмич совмещал в себе, в одном лице. И он всё успевал делать. До 1929 года он успешно руководил хозяйством, давая стране хлеб и мясо. А ведь он еще и работал на своей земле!

С 1920 года по 1929 год хутор Рыбок постоянно охраняли два милиционера от грабителей и бандитов, недовольных тем, что Рыбки работали на Советскую власть, поддерживая ее. Эти милиционеры жили и питались у Николая Кузьмича, работали вместе с крестьянами, которых он нанимал.

В 1929 году сталинская компания массового раскулачивания и высылки в отдаленные районы страны наиболее грамотных и трудолюбивых крестьян вступила в действие.

Мой дядя, Василий Минаевич, работавший в то время секретарем Воронежского уездного комитета партии, посоветовал своему отцу, а моему деду, братьям Рыбкам и многим другим односельчанам продать или бросить свои дома и куда-либо уехать, чтобы не быть раскулаченными и высланными на Соловки. Некоторые крестьяне так и поступили. Мой дед продал дом и уехал в другой поселок. Так же поступил и старший брат Рыбок Никанор Кузьмич, продавший свой дом, бросивший землю и уехавший на Тамбовщину. Николай Кузьмич и Василий Кузьмич к совету моего дяди не прислушались. Николай Кузьмич тогда моему дяде, а моему зятю, Василию Минаевичу, ответил: «Пусть кулачат и высылают, я и там не пропаду, ибо я всю жизнь честно тружусь, мне с моим «выводком» некуда ехать». У Николая Кузьмича и его жены Александры Феодосиевны в то время имелись несовершеннолетние три дочери и сын.

Осенью 1929 года на землях, принадлежавших когда-то Рыбкам, а с 1920 года производившими на них по распоряжению Ленина хлеб и мясо для государства, организовали колхоз «Новый Октябрь». Николая Кузьмича и Василия Кузьмича раскулачили. У них отобрали землю, данную уже Советской властью, скот, птицу, вывезли мебель и выгребли запасы зерна, а также конфисковали весь сельхозинвентарь. Я не знаю, что конкретно отобрали у Василия Кузьмича, а вот у Николая Кузьмича, имевшего четырех несовершеннолетних детей, отобрали: двух лошадей, двух коров, полтора десятка овец и коз, свинью и полтора десятка кур, кроме петуха. Старый, красивый, хитрый и умный петух прямо с шестка взлетел, проскользнул меж расставленными в дверях курятника ногами хуторского бездельника, голодранца, рьяного активиста Чифирки и помчался в степь. Погнавшийся за петухом Чифирка зацепился за кочку, упал, расквасив себе нос. На рассвете следующего дня Николай Кузьмич услышал кукареканье. Открыв дверь, он увидел на крыльце петуха, который продолжал кукарекать, извещая наступление нового дня и зовя к себе курочек. У петуха из глаз капали слезы. А курочки ночью были сожраны лодырями – активистами советской власти, отметившими успешное разграбление очередного трудолюбивого крестьянина. Я хорошо помню, как эту историю с петухом Николай Кузьмич рассказывал моему отцу в 1933 году, когда приезжал из ссылки на родину. Тогда они громко смеялись. А в 1929 году во время раскулачивания было не до смеха. В день раскулачивания из дома Николая Кузьмича вывезли рояль, который поставили в школе, открывшейся в доме Никанора Кузьмича. Деревенские пацаны, не знавшие, что это такое, смотрели на рояль, как на чудо, залезали на него в лаптях, топтались по нему, били по клавишам, издававшим звуки, и кричали, что внутри рояля сидит черт. Вывезенные мягкий диван с бархатной обшивкой, венский столик, стулья, граммофон и именная серебряная шашка бесследно исчезли.

После раскулачивания Василия Кузьмича, Николая Кузьмича и его молодого зятя Горбенко, мужа старшей дочери Клавдии, увезли под конвоем в Новохоперск. Там при райотделе НКВД из раскулаченных был создан отряд по заготовке дров для районных организаций, школ и детдомов. Николая Кузьмича, как самого грамотного крестьянина, умевшего организовать дело и руководить людьми, назначили старшим отряда. Он руководил заготовкой, вывозкой и распределением дров организациям и учреждениям.

В конце января 1930 года Александра Федосеевна уехала в Новохоперск навестить мужа Николая Кузьмича. Дома оставались четверо детей. Вскоре после ее отъезда к ним прибежали деревенские бабы и сообщили, что руководители сельской власти идут

выселять их из дома. Шла сильная метель. Бабы быстро связали в узлы одеяла, подушки, кое-какую одежду и выбросили в окно, в сторону степи, в снег. Сельская власть увела с собою шестнадцатилетнюю Веру, четырнадцатилетнюю Аню, двенадцатилетнего Колю и восьмилетнюю Женю.

Поселил их у Чифирки. План по выселению кулаков из собственного дома был выполнен. Через несколько дней их мать, Александра Федосеевна, возвратилась к детям. Вечером, взяв их с собою, прячась от посторонних глаз, задворками она пошла в свой и уже не свой дом кое-что забрать, а скорее, воровать, потому что своё уже было не своё. Крадучись, пробралась в свой дом. Все двери были настежь открыты, одежда, обувь и посуда утащены. В доме хозяйничал холодный зимний ветер да пушистый снег. В зале на стене висели портреты Николая Кузьмича в гусарской форме и Александры Феодосиевны в черном платье – немые свидетели разгрома Советской властью этих честных, трудолюбивых людей и разграбления имущества, нажитого огромным многолетним трудом.

Вера и Аня сняли портреты своих родителей со стены, завернули их в клеенку и спрятали в снег за домом. Забрав томики книг Пушкина, Гоголя и Чехова, они покинули свой и уже не свой дом со слезами на глазах.

Через несколько дней Александру Феодосиевну и ее детей увезли на станцию Новохоперск и поместили в клубе, который был местом сбора подлежащих ссылке крестьян. Там уже находились замужня, но еще бездетная дочь Клавдия; три сына Василия Кузьмича, два из которых были с женами и детьми и многие семьи из Троицкого, Алферовки, Красного и других сел. На следующий день хуторские женщины привезли узлы с подушками, одеялами, одеждой, обувью и собранными хуторянами продуктами: мукой, сухарями, салом.

30 марта 1930 года ссыльных загнали в вагоны, в которых имелись двухъярусные нары, чугунная печка и ведро для отправления естественных потребностей.

Из Новохоперска пригнали глав семейств, работавших там полгода на заготовке дров за два черпака «баланды» да кусок хлеба в день. Отцы семейств бегали вдоль эшелона в поисках своих семей. В одном из вагонов нашел свою семью и Николай Кузьмич. Проверили наличие высылаемых в вагонах. И тут оказалось, что в списках высылаемых нет дочери Николая Кузьмича пятнадцатилетней Ани. Ей было предложено остаться на месте. Она отказалась и поехала вместе со всеми.

Николая Кузьмича назначили старшим по вагону. Он, будучи человеком практичным и сообразительным, понял, что их повезут на север, а значит, дорога будет долгой и мучительно трудной. Поэтому он принял ряд мер, чтобы облегчить дорожную жизнь сталинских изгнанников. Он увеличил запас дров и воды. Маленьких детей разместил на нижних нарах, постарше – на втором этаже нар, а в другой половине вагона нижние нары отдал женщинам, а верхние – мужчинам.

Охранники закрыли двери вагонов. Паровоз, издав прощальный гудок, медленно набирая скорость, тащил за собою товарные вагоны, переполненные людьми: кричащими старухами, рыдающими деревенскими бабами, мужиками-крестьянами, задумчиво молчащими, с текущими по щекам слезами и с притихшими детьми, еще не понимавшими глубины случившейся трагедии. Они, разграбленные, морально раздавленные и униженные Советской властью, никогда не возвратятся в свои края. Их хутора, усадьбы, дома будут разрушены и растащены строителями нового коммунистического общества: общества рабства, лжи и зла.

Конечный пункт эшелона держался в секрете. В середине эшелона находился вагон в энкэвэдэшниками, а рядом с ним вагон с армейскими кухнями. На день выдавали по черпаку кулеша, столько же кипятку и по пятьсот граммов хлеба на человека. Остановки для выдачи пищи производились в глухих, безлюдных местах утром и вечером. В это время изгнанников выпускали из вагонов для отправления естественных потребностей. Женщин ставили в одну – две шеренги лицом к вагону, а за ними в таком же порядке мужчин, лицом в противоположную сторону. По команде энкэвэдэшника «Начинай» женщины задирали юбки, а мужчины опускали штаны. Охранники были вооружены винтовками. Иногда слышались выстрелы. Стреляли по пытавшимся сбежать. Пожилые люди и взрослые дети стеснялись «ходить» в ведро и терпели до очередной остановки. Шестидесятилетняя бабушка Махотина из села Троицкого до очередной остановки не дотянула, у нее лопнул мочевого пузырь, переполненный жидкостью. Она умерла. Земляки не позволили охранникам выбросить ее тело на растерзание зверям в лес. Они мертвую Махотину упрятали под нарами и довели до места ссылки – станции Коноша Архангельской области.

Выгрузили из вагонов. Сотни стариков, мужчин, женщин и детей, забросив на свои крестьянских плечи узлы и узелки со своим домашним скарбом, сопровождаемые охранниками, двинулись в лагерь, в котором им предстояло жить и выживать, работать и умирать.

Вскоре они увидели в лесу, среди вековых елей, огромные шалаши, построенные в форме большой буквы «А». Привезенную на санях под видом больной мертвую бабушку Махотину похоронили недалеко от шалашей, на возвышенном месте, которое вскоре стало кладбищем и вечным приютом сотен и сотен сталинских мучеников.

В шалашах с двухскатными крышами, покрытыми еловым лапником, с обеих торцовых сторон имелись двери с небольшими окнами над ними. При входе в шалаши внутри них с обеих сторон стояли огромные глинобитные печи. Посредине шалашей по всей их длине имелись двухъярусные нары с разрывом для стола и скамеек. По бокам шалашных стен были устроены одноярусные нары. Деревянные полы отсутствовали. Шалаши были построены на земле, заваленной снегом. В проходах между нарами и под ними лежал снег. В этих шалашах начинали свою ссыльную жизнь крестьяне из Алферовки, Троицкого, из Рыбкинского и Иогановки, из Дубового и Красного, из многих других хуторов и сел степного Прихоперья.

Николая Кузьмича назначили старшим по шалашу. Он разместил детей на нижних нарах с одной стороны, а на верхних их родителей, стариков на нижних нарах с другой стороны, а на верхних семейные пары. Боковые одноярусные нары были отданы молодежи: с одной стороны парням, с другой – девушкам. Над проходами и над нарами по всей длине шалаша приколотил жерди, на которых вешали одежду и подвешивали банки, котелки, сумки с продуктами и пищей. Со временем завелись крысы, мыши, вши и полчища тараканов. Пищу готовили под навесом на кострах. Всем выдавали продуктовые пайки. Работающим на день: хлеба – 400 гр, крупы – 50 гр, рыбы – 20 гр, сахара – 20 гр, соли и мыла по 10 гр, а спичек – коробок на месяц. Старикам и детям на день: 200 гр. хлеба, 30 гр. крупы, 10 гр. сахару и столько же рыбы. Пайки выдавались на каждые десять суток.

В Архангельских краях коллективизацию проводили позже, в 1931-1932 годах. Крестьяне, не желая сдавать в колхозы лошадей и коров, приводили их в шалашный лагерь и сбывали за бесценок ссыльным. Это на какое-то время спасало ссыльных, конечно, не всех, от голода и смерти.

На второй день после прибытия к месту ссылки всех работоспособных пристроили у шалашей, проверили по спискам и повели в тайгу на лесоразработки. Работали, кто в чем попало. Потом выдали спецобувь и рабочую одежду: лапти, рваные телогрейки, дырявые солдатские брюки и обмотки. Медицинское обслуживание отсутствовало.

Руководство архангельских лагерей, напуганное эпидемиями тифа, дифтерии и большой смертностью ссыльных, а также возможностью распространения эпидемии среди коренного населения, забило тревогу. Из Москвы прибыл специальный санитарный отряд с медперсоналом, медикаментом, лабораторией и оборудованием. Всех инфекционных больных изолировали в три огромных шалаша. Началась борьба с эпидемиями и за жизнь людей. В это время ежедневно умирало по 30-40 человек, их хоронили на кладбище, начало которому положила бабушка Махотина.

Лагерь колючей проволокой огорожен не был, но на дорогах и тропах, ведущих в Коношу, устанавливались секретные посты и засады из работников НКВД.

В связи с возникновением эпидемий тифа и дифтерии летом 1930 года разрешили выезд с места высылки старикам и детям до двенадцати лет, если за ними кто-либо приезжал. С одним земляком, приезжавшим забрать своих племянников, Николай Кузьмич отправил на родину 8-летнюю Женю и 13-летнего Колю, которому на год уменьшили возраст. Женя жила у сестры Оли на ст. Новохоперск, а Коля скитался в своем родном поселке. Работал подпаском у немцев в колхозе им. Молотова в пос. Центральное.

Осенью 1930 года ссыльных перевели на лесопункты, где жили в землянках. Там имелась столовая, и ссыльные в ней питались, хотя пища была очень скудной. Мать Рыбок, Александра Федосеевна, работала поваром в столовой, а остальные на лесозаготовках. В 1932 году всех ссыльных шалашного лагеря поселили в новые дома, построенные на берегу озера Коношозерское. Дома там стояли на шести улицах. Имелись школа, детский дом, интернат для детей, магазин, столовая и карцер, в который комендант сажал дебоширов и ребят, подравшихся из-за девушек.

Детям, исключенным из школы при раскулачивании их родителей, в 1933 году разрешили учиться. В первом классе учились восьмилетние и двенадцатитринадцатилетние, которые семилетнюю школу заканчивали в двадцатилетнем возрасте.

Соседи Николая Кузьмича сбежали, и он занял вторую половину дома. У дома он разработал кусок земли под огород, завел коз. Александра Федосеевна работала заведующей детсадом-яслями, а Аня воспитательницей. Вера трудилась на лесоразработках. Николай Кузьмич некоторое время работал помощником коменданта, а затем экспедитором по доставке товаров в магазин.

В последних числах декабря 1938 года, находясь по делам в Коноше, Николай Кузьмич получил от почтальона письмо, в котором сообщалось, что зять Василий Минаевич и его жена, дочь Николая Кузьмича, арестованы. У него случился инсульт, и лошадь привезла Николая Кузьмича в бессознательном состоянии, с зажатым в руке письмом к магазину, в свой поселок Коношозерский. Он долго болел, занимался внуками и огородом.

19 июля 1942 года Николай Кузьмич умер. Похоронен на Коношозерском кладбище. Там же похоронены его младший брат Василий Кузьмич, умерший от тифа в 1935 году, и его сын Игорь, скончавшийся от туберкулеза в 1936 году. Нет давно в живых и старших сыновей Василия Кузьмича – Виктора и Петра, а его младший сын Николай погиб на войне. Старший брат Николая Кузьмича Никанор Кузьмич умер еще до войны в Воронеже, у него сыновей не было. Сын Николая Кузьмича Николай Николаевич умер в

1990 году. Поиски продолжателей рода Рыбок положительных результатов не дали. Род Рыбок свое существование, похоже, прекратил.

Но вернемся к делам ссыльным. В 1935 году ссыльные получили паспорта и начали покидать Коношу. В конце войны уехали из Коноши дети Николая Кузьмича: Вера Николаевна, Анна Николаевна, Николай Николаевич. А Евгения Николаевна распрощалась с Коношей еще в 1940 году, поступив на учебу в Мичуринский плодовоовощной институт. Их мать, Александра Федосеевна, покинула Коношу в начале 1945 года. И только старшая дочь Рыбок, Клавдия Николаевна, продолжала жить до последних своих дней в Архангельских ссыльных местах.

Я располагаю большим количеством фотографий и писем еще живущих ныне, уже пожилых по возрасту, но молодых душой дочерей Александры Федосеевны и Николая Кузьмича: Веры Николаевны, Анны Николаевны и Евгении Николаевны. В своих письмах они рассказывают о трагедии, постигшей их семью, семьи их родственников и односельчан в 30-40-е годы нашего столетия – о раскулачивании, о ссылке в Архангельские дебри, о рабском труде, о трудной жизни и выживании.

Я не имею возможности полностью поместить в своих «Воспоминаниях» письма дочерей Рыбок, но попытаюсь рассказать о них и коротко написать о том, что они пишут в своих письмах.

Вера Николаевна

С марта 1930 года находилась в ссылке вместе со своими родителями и братом. С первых же дней ссылки работала принудительно на лесоразработках рабочей, а затем бригадиром. Осенью 1933 года была направлена на курсы ликвидаторов неграмотности в Няндому Архангельской области. В 1934 году работала учительницей первых классов и вела кружок ликвидации неграмотности среди взрослых. От постоянного недоедания, большой умственной нагрузки и переживаний, связанных со ссылкой, у нее произошло истощение организма и нервной системы с нарушением психики. После возвращения из Вологодской психиатрической больницы ее вновь направили на лесозаготовки. В 1936 году она вышла замуж за ссыльного Шрамко Павла Никитича. Во время войны работала прачкой в детсаду и госпитале. В 1944 году уехала из Коноши в родные края, в поселок Централь, находящийся в четырех километрах от своего хутора. В Централь она работала на местном маслозаводе и в совхозе рабочей. У нее имелось шесть сыновей и дочь. Сегодня в живых пятеро сыновей. У Веры Николаевны семь внуков, восемь внучек и девять правнуков. Живет у сына Николая. Ей восемьдесят два года. В своих письмах она рассказывает об отце и матери, о сестрах и брате, о муже, внуках, правнуках и невестках с большой любовью и теплотой к ним.

Из писем Веры Николаевны:

... В 1904 году папа начал строить большой дом с парадным крыльцом. В доме имелись: передняя, кабинет, зала, спальня, детская комната, столовая и кухня. По ширине дома шла тесовая пристройка с сеними и кладовыми. В кабинете папы имелись: диван, обтянутый бархатом, письменный стол и книжный шкаф. В зале стояли: трюмо, рояль и на маленьком красивом столике граммофон. На стене висела именная серебряная шашка, подаренная папе в 1903 году Царем Николаем II.

В 1920 году у папы конфисковали 500 десятин земли, подаренной ему в 1903 году Царем за долгую, верную службу России. Конфисковали землю в количестве пятисот десятин у братьев моего отца – Никанора Кузьмича и Василия Кузьмича, которую им купил их отец в 1903 году.

...В 1929 году папу раскулачили. Отобрали скот, землю, которой им были наделены по существовавшим тогда нормам, сельхозинвентарь и небольшое количество зерна. Из дома вывезли всю мебель, рояль, граммофон и утащили именную папину шашку. Папу увезли в Новохоперск, где он работал на заготовке дров.

...В конце января 1930 года мама уехала в Новохоперск навестить папу и повезла ему сухари и сало. Вскоре прибежали деревенские бабы и сообщили, что сельские власти и активисты идут нас выселять из дома. Женщины быстро связали в узлы кое-какие вещи и выбросили их через окно в снег. Местная власть забрала меня, Аню, Колю и Женю и увела в дом Чифирки в том, в чем мы были одеты и обуты. Мы от страха дрожали и ревели, боясь, что нас отправят без родителей на Соловки. В то время много ходило слухов о Соловках, как о далеком, страшном северном крае, откуда живыми не возвращаются... Дня через два мама из Новохоперска возвратилась. Нас погрузили на сани и повезли на станцию Новохоперск, где поселили в клубе. Там таких, как мы, было много: семьи Будаевых, Горбенко, Василия Кузьмича Рыбки, Копиноса с шестью дочерьми и двумя сынами из Дубового, были семьи из Алферовки, Троицкого и Красного.

15 августа 1994 года:

...30 марта 1930 года нас загнали в грузовые вагоны, где имелись двухъярусные нары, чугунная печка и ведро для испражнений. Из Новохоперска пригнали наших отцов. Мы сутки сидели закрытыми в вагоне и плакали. Вдруг вагон открыли и вызвали папу. Председатель Новохоперского Райисполкома Буханцов и начальник райотдела НКВД сказали ему: «Николай Кузьмич, вы ссылке не подлежите, вы работали на Советское государство, выходите из вагона с семьей и поезжайте домой». Папа ответил: «Я своего брата и земляков не брошу, я поеду со всеми тут находящимися туда, куда повезут». Вагон закрыли. Эшелон тронулся. Под перестук колес на стыках рельс, крики баб и плач детей нас увозили с родных мест в ссылку.

Через неделю нас выгрузили на станции Коноша. Мы подняли свои вещички на плечи, и нас повели в лес. В шести километрах от станции поселили в огромные шалаши,

построенные на снегу. На следующий день всех взрослых погнали на лесозаготовки.

18 августа 1994 года:

...В первое полугодие 1930 года много умирало стариков и детей от истощения, простудных заболеваний и разных эпидемий. В день зарывали по 30-40 покойников. С 11 часов до позднего вечера похоронные процессии шли одна за другой. Шалашей было много, и людей в них было набито полным-полно. Национальности были разные. Татар хоронили без гробов, сидя. Покойнику ложили кружку, миску, ложку, украшения, инструменты, в общем то, что можно было взять от оставшихся еще в живых. До могилы покойника несли в гробу, а потом гроб сжигали вместе с одеждой умершего.

...Почти у каждого барака лежали штабеля нестроганных досок, как будто бы специально приготовленных для изготовления гробов.

...Потом разрешили детей до двенадцати лет, а также нетрудоспособных стариков отправлять на родину, если их кто-то мог забрать. Но уезжало мало: одни уже умерли, других никто не забирал, а третьим не к кому было ехать. И она продолжали умирать в Архангельских лесах.

19 августа 1994 года:

...В 1933 году продовольственные пайки ссыльным стали выдавать наравне с вольнонаемными, а зарплату от выработки. Тут мы уже ожили. В поселке открылся детский сад для детей, родители которых умерли или сбежали. В нашем поселке на каждой улице был староста, который спозаранку проверял дома своего участка и докладывал коменданту об умерших, заболевших и сбежавших. Недалеко от нас, на железнодорожной линии, находился лагерь политзаключенных, где часто слышались выстрелы.

1 сентября 1994 года:

...По просьбе колхозников поселка Рыбкинский начальство Арханлага разрешило папе поехать на родину. Колхозники хотели избрать папу председателем колхоза, так как верили, что он наведет порядок. В марте 1933 года папа поехал туда. Его дом был растащен, скот в колхозе почти весь подох, сельхозинвентарь разбит, начинался голод. Папа сказал односельчанам, что он на севере уже приспособился, поблагодарил их за доверие и, забрав Женю, жившую с 1930 года у сестры Ольги на ст. Новохоперск, и Колю, скитавшегося у немцев подпаском в поселке Центральное, уехал обратно в Коношу. Женя и Коля снова оказались в ссылке.

...На работу в лес нас водил десятник, он же и конвоир.

...Когда началась война, у нас с Пашей уже было двое детей. Пашу взяли на войну, а я осталась беременной. На войне он был ранен, признан временно непригодным к службе и приехал домой. В это время уже было разрешено военнотружущим из числа ссыльных уезжать, куда захотят, кроме Москвы, центральных городов союзных, автономных республик и областных центров. Мы в 1944 году уехали на родину в поселок Централь, где работали на маслозаводе: он конюхом, а я рабочей. Мы с ним получали по шестьсот граммов хлеба, а на троих детей хлебных карточек не давали. Вот и жили этим хлебом, да сывороткой. Я с большой благодарностью вспоминаю работниц маслозавода Наташу и Лену. Они, бывало, когда наливали сыворотку в ведра для лошадей, бросали туда кусочки сыра и масла, привязанные к гирьке. Это спасло детей от смерти. Вскоре Пашу снова взяли в армию, а я осталась с тремя детьми и снова беременной. Было очень трудно. Я ушла работать в совхоз, где дали хлебные карточки на троих детей. Работая в совхозе на уборке урожая, я приносила домой в пазухе понемногу зерна, которое обменивала у знакомого мельника на муку. Так мы жили и выживали в трудное военное время и послевоенные годы. Как многодетная мать я получала пособие в размере двенадцати рублей, на которые могла купить по хлопчатобумажному костюмчику для своих ребятишек. И это было большим счастьем.

...На лесопунктах жили в бараках или землянках. Все стены были усеяны тараканами, по ночам не давали покоя клопы, водились и вши. Сегодня пишут в газетах, что у кого-то появились вши и многие этим возмущаются и приходят в ужас. А мы тогда, в тридцатые-сороковые годы не ужасались и не возмущались, хотя всё тело было покусано и исчесано до крови... В бараках и шалашах, чтобы не замерзнуть, спали одетыми и в лапотках, которые выменивали на что-нибудь у местных жителей.

...В 17 лет в 1932 году я стала бригадиром лесозаготовительной бригады, в которой было пятнадцать четырнадцатилетних девочек, четыре женщины и один хлопчик. Постепенно втянулись в работу. Помогала дружба, слабые работали на более легких работах. На работу в лес нас водил десятник, он же конвоир. Уходили в шесть часов утра, возвращались в восемь-девять часов вечера. На день давали по четыреста граммов хлеба и соленую рыбу. Вечером после возвращения с работы получали по литровому черпаку супа, сваренного из листьев турнепса и рыбных голов, зачастую

тухлых. Не выполнявшим нормы выработки хлеба давали меньше.

...Однажды мы перевыполнили план. За это нам увеличили выдачу хлеба до шестисот граммов, круп и сахару до двадцати граммов в день. Вскоре моя бригада вышла в передовые. Комендант одел моих девочек в новые платья одинакового фасона. Они смотрели в зеркало на себя, друг на друга и плакали. Они не верили, что это они, что они сбросили с себя лохмотья и рвань, в которое были облачены несколько лет. Мои женщины получили материю на кофты и юбки, а я взяла на рубашку голубого сатина и на брюки синей диагонали. Вечером для всей бригады организовали баню, а на следующий день, в воскресенье, дали выходной. И это впервые за два года! Мне также дали туфли- лодочки и чулки. Я, сбросив лапти, их обула и заплакала. Помню, с этого времени нам стали выдавать спецодежду: стеганные штаны, фуфайки и солдатские ботинки с обмотками.

2 сентября 1994 года:

...По утрам перед уходом на работу в лес кипятили чай каждый в своем котелке. Иногда варили суп из грибов и съедобных трав, если была возможность собрать накануне вечером, по пути с работы.

...Десятники выдавали нам на определенный срок лапти. Если они изнашивались раньше срока, новых не давали. Лапти ремонтировали сами. При работе на болотистой местности, в дождливую погоду, весной и осенью ноги были мокрыми.

...За внедрение лучковой пилы я получила звание стахановки, меня премировали лисьей шубой, покрытой бархатом, видимо, содранной с кого-то из раскулаченных или «врагов народа».

...Комендант нашего поселка с работы в лесу меня снял и назначил заведующей столовой-буфетчицей. Я иногда выручку оставляла в шкафу буфета под тазом и стала замечать, что денег не хватает. Я потребовала провести ревизию, которая выявила недостачу 684 руб. 82 коп. Повариха, воровавшая деньги, сбежала. Мне по статье «Хищение государственных средств» присудили три года лагерей. Отсидела в Плисецком лагере 45 суток. По кассационной жалобе, написанной комендантом нашего поселка, мне три года лагерей заменили удержанием из зарплаты 20% в течение полугода.

...Во время войны работала прачкой в детском саду, а потом меня оформили рабочей госпиталя и стали выдавать

пак, а трех моих детей, истощенных и слабых, поставили на усиленное питание.

...Вот так и жила и выживала в ссылке до войны, в военные годы и после войны. Так я спасла своих милых детушек от голодной смерти. Я пишу эти строки, а у меня щиплет сердце и захватывает дыхание. Мне порою даже не верится, что всё то, о чем я тебе пишу, действительно было в моей жизни. Но что было, того из души и памяти не выбросишь. Колечка, миленький, не задавай мне больше вопросов. Воспоминания о прошлом отдаются сильной болью в сердце и слезами. Воспоминания о прожитой жизни, в которой кроме любви к родителям, к мужу, к детям, внукам, близким и к самой жизни ничего хорошего не было, терзают душу. Отвечать на твои вопросы я уже не в состоянии. В голове шум, свист, грохот. Прости меня.

7 февраля 1995 года:

...Коля, ты опять задаешь мне вопросы. Трудно, но отвечу. Молчать не могу.

...Папа был человеком энергичным, всегда веселым, в хозяйстве многое делал сам. Он и нам не давал скучать, всегда находил для нас нужную работу. Я не помню случая, чтобы он когда-нибудь на кого-то из нас крикнул или повысил голос. Папа играл на скрипке и рояле. Его очень уважали хуторяне. Он подавал руку помощи всем, кто к нему обращался. Он был общительным человеком. Мама хорошо и разнообразно готовила пищу. Она сама пекла хлеб, печенье и сладости. Мама шила одежду, вязала свитера, шарфы, перчатки и строгала одеяла. Она всему этому учила и нас.

...Все мои сыны трудолюбивы на работе и дома. Очень трудолюбивы и снохи. Все живут хорошо, обеспеченно, держат скот и птицу. У всех имеются квартиры, в совхозе зарабатывают много и ученым не завидуют. Коля, Леня, Саша и Сережа являются механизаторами высшего класса, а Юра работает начальником цеха на чугунолитейном заводе в Ижевске.

...Совхоз оплачивает работу сыновей зерном, мукой, маслом, сахаром, крупами, сеном и силосом для скота. Сыновья, снохи, внуки и правнуки хорошо относятся ко мне и всегда заботятся, я всех очень люблю и скучаю по ним, если кто из них долго не приходит».

Анна Николаевна

В марте 1930 года 15-летней девочкой была сослана вместе с раскулаченными родителями, братом Николаем и сестрами: Клавдией, Верой и Женей в Коношу Архангельской области, где находилась по октябрь 1944 года. В настоящее время живет в городе Меленки Владимирской области. Ей с 22 февраля 1995 года пошел восемьдесят первый год. У нее четыре сына, пятый, средний, погиб в 1975 году во время взрыва на заводе, где он работал; одиннадцать внуков и девять правнуков. В своих письмах она пишет о прожитой жизни, иногда даже с юмором, о трудностях нынешнего перестроечного времени и туге идущих демократических реформах, с тяжелыми переживаниями и болью в сердце за нынешнее положение в нашем обществе и за судьбу России.

Читайте ее письма с незначительными сокращениями. Я лучше о ней не напишу, чем она сама о себе. Я думаю, что она на меня за это не обидится.

21.08.1994 г.

Здравствуйте, Николай Андреевич!

Получила Ваше письмо, которое, конечно, было неожиданностью. Но оно не взволновало, не вызвало больших переживаний о высылке и жизни на севере. Почему? Не знаю: или потому, что наш отец учил нас жить по украинской пословице: «Шо будэ нэ будэ, а ты, Марко, грай». То есть, что бы ни случилось, а ты, Марко, не унывай. Спасибо ему за эту науку. Может быть, благодаря ей жизнь в ссылке не оставила у меня в памяти тяжелых переживаний. А может, потому, что мне в ту пору было тринадцать или четырнадцать лет. Я уже не помню, в каком году нас выслали, в 1928 или в 1929 году.

Чаще вспоминаю о жизни на севере с улыбкой. Я и Вера почти однолетки. И что бы мы ни делали, где бы ни работали, после работы мы отдыхали. Летом – на улице, зимой – в помещении: пели, танцевали, читали книги. Это, конечно, когда перевалило за шестнадцать. В те годы и дальше участвовали в самодеятельности: хоре, драме. Вера в ролях свахи или какой-либо бойкой бабенки, я посерьезней, например, в роли Катерины в пьесе «Гроза» Островского, за что получила похвальную грамоту на Архангельском областном смотре художественной самодеятельности. Подюжским духовым оркестром руководил ссыльный немец Шлехт, прекрасный человек и музыкант. Так его и других, сосланных в Архангельские леса немцев, латышей, литовцев, эстонцев отсюда снова ссылали в Сибирь, подальше от западной границы. Это было в начале 1940-х годов.

Николай Андреевич! Ну как тут не улыбнуться, когда вспомнишь такое: мне шестнадцать лет. Очень нравился парень лет девятнадцати -двадцати, сын попа. Работал он десятником на лесоскладе. Не знаю, высланный он был или

нет. Я участвовала в инвентаризации склада: замеряла толщину бревен, а он записывал. Очень вежливый, культурный, никаких подленьких намеков или поступков не бывало, хоть мы были и одни на многогектарном складе. Молодежь сейчас не та. Спустя полгода, зимой, я повезла картошку папе на санках (он жил в спецпоселке), а мы – я, Вера и мама – работали на лесопункте. Повезла, солнце пригрело, снег на шпалах растаял, везти тяжело, а другой дороги нету. И вдруг откуда-то появляется этот самый десятник и помогает мне везти. А я обута в лапти, на мне латанные-перелатанные солдатские штаны, юбка из какого-то самотканого холста и одета в какую-то замусоленную сермягу. Стыдно до слез. А он красивый, интеллигентный, хорошо одетый. Это было мое первое увлечение, но встреч не было.

Трудовая деятельность началась с 16 лет на подсобных работах. Собирали кору на лесоскладах, ее куда-то экспортировали. Взрослели мы, и «взрослела» работа: разделка баланса, разделка дров у пекарни, подборка сучьев в лесу, уборщица в бараке рабочих, помощник повара в столовой. Это на лесоучастке. Жили в бараке. Потом переехали в спецпоселок Коношозерский. Работала буфетчицей в столовой, а затем заведующей, воспитателем детсада. Мое руководство, находившееся в Няндоме, работой детсада было довольно. Но вдруг вызывают меня в комендатуру и приказывают детсад сдать и идти работать в лес.

Через шесть лет, будучи замужем и имея детей, узнала причину: наш комендант, сорока лет, женатый, имевший детей, влюбился в меня. И его жена объявила ему ультиматум: или он отправит меня на работу в лес, или она сообщит в парторганизацию и он слетит с работы и потеряет партийный билет. Комендант отправил меня в лес. Работала на ремонте лесовозных дорог.

В 1934 году вышла замуж. Муж не ссыльный, но сын ссыльного. Учился он в Московском музыкальном техникуме. Его предупредили, что исключат из техникума и вышлют. Он ушел из техникума и приехал жить в Коношу, к сосланному отцу. У моего мужа взяли паспорт на прописку и не вернули. Так он остался жить в нашем поселке. Тут самодеятельность нас в клубе и свела.

После рождения сына работала воспитателем в детском интернате. В 1939 году мы переехали в Подюгу, где я работала счетоводом в конторе лесопункта, а муж художественным руководителем в доме культуры.

В 1944 году я с детьми уехала в город Выску Горьковской области, к свекрови. Но я и мои четверо детей: девяти, семи, трех лет и семимесячный сын, там были лишними и не нужны. Свекровь заявила, что с детьми нянчиться не будет. Я уехала в село Монаково Горьковской области. Работала счетоводом в школе. В 1946 году приехал муж, но работа в детдоме его не устраивала. Мы переехали в поселок Вербовский Муромского района, где муж работал художественным руководителем в доме культуры. Жили в одной комнате барака, предназначенного под снос. Неустройство с жильем вынудило нас уехать в Фоминки, где муж умер в 1950 году.

Осталась я одна с четырьмя сыновьями: пяти, семи, одиннадцати и четырнадцати лет. А пятый родился через шесть месяцев после смерти мужа. Вот тут досталось мне похлеще, чем в ссылке. Гора я хлебнула. Писать об этом не буду. Это не каждый поймет.

В Фоминке я работала счетоводом в промкомбинате, затем директором районного Дома культуры. Не сработавшись с худруком, я возвратилась в промкомбинат на должность приемщика-счетовода в Дом быта, отсюда я ушла на пенсию. Со временем, обменяв квартиру, переехала в Меленки. Тут живут два сына, а двое сыновей живут в Московской области. Двое имеют высшее образование, а двое закончили техникумы. Ой, как после смерти мужа мне было трудно вырастить и выучить детей!

Образование у меня четыре класса начальной школы. А дальше нам, детям кулаков, учиться не позволялось.

Очень люблю разгадывать кроссворды. Это занятие как физзарядка для моих склерозных мозгов. Я оглохла и не могу общаться с людьми, кроме как перепиской. Это меня очень угнетает.

08.09.1994 г.

Здравствуйтесь, Николай Андреевич!

Продолжаю отвечать на Ваши вопросы. В каком году раскулачили, не помню. Наверное, в 1928 году. Как-то вечером к нам пришел житель Аверинки и сказал, что было собрание, на котором решили раскулачить Рыбку Николая Кузьмича и Рыбку Василия Кузьмича. Третий, Рыбка Никанор Кузьмич, кем-то предупрежденный, продал дом и уехал в Новохоперск. Он в ссылку не попал.

Помню, что к нам приходили из сельсовета и описали имущество. Зимой мамы не было дома. Нас увели из дома и поселили у кого-то из односельчан. Потом приехала мама, и

нас всех увезли на станцию Новохоперск, где поселили в клубе. Через несколько дней загнали в вагоны и повезли в ссылку. В Коношу привезли зимой. Там, в лесу, были построены бараки-шалаша, крытые еловым лапником. Туда нас и поселили.

Недалеко от нашего шалаша находилось кладбище. И всех умерших проносили мимо нашего жилья. Умирили часто. Когда несли покойников, провожающие пели соответствующие песнопения. Видимо, это так часто случалось, что стало действовать на меня угнетающе. Заслышав пение, я забиралась на нары, укутывала всем возможным голову, чтоб не слышать пения.

...Теперь о Николае Кузьмиче. Папа служил в гусарах и, видимо, при Дворе Царя Николая II. Мне запомнилось, как приехав к кому-то в гости, он, шутя, поздоровался так: «Поставщик Двора его Императорского Величества гусар... полка по Вашему приглашению прибыл». Из его разговоров поняла, что он поставлял для Двора вина, духи, папиросы.

...Я не знаю за папой каких-то особых увлечений или привычек. Человек он был мягкий, добрый, трудолюбивый. Он и пахал, и сеял, и кузнецом бывал, и технику (сеялку, молотилку, телеги) сам ремонтировал, и в церковном хоре пел, и сам животных резал. Был добрейшей души человек.

...В нашем доме всегда были чужие люди. Заезжали просто отдохнуть, покормить лошадей или заночевать.

13.09.1994 г.

...Раскулачивание и высылка у нас, малолетних детей, не вызвала таких переживаний, как у наших родителей-«кулаков», работавших от зари до зари, наживших всё честным путем и отобравших все Советской властью, коммунистами. Мы тогда по малолетству не понимали всю глубину этой трагедии.

...Читала главу о деде из Ваших «Воспоминаний». Вы описываете Центральное таким, каким я видела его в детстве: чистое, ухоженное, в садах. В середине пятидесятых я ездила к Вере в Центральное. Шофер сказал: «Вот и приехали!» Я бы ни за что не поверила, что это Центральное, если бы сказал это не шофер. От Центрального осталось одно название, а выглядело оно как Дубовое после цыган.

... Когда нас привезли в ссылку на север, папа как-то сказал: «Ничего, детки, люди и здесь живут. И мы будем жить!» И жили. Старались не тужить. И выжили.

21.01.1995 г.

...Принесут газеты, тут же все в сторону. Ведь хочется знать, что делается в мире и у нас в стране. Да, хорошего не видно. И, кажется, не предвидится. Похоже, что жить будет еще труднее и голоднее. Но это покажет время.

12.02.1995 г.

Прошла половина зимы, теплой, чуть не с дождями. Это ничего хорошего не сулит. Вообще, я ничего хорошего впереди не вижу, а думаю, что будет голод. Его начало уже ощущается. На Востоке уже голодают (из газет). Да чего удивляться, если аграрное производство как будто бы специально разрушается. Читаешь газеты и просто диву даешься: грабежи, убийства, взяточничество, коррупция, вывоз государственных ценностей без лицензий и многое другое. Как это назвать? Реформы?

Ладно, пошла политика. Оставляю ее для наших правителей. А самой хочется кричать, ругаться.

Евгения Николаевна

Родилась 31 декабря 1921 года. Осенью 1929 года была исключена из первого класса начальной школы как дочь кулака и 30 марта 1930 года выслана вместе с родителями, братом и сестрами в Коношскую тайгу Архангельской области. Вскоре там начались эпидемии холеры и тифа. Руководство Архангельских лагерей, напуганное большой смертностью ссыльных, разрешило выезжать с места ссылки детям до 12 лет и нетрудоспособным старикам. Женю и ее брата Николая, которому уменьшили на год возраст, отправили на родину к дальним родственникам, приезжавшим забрать своих племянников.

С лета 1930 года по февраль 1933 года Женя жила на станции Новохоперск у сестры Ольги Николаевны. Хозяин ее квартиры, старый коммунист, договорился с директором школы, и тот под собственный страх и риск взял Женю на учебу во второй класс. Отец Жени, приезжавший на родину в феврале 1933 года, по просьбе жителей Аверинки, предлагавших ему возглавить их колхоз, уехал обратно в Коношу, увезя с собою Женю и Колю. Так они снова оказались в ссылке.

В 1940 году Женя окончила с отличием Коношскую среднюю школу и поступила в Мичуринский плодоовощной институт. Но вскоре было введено платное обучение и отменены стипендии. Средств на жизнь и обучение не было. Женя уехала к своему дяде, брату матери, в Днепрпетровск, у которого имелась корова – основной источник существования. Там она поступила в горный институт. Но 22 июня 1941 года началась война, и все планы Жени рухнули.

25 августа 1941 года фашисты захватили Днепрпетровск и корову у дяди отобрали. Немцы начали вылавливать молодежь и угонять в Германию. Чтобы не попасть в немецкое рабство, Женя выходит замуж. В октябре 1942 года у нее и ее мужа Алексея Васильевича Николаева появляется сын.

В августе 1943 года муж Евгении Николаевны был арестован немцами за распространение сообщений Совинформбюро, за участие в освобождении советских военнопленных из фашистских лагерей, госпиталей и больниц.

25 августа 1943 года Днепрпетровск был освобожден Советскими войсками. Евгении Николаевне о судьбе мужа ничего известно не было. Домой он вернулся в декабре 1945 года.

После ареста немцами в августе 1943 года Алексей Васильевич был заключен в концлагерь Матхаузен, а затем в подземный лагерь «Дора», филиал Бухенвальда. В апреле 1945 года при этапировании советских военнопленных немцами в сторону англо-американских войск на строительство оборонительных сооружений Алексей Васильевич сбежал. Он вышел к своим наступавшим войскам и служил в Красной Армии до декабря 1945 года.

По возвращении в Днепрпетровск руководитель городской антифашистской подпольной группы потребовал от Алексея Васильевича написать отчет о проделанной им работе в этой группе, а также во время его заключений в концлагерях Матхаузен и «Дора». Алексея Васильевича несколько раз вызывали в органы НКВД, а в сентябре 1947 года арестовали. Девять месяцев находился под следствием. Осудили на два года лагерей якобы за приписку лишних заслуг в проделанной работе против фашистов с целью получения денежного вознаграждения и медали «Партизану Великой Отечественной войны».

Алексей Васильевич, являясь невиновным и будучи человеком упрямым и смелым, стал писать жалобы на незаконный приговор Военного трибунала в вышестоящие инстанции и органы, в Прокуратуру СССР и в ЦК КПСС. Органы НКВД, недовольные жалобами Алексея Васильевича на них, сфабриковали новое дело, обвинив его в предательстве подпольщиков Днепрпетровска. В основе сфабрикованного обвинения лежало то обстоятельство, что однажды Алексей Васильевич на предложение немецкого офицера работать на них, чтобы скорее отделаться от него и уйти, сказал: «Хорошо». А раз сказал «хорошо», значит, работал на немцев, значит, выдавал подпольщиков. А раз так, значит, предатель и враг народа... Ни одного случая предательства Алексея Васильевича судом доказано не было. Однако суд приговорил Алексея Васильевича как предателя и врага народа к двенадцати годам заключения в лагерях. Но всё же правда восторжествовала. Через несколько лет каторжных работ в сибирских лагерях он был оправдан и полностью реабилитирован. А сколько пришлось пережить ему, его жене Евгении Николаевне и их сыну?

После освобождения Днепрпетровска Евгения Николаевна учебу продолжить не смогла. Ей надо было содержать престарелых родителей мужа, себя и сына. Работала счетоводом, затем бухгалтером в домоуправлении. На пенсию вышла в должности главного бухгалтера Днепрпетровского горжилуправления. Сын окончил институт железнодорожного транспорта. Евгения Николаевна имеет двух внуков. Живет в Днепрпетровске. Муж умер в 1990 году.

Из писем Евгении Николаевны:

18-20 августа 1994 года:

...В конце марта 1930 года мама уехала в Новохоперск навестить папу, находившегося в тюрьме. К нам пришли местные власти, забрали нас, четырех детей, и не помню к кому отвели. Когда приехала мама, нас посадили на подводы и повезли на станцию Новохоперск. В поселке стоял вой как над покойником. Посельчане бросали нам на подводы кто хлеб, кто сало, кто крупу, кто что мог. Потом к нам на станцию привезли из тюрьмы папу.

...30 марта 1930 года нас погрузили в товарные вагоны (набили битком). Для отправления естественных нужд стояло ведро, пользоваться которым было стыдно даже нам, детям. Несколько раз поезд останавливался среди поля, открывали двери и, кто мог, выпрыгивали из вагона и в окружении конвоя исправляли нужду.

...В окрестностях Коноши нас поселили в бараках типа двухскатной крыши, построенных на снегу. Под нарами лежал снег. И в моей памяти ярко запомнилось: с утра до темна мимо нашего барака несли покойников. Кругом тайга... Я до сих пор не люблю ель. Она напоминает мне то время.

...В 1932 году жители поселка Рыбкинский послали в Архангельск ходяков хлопотать, чтобы папу освободили со ссылки и чтобы он возглавил их колхоз. В феврале 1933 года папа приехал в Новохоперск. Дома нашего на хуторе уже не было. Он забрал меня и Колю и привез обратно в ссылку, в поселок Коношозерский. Население нашего лагеря значительно поредело: многие старики и дети умерли, некоторые сбежали. Начальником был военный комендант – энкэвэдэшник. Отлучаться из поселка без его ведома никто не имел права.

Папа был очень добрым человеком и замечательным отцом, честным и трудолюбивым гражданином. Его любили, кажется, все. В 1933 году в интернате ученики голодали, пухлые ходили. Он по очереди приводил каждый день кого-нибудь из них и кормил, разделяя с ними наши скудные харчи. До поздней осени папа купался в пруду. Зимой обтирался снегом, на ссылке до морозов купался в озере. Папу я всегда помню в работе. Он, кажется, никогда не унывал, нуждающимся всегда подавал руку помощи.

22 сентября 1994 года:

...О том, что папа служил в армии за двух братьев и за себя, мне известно. Я знаю, что он был каптенармусом, но в полку или при царском дворе, я не ведаю. Помню, будучи в ссылке уже в старших классах, мои подружки просили его рассказать о службе. О многом он не рассказывал, но мне запомнились его слова: «Император, бывало, и за руку поздоровается, а она, стерва (императрица), и не взглянет». Знаю, что у папы были именные золотые часы за службу. Он их нечаянно уронил в колодец на хуторе. Извлечь их оттуда не смогли, так как колодец был очень глубоким. Помню, если заглянешь в него, то зеркало воды было не больше блюдца. Обо всех остальных наградах я ничего не знаю. Сразу, видимо, по малости лет, а позже старались умалчивать, дабы не навлечь какой новой беды.

... На каждом лесопункте по дороге на Архангельск и Воркуту находились ссыльные. Названия их были большей частью по расстоянию от Москвы или Коноши на Архангельск: 711 километр, 720 километр и так дальше. От Коноши на Воркуту: 6-й километр (наш поселок), потом 7-й километр, 10-й километр, 29-й километр, 31-й километр. И всюду жили и работали на заготовке леса и на строительстве железной дороги на Воркуту ссыльные или заключенные политические.

... В каждом бараке находилось, наверное, более 150-200 человек мужчин, женщин, детей. На нарах семьи располагались впритык, одна к другой. Спали одетыми, ведь под нарами лежал снег.

... Криминогенная обстановка в городе сложная. Свирепствует бандитизм, под прикрытием бизнеса процветает спекуляция. Душат нас со всех сторон, но мы всё еще существуем, не теряя надежды на лучшее будущее.

3 января 1995 года:

... Сын мой часто работает и в выходные дни, чтобы в неполной бедности жить. Очень устает, но хоть семь-восемь миллионов карбованцев в месяц имеет, а на заводах получают по полтора-два миллиона, так как работаю неполную рабочую неделю. Невестка работает преподавателем в техникуме. Получает полтора миллиона карбованцев, чуть больше моей пенсии. Моя пенсия миллион двести карбованцев, на которые можно купить три килограмма вареной любительской колбасы, или два килограмма сливочного масла, или килограмм сырокопченой колбасы. Мы нищие, но зато миллионеры. Володя добавляет к моей пенсии столько же, а иногда и вдвое больше. Я немножко подрабатываю шитьем, в основном, перешиваю старые вещи. С каждым днем всё дорожает, и жить становится труднее и хуже. Пишу это письмо и самой противно, что нету другой темы. Хотелось бы говорить о чем-нибудь веселом, радостном и приятном. А этого ничего нет. Да она и вся жизнь – это сплошная круговерть, в которой только и думали, как бы прожить очередной день и как выжить. Одна у меня отрада – это отличный сын и его жена и их дочери, мои внучки.

Дети Александры Федосеевны и Николая Кузьмича.

Клавдия

Родилась 2 февраля 1905 года. В 1930 году вместе с мужем была сослана на станцию Коноша Архангельской области, где и умерла в 1992 году. Ее муж во время войны был осужден на десять лет тюремного заключения за высказанное недовольство раскулачиванием крестьян и высылкой их на север. Умер в тюрьме. Посмертно реабилитирован.

Антонина

Родилась в 1906 году. В 1938 году была заключена на пять лет как жена врага народа в Долинский концлагерь Карагандинской области Казахстана. Муж был расстрелян как враг народа в 1938 году. В 1956 году он был посмертно реабилитирован. Антонина Николаевна умерла в 1971 году, похоронена в Долинке (Казахстан).

Ольга

Родилась в 1908 году. До раскулачивания отца вышла замуж и в ссылку не попала. Умерла в 1992 году на станции Новохоперск Воронежской области.

Александра

Родилась в 1909 году. Умерла в 1910 году. Похоронена на родном хуторе, в Аверинке Новохоперского района Воронежской области.

Зинаида

Родилась 8 ноября 1910 года. Была замужем за летчиком – слушателем Военно-воздушной академии имени Жуковского, поэтому в ссылку не попала. Умерла в 1983 году. Похоронена в Москве.

Галина

Родилась в 1912 году. Умерла в 1914 году. Похоронена на родном хуторе, называемом ныне поселком Рыбкинский.

Вера и Валентина (близнецы)

Вера и Валентина родились 30 сентября 1913 года. Вера находилась в ссылке с 1930 года по 1944 год. Ныне живет в поселке Централь Новохоперского района Воронежской области в четырех километрах от родного хутора.

Валентина умерла в 1915 году. Похоронена на своем хуторе, в Аверинке.

Анна

Родилась 16 февраля 1915 года. Находилась в ссылке с 1930 года по 1944 год. Живет в городе Меленки Владимирской области.

Николай

Родился 24 ноября 1917 года. В ссылке находился в 1930 году и с 1933 года по 1943 год. Окончил военное училище в Нальчике. Воевал. Был награжден орденами и медалями

СССР. После войны в голодном 1946 году был осужден на двадцать лет заключения в лагерях за якобы незаконную закупку в Крыму двух вагонов пшеницы для своих односельчан. Через шесть лет отсидки в лагерях был оправдан, награды возвращены.

Умер в 1990 году. Похоронен в городе Сочи.

Иван

Родился в 1919 году. Умер в 1920 году, похоронен на родном хуторе в Аверинке.

Евгения

Родилась 31 декабря 1921 года. В ссылке находилась в 1930 году и с 1933 года по 1940 год. Живет в Днепропетровске, на Украине.

Все дети Николая Кузьмича и Александры Федосеевны родились на своем хуторе, в Аверинке. Одни из них умирали и похоронены на родине, другие уходили из жизни и погребены там, куда их занесла жестокая судьба, а третьи – Вера Николаевна, Анна Николаевна и Евгения Николаевна – доживают свой век в труднейших условиях нынешней Российской и Украинской действительности, в условиях переходного периода от социализма к капитализму.

Рассказ о семье Рыбок закончен. Признаюсь, мне было очень тяжело пропустить, прокрутить через свое сердце и душу боль, муки и страдания, выпавшие на долю Рыбок, пережить еще раз вместе с ними, с еще немногими живыми, а чаще вместо них, их горести и печали. Жизнь Рыбок – это их трагедия. Но это трагедия не только Рыбок. Это трагедия всех народов огромного в те времена Советского Союза – закрепощенных, лишенных свободы и униженных тоталитарным Сталинским режимом миллионов и миллионов советских людей.

Трудная дорога в разведку

В ноябре 1940 года я поступил в Таллинское военное пехотное училище.

Утром 22 июня 1941 года училище подняли по боевой тревоге. Получив боеприпасы, противохимические пакеты и трехсуточный сухой паек, построились на плацу. Начальник училища объявил о внезапном нападении фашистской Германии на нашу страну. Мы дали клятву быть мужественными, стойкими и, не щадя своих сил и жизней, драться до последнего вздоха.

Роты получили боевое задание. На нашу седьмую пулеметную роту возлагалась охрана объектов связи и правительственных зданий. Я со своим отделением охранял государственную радиостанцию Эстонии. В дневное время над Таллином появлялись фашистские самолеты, летевшие в сторону Таллинской военно-морской базы. В морском порту стреляли из зенитных пулеметов, и в голубом небе видны были шапки разрывов зенитных снарядов. По ночам из окон верхних этажей зданий и чердаков, находившихся неподалеку от радиостанции, по нам стреляли эстонские националисты. Мы открывали по ним ответный огонь.

В первой половине июля 1941 года наше училище эвакуировалось в Славгород Алтайского края, а в конце августа передислоцировалось в Тюмень. Там в сентябре мы окончили училище, которое уже называлось Вторым Тюменским военным пехотным училищем. Нас, семьсот молодых лейтенантов, приняла 368-я стрелковая дивизия, формирувавшаяся в Тюмени и в последующем оборонявшаяся под Оштой и освобождающая Вологодскую землю, Карелию, Советское Заполярье и Северную Норвегию. Забегая вперед, скажу, что из нас, семисот офицеров, вышедших в сорок первом из стен училища, в День Победы 9 мая 1945 года в живых оставалось тридцать. Остальные отдали свои жизни Родине, защищая Вологодскую землю, изгоняя врагов из Карелии, Советского Заполярья и Норвегии. Они навсегда остались лежать на берегах малоизвестной Вологодской речушки Ошты и Свири, полноводной и красивой северной реки, в лесах и болотах Карелии, в тундре Советского Заполярья и в скалах Северной Норвегии. Они до конца выполнили клятву, данную Родине в первый день войны. И среди них мои друзья-однокашники по училищу: Василий Жерносеков, Борис Арсенов, Федор Дианов, Иван Юрченко, Федор Гулев, Сергей Буянов и многие-многие другие.

С шестого ноября 1941 года наша дивизия грузилась в эшелоны и отправлялась на фронт. Мы думали, что следуем на оборону Москвы, на подступах к которой шли тяжелые бои. Но после Вятки стало ясно, что нас везут на Север. 13 ноября наш 1224-й стрелковый полк прибыл первым на станцию Няндомы Архангельской области. Стоял мороз. Организованно и быстро выгрузили лошадей, орудия, походные кухни, армейские брички, сани-розвальни, боеприпасы и продовольствие. Выгрузкой интендантского имущества руководил незнакомый лейтенант-хозяйственник. Подойдя к нему, я спросил, можно ли взять пару валенок. Он увидел на моей левой руке красную повязку с надписью «Дежурный по эшелону» и, посмотрев искоса на висящий на боку пистолет, сказал: «Бери». Я снял с ног сапоги и, бросив их в сторону, обул новенькие серые валенки. С наступлением темноты наш полк двинулся маршем по Архангельско-Ленинградскому тракту на Каргополь. Куда едем, мы пока еще не знали. На первом же привале мои валенки, сушившиеся у костра, сгорели. Обернув ноги портянками, я уселся в сани. Вскоре подъехал командир полка капитан Чернышев и спросил, что со мною случилось. Я ответил, что сгорели валенки. Он сказал, чтобы я снял ботинки со старшины и вел бы свой

взвод. На санях, сменив меня, сидел разутый мною старшина. На третий день сгорели и ботинки. Теперь в санях сидели разутыми двое – я и старшина роты. Объезжая колонну, к нам снова подъехал командир полка и, рассмеявшись, спросил меня: «Ты что, и ботинки сжег?». «Сжег» – ответил я. Подумав, он сказал: «Я знаю, у начальника штаба вашего батальона имеется вторая пара сапог, он мужик прижимистый и предусмотрительный, я эти сапоги у него реквизирую и через час-два тебе привезу». И привез. Так, в чужих сапогах, я пришел на фронт. Тогда я и не мог предполагать, что эти сапоги станут предвестником бед и событий, потрясавших меня и ставивших не раз на грань смерти.

На десятые сутки, 23 ноября 1941 года, мы, совершив марш по маршруту Няндома – Каргополь – Кречетово – Анненский мост – Белый Ручей протяженностью 350 километров, достигли конечного пункта перехода – приграничного города Вытегра. Марш был трудным. Ранняя зима уже вовсю хозяйничала – дули свирепые северные ветры, шли обильные снегопады, морозило. На дорогах образовывались большие снежные завалы и заносы, преграждавшие путь людям, артиллерии и транспорту. Дорогу расчищали вручную, используя обломки досок, железные лопаты и другие подручные материалы. Застревавшие в снегу машины, пушки и походные кухни вытаскивали своими силами. В сутки проходили 35-40 километров. Не хватало продовольствия, времени для отдыха и сна. Всю дорогу хотелось есть и спать. Я несколько раз, засыпая на ходу, оказывался в кювете. Да и не только я. Часть грузов несли на себе. Несмотря на огромные трудности, мы шли вперед и вперед к Вытегре, без хныканий и уныний, без жалоб на трудности и голодуху.

25 ноября 1941 года я получил приказ выйти со своим взводом к маяку Петропавловский и встать заставой на охрану побережья Онежского озера на участке шести километров, имея задачей не допустить высадки десантов противника, а также его разведывательных и диверсионных групп. Финны находились от нас на противоположном северном берегу озера в 25-30 километрах. Мы вырыли окопы, проложили контрольную лыжню, построили на каждое отделение землянку, а на башне маяка оборудовали наблюдательный пункт и установили станковый пулемет. Я с ординарцем поселился в доме начальника маяка, семья которого эвакуировалась в тыл. В пятистах метрах западнее маяка находилась деревушка. Я познакомился с ее добрыми и гостеприимными жителями, побывав в каждом доме. Жители обещали мне сообщить о каждом появившемся в деревушке подозрительном или незнакомом человеке. Онежское озеро еще не замерзло. Северные штормовые ветры катили к берегу полутораметровой высоты валы, которые с ревом разбивались о камни-валуны, превращаясь в пену и брызги, густым дождем падавшие на землю. Я молил Бога, чтобы как можно дольше катились бы эти ледяные валы, и не замерзло бы озеро. Это затрудняло бы высадку на наш берег диверсионных и разведывательных групп противника и его десантов. Так было бы безопаснее и спокойнее, считал я. К тому же взвод был плохо вооружен: один ручной пулемет, а положено было три, одна винтовка на двоих, а положена каждому, автоматов не было. Правда, патронов и ручных гранат имелось достаточно.

Вскоре начал ощущаться недостаток продовольствия. Базы снабжения находились в 350 километрах от Вытегры, мало имелось автотранспорта, не хватало горючего, отсутствовала техника для очистки дорог от снежных завалов. Всё это затрудняло своевременную доставку продовольствия, фуража и интендантского имущества. Наступил голод. Два раза в день варили из сухарей «сухарницу» и кормили этой бурдой, на день давали три-четыре сухаря да две-три ложки зерен чечевицы или гороха. Люди были

истощены, у некоторых опухали ноги, многие заболели трудноизлечимым сахарным поносом. Как долго это продолжалось, я не помню.

В Вытегре, Палтоге и в других населенных пунктах, в служебных помещениях местных организаций и в жилых домах развертывались лазареты для истощенных и больных. Бывший врач санитарной роты 1224-го стрелкового полка подполковник в отставке Михаил Дмитриевич Соколов, живущий в Петрозаводске, вспоминает:

«Время было трудное, голодное. Люди были истощены, от длительного употребления в пищу сухарей заболели сахарным поносом, который трудно остановить. Госпиталь в Вытегре и лазареты были переполнены. На конференции медицинских работников начальник медицинской службы дивизии докладывал, что от голода умерло 90 человек. Самое тяжелое положение сложилось в 1228-м стрелковом полку, где имела большая заболеваемость от голода и смертность. Старший врач полка капитан медицинской службы Воронов всё это болезненно переносил и застрелился. Нашу санитарную роту спасло то, что в роте имелись сибиряки-охотники, стрелявшие лосей в Вытегорских лесах».

Я думал над тем, как помочь своему взводу и роте, как спасти людей от истощения и болезней. Эта мысль не покидала меня ни днем, ни ночью. И я решил использовать часть гранат из неприкосновенного запаса на глушение рыбы в озерах, пока их не схватило льдом. Глушил сам, не доверяя это делать другим во избежание чрезвычайных происшествий. Собирали всё, до мелюзги. Из мелочи варили уху, а крупную жарили и солили. Среди солдат-сибиряков нашлись и бывалые охотники. Ставили петли из тонкой мягкой проволоки, которую нам дал начальник маяка. Иногда зайцы попадались. Были случаи, когда эти охотники и подстреливали беляков из карабинов. Это помогло мне организовать дополнительное питание для личного состава. Часть добытого я отдавал для роты. Случаев истощения и заболевания людей на этой почве у меня на заставе и в роте не имелось. К концу января морозы окончательно сковали озеро льдом. Снабжение продовольствием улучшилось, но до нормального было еще далеким.

Жизнь на заставе шла своим чередом, не предвещая ничего неожиданного. Но в первых числах февраля 1942 года на заставу приехал особист – уполномоченный военной контрразведки, получившей в дальнейшем название «смерш», что означало «смерть шпионам». Он имел звание старшего лейтенанта, его сопровождали два солдата. Приезжал он и раньше, но со мною не разговаривал. Он делал свое дело: встречался с сексотами, собирал от них доносы и вербовал новых стукачей. Всё это мне хорошо было известно. На этот же раз он сказал, что мне надобно пару деньков отдохнуть и поразмыслить в спокойной обстановке, в одиночестве. Я одну землянку освободил, расселив отделение в две другие, а сам засел в нее. К землянке особист поставил своего часового. Мне стало ясно, что я арестован. Находясь в одиночестве, я проанализировал свою жизнь – действия и поступки, содержание писем родным и разговоров с людьми, пытаюсь разгадать причину своего ареста. Версий было много. Ночью пришел к выводу: это гранаты, израсходованные на глушение рыбы. И я понял, что донос сделал стукач, которых на заставе имелось несколько человек. Вечером этого же дня ко мне пришел мой помощник Галигузов и принес мне ужин – жареного соленого леща, чай и сухарь и вместе с часовым вышел из землянки. Я в рыбе обнаружил записку своего помощника, в которой он сообщал: «Особист» допрашивает ребят, кто глушил рыбу, кто собирал ее, все ли ее

едят, готовят ли рыбу отдельно для меня, и у кого она хранится». Моя версия подтвердилась. Прошедшая ночь прошла в выработке плана и тактики своей защиты. Основным оправданием служило то, что я рыбу глушил не для себя, а для всей роты, что я этим спал людей от истощения, болезней и сохранил роту полным боеспособным подразделением. Люди – это главное, думал я, а гранаты, если потребуется, дадут. Рыбу глушил сам, ел ее со всеми вместе, отдельно для меня ее не жарили. В этом всё в порядке. Но факт использования гранат не по назначению налицо и от него никуда не уйти. Второй день прошел в размышлениях, какой срок я получу, и какой срок мне прилепят. Я считал, что ярлык «враг народа» мне не пришьют, ибо гранаты я использовал для спасения от голодной смерти маленькой группы своего народа. А вот обвинение в подрыве боеспособности и боеготовности роты предъявить могут. Во время допроса особист несколько раз подсовывал мне протокол допроса, требуя, чтобы я его подписал. Отодвигая в очередной раз протокол ему под нос, я спросил, почему этим делом занимается контрразведка, а не военная прокуратура. Особист ответил: «Поймите, что Вы своими действиями подорвали обороноспособность своей роты, батальона, полка. А такими делами занимается контрразведка». Я понял, что мне могут предъявить обвинение в подрыве обороноспособности не только роты, но и всей Красной Армии. Утром особист попросил своего телохранителя принести две кружки и котелок чая, а сам выложил на стол буханку белого хлеба, банку рыбных консервов «рыбный частик в масле», граммов двести сливочного масла, кусок свиного сала толщиной в мою лапу, кольцо копченой колбасы и сахар-рафинад.

Я смотрел на это чудо и сам себе не верил, что всё, что лежит передо мною, действительно лежит. Мне казалось, что это сон или плод воображения. У меня начала кружиться голова, зарябило в глазах, потекли по щекам слезы. И я от всего отключился, как бы впал в небытие. И вдруг услышал как во сне слова: «Прекрати, немедленно прекрати, возьми себя в руки!» В комнату вошел телохранитель и поставил на стол две эмалированные кружки и котелок чая. Особист налил в кружки чая и сказал: «Бери, пей чай и кушай». Я вскочил со стула и закричал: «Ты купаешься в масле, а мы, голодные, грызем сухари, а ты приехал искать врага народа... Жри сам!» И я всё добро смахнул на пол. Особист всё собрал себе в вещевой мешок и, выйдя на кухню, сказал телохранителю: «Поехали!» Я как-то машинально, неосознанно спросил его: «А я?» Он ответил: «Оставайся!» Выйдя на улицу, я намекнул особисту на то, что ведь можно и удрать, что до финнов всего 25-30 километров, а я на лыжах бегаю здорово. Сядь на лошадь, особист ответил: «Ты не тот, ты не из тех, ты на это не пойдешь». Он уехал.

Я сразу же позвонил командиру роты лейтенанту Катанцеву Василию Михайловичу, обо всем ему рассказал и просил, если особист придет к нему, подтвердить, что рыбой питалась вся рота, что он думал, что рыбу я достаю у местных жителей, что о глушении рыбы гранатами он не знал. Но особист к нему не приезжал.

Я думал, что особист дело передаст в прокуратуру, и меня будут судить. И за израсходованные на глушение рыбы гранаты я получу десять лет тюрьмы или лагерей, с заменой штрафной ротой или без замены ею. Лучше штрафная рота, чем тюрьма или лагерь, считал я. К этому я психологически себя уже подготовил, решив: что будет, то и будет.

Поздно вечером в тот же день ко мне из деревушки пришел старичок и сообщил, что в первом доме по дороге от маяка прячется дезертир с винтовкой, сын хозяина дома, сбежавший с фронта. Я поблагодарил старичка, дав обещание, что о его визите никто не будет знать. Старичок ушел. Оценивая обстановку, я понял, что это тот случай, который

может спасти меня. А поэтому я должен обезоружить дезертира и взять его живьем. Время было позднее, темно, а в темноте действовать опасно. Вблизи дома дезертира я на ночь устроил засаду, чтобы в случае побега его задержать. Дома дезертира, расположение комнат и живших в нем отца, мать-старушку и красавицу-жену с трехлетним сыном дезертира я хорошо знал. В этот дом я захаживал несколько раз. Дезертир мог прятаться в погребе под кухней, на русской печи, закрытой ситцевой цветной занавеской и под печью, куда через сводчатый лаз мог свободно пролезть взрослый. Для захвата дезертира я привлек своего помощника Галигузова и одного сержанта, которые бывали в этом доме вместе со мною. В этот дом меня влекла необычайная красота молодухи – стройной, среднего роста, с черными глазами и в меру округлым лицом, с черными длинными косами, опускающимися на плечи, с легким румянцем на щеках и сладкой улыбкой на розовых губах, с легкой порхающей походкой и пышными под белой кофточкой грудями, к которым так и хотелось прижаться. Посматривая на молодуху, я вздыхал, понимая, что это неосуществимо. А старики – свекор и свекровь, угощая блинами и молоком, с волнением, как мне казалось, и с подозрением поглядывали на меня. А я думал: вот мне бы такую...

Но продолжу рассказ о захвате дезертира. Я разработал и практически отработал в доме начальника маяка три варианта взятия дезертира: на русской печке, в погребе и под русской печью. День начинался легким морозцем, небо чистое, ярко светило солнце, поднимаясь всё выше и выше. Мы, как обычно прошли мимо дома дезертира, прошли до конца деревушки и на обратном пути зашли в дом. Хозяйева, засуетившись, пригласили нас к столу на блины. Мы сели каждый на ранее обусловленное место. Прямо передо мною находилась входная дверь на кухню и люк погреба с крышкой на ней, левее русская печь, на этот раз не закрытая шторой, и черный проем сводчатого лаза под печь. Мне сразу же стало ясно, что на печке дезертира нет. Но тогда где же, – мысленно раздумывал я, медленно переводя взгляд то на крышку люка погреба, то на лаз под печь. И вдруг в проеме лаза я увидел что-то блеснувшее от попавшего туда луча, пробившегося через двойное стекло оконных рам. Я понял: дезертир там, под печкой. Но что сверкнуло, ствол винтовки или что-то другое? Но что тогда? Я, медленно поворачивая голову к своему помощнику с каким-то вопросом, вновь глянул на черную дыру лаза под печь. И отчетливо увидел ствол винтовки, направленный на меня.

Поднявшись со стула и поблагодарив хозяев за блины, я поставил стул влево, что означало, что дезертир под печкой. Мы направились к выходу. Поравнявшись с печкой, старший сержант быстро встал у лаза слева, сержант блокировал хозяина дома, а я, стремительно нагнувшись влево, схватил ствол левой рукой и, выдернув винтовку из-под печи, командовал: «Вылезай, а то буду стрелять!» Из-под печки вылез обросший, давно не бритый, в грязной, измятой шинели и в ботинках с обмотками на ногах красноармеец. Сержант из-под печки вытащил три гранаты Ф-1 и девяносто винтовочных патронов в обоймах. На вопрос, кто он и откуда сбежал, дезертир назвал свою фамилию, которую я уже знал, и сказал, что он из 272-й стрелковой дивизии. Эта дивизия вела оборонительные бои под Оштой. На вопрос, почему сбежал с фронта, он ответил, что там страшно, что он не хочет умирать, и пришел к жене. Его отец молчал, мать и жена рыдали, трехлетний сын, прижавшись к матери, дрожал, не понимая, что происходит, а я в эти страшные минуты думал: как могла такая красавица отдать себя этому трусу, опозорившему ее. Мне было жалко несчастную красавицу-молодуху, тяжело и грустно на душе оттого, что я никогда больше ее не увижу.

Мы дезертира увезли. На заставе солдаты смотрели на дезертира, как на диковинного и не виданного доселе ими зверя. Они предлагали расстрелять его, как этого требовал июльский приказ 00227 Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Я этого сделать не мог. Дезертир под конвоем Галигузова и сержанта был отправлен особисту полка. В предпробировке я писал: «Направляю тебе подарок – дезертира из 272-й стрелковой дивизии, задержанного и обезоруженного мною с помощью ребят, конвоирующих его. Жду расписку о получении подарка». Расписки он не дал. На следующий день дезертира расстреляли.

Ротный лейтенант Катанцев и комбат старший лейтенант Мустафин были недовольны тем, что, минуя их и не докладывая им, дезертир мною был отправлен контрразведчику полка. Я честно им признался, что я не хотел, чтобы к задержанию дезертира кто-то примазался, что мне надо реабилитировать себя за израсходованные на глушение рыбы гранаты. Через несколько дней мне на заставу позвонил по телефону начальник штаба полка и зачитал приказ, в котором говорилось:

«Первое. За израсходованные на глушение рыбы гранаты в количестве 200 штук командиру взвода 7-ой стрелковой роты Коваленко Николая Андреевичу объявить пять суток домашнего ареста. Второе. Стоимость израсходованных гранат в сумме 232 рублей удержать из денежного содержания лейтенанта Коваленко Н.А. Третье. С приказом ознакомить весь офицерский состав полка».

Приказ подписали командир полка капитан Чернышев и начальник штаба, фамилии которого не помню.

В конце февраля ко мне на заставу снова пожаловал особист. Я не испугался, увидев его, но на душе стало тревожно. Входя в дом, он спросил меня, где моя лошадь. Я ответил, что она две недели тому назад сдохла от сапа и зарыта в лесу. Он сказал, что ее там нет, что лошадь съели мои солдаты. По моей спине прошел холодок, и в виски ударил прилив крови. Я понял, что это плохо кончится и для тех, кто раскопал лошадиный могильник, и для меня. Сев за стол, особист подал лист бумаги и сказал: «Пиши объяснение». На листе бумаги я написал: «Такого-то февраля сдохла от сапа (по заключению ветеринарной службы полка) имевшаяся на заставе лошадь, труп которой зарыт в землю в пятистах метрах от маяка. О том, что мои красноармейцы вскрыли лошадиный могильник и употребляли в пищу саповое мясо сдохшей лошади, я узнал только сегодня от начальника особого отдела полка». Поставил свою подпись и объяснительную записку подал особисту. В это время в комнату вошел мой помощник и доложил, что на заставу приехал начальник штаба дивизии майор Полосов. Я встретил его у входа и отдал рапорт: «Товарищ майор! На заставе случилось чрезвычайное происшествие – красноармейцы съели сдохшую от сапа лошадь, особист полка ведет расследование». Поздоровавшись со мною, он проговорил: «Ну, съели, так съели» и спросил, нет ли заболевших. Я ответил, что все здоровы. И он повторил: «Ну, съели, так съели». Мы вошли в комнату. Особист, поднявшись со стула, представился майору, который выслушал его и, не пожав руки, сказал: «Садитесь, а я займусь по срочному делу с лейтенантом...»

Начальник штаба дивизии, развернув на столе топографическую карту моего участка охраняемого побережья, спросил, имеется ли у меня такая карта. Я ответил, что имеется, и подал ему. Он мою карту положил рядом со своей. Ткнув карандашом в населенный пункт, название которого не помню, на противоположном берегу озера,

сказал: «Пойдешь сюда, надо установить наличие у финнов в этом районе проволочных заграждений, артиллерии и места расположения ее огневых позиций, а также состояние льда: высоту торосов и толщину снежного покрова. При встрече с финнами на льду озера в бой не вступай, немедленно отходи. С собою возьми пять-шесть человек самых крепких, хорошо владеющих оружием и лыжами ребят, отъевшихся на конском мясе».

Особиста от слов «отъевшихся на конском мясе» передернуло, его щеки покраснели, зрачки глаз выперлись как у морского окуня, на лбу появились крапинки пота, и он заерзал на стуле, как будто его ужалили в заднее место. Я не узнавал чекиста. Я не мог понять, что с ним случилось, почему он так взволнован. И я подумал, что он расстроен тем, что со мною могут уйти нужные ему здесь, сегодня, стукач или солдаты, вскрывшие могильник сдохшей лошади. А может, потому, продолжал я размышлять, что он уже не сможет внедрить в мою группу сексота, ибо для этого у него не было уже ни времени, ни условий.

Майор спросил у меня, имеются ли к нему вопросы. Мне нужен компас и что-нибудь съестное, ответил я. Он отдал мне свой компас и сказал, чтобы я забрал у его ординарца две буханки хлеба и свиное сало, и чтобы через час доложил ему о готовности и выходил в разведку.

Я объявил тревогу. Построив личный состав в две шеренги, я сказал: «Желающим пойти со мною в разведку к финскому берегу, выйти на два шага вперед!» Весь взвод, кроме рядового Глушкова, вышел вперед. Я дал команду «смирно» и сказал: «Всем, кто жрал дохлую лошадь, выйти на два шага из строя». Опять весь взвод шагнул на два шага вперед. Я остолбенел. Придя в себя, я повернул взвод к Глушкову и спросил, что с ним. Забросив левую руку назад, он ткнул в центр зада указательный палец. Все громко засмеялись. Я спросил у Глушкова, не геморрой ли у него. Он ответил: «Понос». Это для меня был удар, от которого помутнело в глазах. Я крикнул: «Вот она, эпидемия сапа». И сам не понимая для чего и почему, добавил: «Началось!»

Глушков от направления в лазарет отказывался, говорил, что он конское мясо не ел, что у него понос уже проходит, и что он не хочет покидать товарищей.

Я отобрал самых крепких, смекалистых и хорошо бегавших на лыжах ребят, довел до них полученное боевое задание и доложил начальнику штаба дивизии о готовности к выполнению боевого приказа. И тут же сказал, что на заставе имеется больной-поносник. Начальник штаба молчал, а особист спросил фамилию больного. Я ответил: «Глушков» и тут добавил, что он отказывается от направления в лазарет. Особист продолжил: «Понос – это не еще не признак заболевания сапом. При сапе появляются пузырьки и язвы на органах дыхания и на коже. А понос – это сахарный понос. Пройдет. Пусть Глушкова осмотрит санинструктор и, если язв у него нет, не отправляйте его в лазарет. Он патриот, даже от лазарета отказывается тогда, когда другие туда рвутся». Я-то знал, что санинструктор является осведомителем. Я подумал, что Глушков – стукач, и нужен будет особисту здесь, когда я уйду в разведку.

Начальник штаба дивизии сказал мне: «Пошли». Подойдя к солдатам, стоявшим в строю, он поздоровался с ними и пожелал удачи. Пожав мне руку, направился к лошади. Особист стоял хмурым на крыльце дома.

Мы стали на лыжи и по льду озера пошли к его противоположному берегу, занятому финнами. Светило солнце, легкий мороз пощипывал щеки, скрипел под лыжами снег, в спину дул ветер, подгоняя нас. На полпути перекусили и снова в путь. Показались очертания вражеского берега. В бинокль смутно, как в тумане, виднелась деревня. Мы пошли вперед. Только начали двигаться, как услышали шум мотора самолета. Залегли и

стали наблюдать за небом. Из-за прибрежного леса появился самолет – истребитель Кертис-36. Он шел с запада на восток вдоль кромки берега на очень низкой высоте и вскоре скрылся вдаль за лесом. Меня охватило тревожное чувство, стало страшновато. Ведь впереди, в трех-четыре километрах, финны, а сзади – мертвое ледяное пространство, отделяющее нас от своих 20-километровой полосой льда. Мы поднялись и двинулись вперед. Через некоторое время я уже рассматривал в бинокль деревушку – объект нашей разведки. Проволочных заграждений перед деревушкой, западнее и восточнее нее, насколько доставал бинокль, не имелось. Продолжая наблюдение, я в лесу у восточной окраины увидел дымок, выходящий вверх меж деревьев. Что там может быть, подумал я. И решил продвинуться метров на пятьсот вперед. Только начали двигаться, как вдруг услышали шипение пролетевшего над нами снаряда, а за ним и гром оружейного выстрела. Мы залегли. Снаряд разорвался метрах в трехстах сзади нас. Мы поднялись и начали отходить. Снаряды рвались то впереди, то справа. По нам била батарея. Мы, залегая, быстро передвигались то вправо, то влево, то вперед, отходили к своему берегу. Наконец мы вышли из зоны досягаемости финской батареи и спокойно пошли к маяку. Я боялся лишь одного – преследования нас финнами, но этого не случилось.

Я сделал вывод, что там, в лесу, у восточной окраины деревушки, где виднелся дымок, находится на огневых позициях батарея 122 миллиметровых орудий береговой обороны финнов.

Близился вечер, а с ним и наступление темноты. Мы ускорили движение. Через некоторое время я увидел вдалеке впереди огонек. Это горел фонарь на нашем маяке. Настроение у нас поднялось. Поздно вечером подошли к своему берегу. У костра молчаливо нас встретили хмурые сержанты и солдаты. Мой помощник доложил, что особист арестовал и увел с собою со связанными руками двух солдат, которые раскопали яму, варили мясо сдохшей от сапа лошаденки и этим мясом кормили весь взвод. Мне жаль было этих ребят. Охваченный тревогой, я ушел к себе. Позвонил по телефону начальнику штаба дивизии и доложил о выполнении боевого задания. Он поблагодарил меня и попросил передать благодарность всем, ходившим в разведку.

Всю ночь меня тревожил вопрос, что же будет с арестованными солдатами и со мною. И опять решил: что будет, то и будет.

Рано утром я получил новый удар: дежурный по заставе доложил об исчезновении запоносившего Глушкова. Я поднял по тревоге личный состав заставы и организовал поиск. Свежий след лыж вел к противоположному берегу. Глушков ушел к финнам.

О случившемся я доложил ротному. Он посоветовал мне держаться, не падать духом и смотреть на жизнь реально и добавил, что каждому в душу не залезешь, и кто чем живет, не узнаешь. А я задавал себе вопрос, откуда и за что на меня такая напасть.

В 16 часов следующего дня ротный приказал мне с людьми, свободными от службы, к 18 часам прибыть на командный пункт роты в деревню Ежи. Я спросил, что случилось. Ротный ответил, что он ничего не знает и что это приказ свыше. К указанному ротным времени я прибыл в деревню Ежи с несколькими сержантами и солдатами, не находившимися в наряде.

В 18 часов ротный привел нас в лес недалеко от деревни и поставил фронтом к вырытой метрах в десяти от нас яме. На краю ямы стояли со связанными руками два моих красноармейца, вскрывшие лошадиный могильник и евшие мясо подошедшей от сапа лошади.

Особист вынул из полевой сумки бумажку и зачитал, примерно, следующее: «Рядовые (назвал их фамилии) вскрыли могильник павшей от сапа лошади, употребляя в

пищу зараженное мясо, и кормили этим мясом других. Они совершили тяжкое преступление, которое могло привести к возникновению эпидемии сапа и массовой гибели личного состава и лошадей дивизии. Рядовые (назвал фамилии) подлежат высшей мере наказания – расстрелу».

Особист повернул солдат лицом к яме, подошел к ним сзади, произвел выстрел в голову одному и столкнул его в яму. То же самое сделал и с другим. Специально назначенные солдаты зарывали могилу, особист протирал свой пистолет куском бинта, видимо, довольный успешно проведенной «операцией» по уничтожению двух «врагов народа».

Ротный повел роту на командный пункт, а я остался, остолбенев, на месте. Придя в себя, подошел к особисту и сказал ему, что рядовой Глушков, которого он называл патриотом, сбежал к финнам. Особист молчал, продолжая рассматривать пистолет. Я, шатаясь из стороны в сторону, побежал догонять роту, со страху оглядываясь назад и боясь, что особист пухнет в меня из пистолета.

Вернувшись на заставу, я ждал приезда особиста. Он не приехал. После анализа событий, происходивших накануне побега Глушкова, я пришел к выводу, что он контрразведкой направлен к финнам с каким-то заданием. Но с каким, я тогда предположить не мог. И только через два с половиной года, в сентябре 1944 года после освобождения Карелии от финских захватчиков, стало известно, что Глушков под видом дезертира был направлен в Финляндию нашей контрразведкой. Он имел задачу вести наблюдение за советскими военнопленными, находившимися в финских лагерях и выявлять среди них предателей-дезертиров и антисоветчиков, недовольных советской властью.

В марте 1942 года меня назначили заместителем командира 7-й стрелковой роты. Я обрадовался новому назначению, считая, что все беды и переживания остались позади и что такое более не повторится. Тогда я не мог и подумать, что с новым назначением меня ожидают и новые, еще более жестокие беды и потрясения.

2 апреля 1942 года, сменив 272-ю стрелковую дивизию, наша дивизия стала лицом к лицу с врагом. Наш 1224-й стрелковый полк занял оборону в районе Ошты. Моя рота находилась в резерве командира полка и располагалась в деревне Миронова.

Утром 4 апреля меня вызвал начальник штаба полка, капитан, фамилии которого не помню. Он позвал меня к карте, лежавшей на столе, и, водя карандашом по ней, сказал: «Между нашей и 272-й дивизией имеется не занятый войсками пятнадцатикилометровый стык, по которому финны могут выйти нам в тыл или нанести удар в левый фланг. Возьми взвод со станковым пулеметом и займи вот эту высоту, остановив на ней свой карандаш. Начальник связи дает тебе телефониста, телефон и кабель. Прихвати побольше патронов и гранат. Получи на семь суток паек и вперед! В 16 часов доложишь по телефону о выполнении приказа. Всё, иди!» Я попросил уточнить поставленную мне боевую задачу. Начальник штаба полка взял лист бумаги, начертил на нем маршрут движения и, показывая пальцем, говорил: «Выйдешь вот сюда, отсюда повернешь строго на юг и пойдешь вот по этой просеке, дойдешь вот до этой просеки, потом вот по этой просеке пойдешь на запад и по ней выйдешь на эту высоту и на ней окопаешься. Это в семи километрах от нашего левого фланга».

«Ни хрена себе, высота в семи километрах от наших, погибнем мы там», – подумал я. Тут поднялся начальник связи полка старший лейтенант Аркаев и, обращаясь к начальнику штаба полка, сказал, что у него в резерве имеется всего шесть катушек кабеля по пятьсот метров каждая, а требуется четырнадцать.

Начальник штаба полка, обращаясь ко мне, сказал: «Будет кончаться кабель, садись на любую высоту». И я пошел. Небо затянули тучи, валил крупными хлопьями снег, в лесу потемнело. Пробродив по лесу до вечера, не найдя просек и не выполнив приказа, я со взводом возвратился на командный пункт полка. Доложил начальнику штаба, что я высоту не нашел и вернулся в роту. Он ответил, что мною будет заниматься начальник особого отдела, и что за невыполнение боевого приказа я буду отвечать по законам военного времени. А особист уже тут как тут, как будто бы знал, что я не выполню приказа, и ждал меня. Он подал мне бланк протокола допроса и, как бы между прочим, как бы сам себе, проговорил: «Ну, наконец, попался». Я спросил: «Кто, начальник штаба, что ли?» «Ты», – ответил он. И добавил: «Садись, пиши». Я коротко изложил суть произошедшего. Особист прочитал и спросил меня: «Ты что, в невыполнении приказа обвиняешь начальника штаба полка?» «Да», – ответил я.

В это время в землянку вошел начальник штаба дивизии, приехавший в полк.

Он спросил у начальника штаба полка, занята ли высота в стыке между дивизиями. Тот ответил, что высота не занята и, указывая рукою на меня, сказал: «Он не выполнил боевой приказ, с ним разбирается начальник особого отдела полка». Начальник штаба дивизии спросил у меня, что случилось. Я обстоятельно рассказал. Он, обращаясь к начальнику штаба полка и особисту, сказал: «Прекратите эту мышиную возню».

Особист ушел. Начальник штаба дивизии продолжал: «Выполнение любого приказа надо обеспечить материально. Выдайте лейтенанту карту, компас, и пусть он завтра утром идет на высоту. Я его знаю, он не трус». И спросил, где же компас, который он мне дал месяц назад. Я ответил, что компас отдал командиру взвода пешей разведки лейтенанту Арсенову.

На следующий день утром я снова ушел седлать высоту. Небо было чистым, светило по-весеннему солнце, стояла тишина. Размотав шесть катушек кабеля, я со взводом оседлал понравившуюся мне безымянную высоту и начал окапываться в снегу.

Неожиданно в утреннюю тишину ворвалась финская речь, шум поперечных пил, стук топоров и треск падающих деревьев. В трехстах метрах от нас финны строили завал. Я установил на высоте станковый и три ручных пулемета, организовал наблюдение и из первого же вырытого окопа, накрывшись шинелью взводного, доложил начальнику штаба полка о выполнении приказа и о строительстве финнами завала. В середине дня финны с веселым шумом ушли на обед. После обеда финны на устройство завала не выходили. И так длилось до десятого апреля. Финны строили завал, а мы сидели в снежных окопах, от которых уже почти ничего не оставалось. Таял снег. Еще два-три дня, и мы бы оказались перед финнами на голой высоте, как на блюдечке.

Десятого апреля днем на нас наткнулась группа финнов. Мы открыли по ней огонь из пулеметов и винтовок. Финны, отстреливаясь, с криками отошли. Вскоре они начали бить по высоте из минометов. Я отошел на выгодную для обороны высоту метров на триста ближе к своей обороне. Финны продолжали обстреливать из минометов оставленную нами высоту. Мы молчали. Позвонил начальник штаба полка и спросил, почему такая сильная стрельба. Я доложил обстановку. Начальник штаба сказал, что я принял правильное решение, отойдя на другую высоту. Всю ночь финны в сторону оставленной нами высоты пускали осветительные ракеты, изредка постреливая из пулеметов. В семь часов 11 апреля они нанесли по высоте мощный двадцатиминутный удар и, перенеся огонь в глубину, атаковали пустую высоту. Позвонил начальник штаба полка и спросил, почему в районе моей высоты такая сильная стрельба. Я объяснил. Он сказал: «Немедленно сматывайся и дуй сюда, на командный пункт полка».

Мы уходили с высоты, ведя в сторону финнов огонь на ходу, создавая видимость, что нас тут много. Подходя к своим, услышали сильную артиллерийско-минометную и пулеметную стрельбу. Встретившийся со своим взводом разведки лейтенант Арсенов сообщил, что наша дивизия перешла в наступление. В деревне Миронова мы присоединились к своей роте, продолжавшей находиться в резерве командира полка.

В ночь на 12 апреля рота занималась эвакуацией раненых и убитых, не дошедших даже до первой финской траншеи. Их было много. 12 апреля я с одним взводом своей роты находился на рытье могил в деревне Перхинская. Могила – это траншея длиной пятьдесят метров, два метра шириной и такая же глубиной. Таких могил было вырыто несколько рядов. Погибших вывозили на десятках повозок. Похоронная команда снимала с убиенных обувь и верхнюю одежду, оставляя их в нательном белье, складывая их в траншею, как штабеля дров, и заваливала землю. Мои солдаты с горькой усмешкой говорили: «Мы сегодня рыли могилы своим товарищам, а завтра другие будут рыть для нас».

13 апреля возвратился в роту и вместе с нею вступил в бой за высоту 113.8, оборонявшуюся финнами. По южным и юго-восточным скатам высоты имелся завал шириной до пятидесяти метров, высотой до метра из поваленных вековых елей. За ним шло проволочное ограждение в четыре кола, а далее в 40-50 метрах от него первая траншея финнов с дзотами и пулеметными площадками. Рота, застряв в этом завале, кричала «Ура!», а финны ураганным огнем сотнями снарядов и мин били по нам, одновременно ведя из пулеметов и автоматов шквальный огонь по завалу. А мы, имея длинные со штыками винтовки, не могли пролезть между поваленными деревьями, а также под завалом и по нему. Вокруг рвались снаряды и мины, валившие деревья и рвавшие их на куски, пчелиным роем жужжали пролетающие над нами осколки, свистели пули и слышались крики «Помогите!» Наша артиллерия и минометы огрызались редкими одиночными выстрелами: не было ни снарядов, ни мин. В этот день два командира взвода погибли, а третий, младший лейтенант Костин, оказался трусом – он прострелил себе ногу. Впоследствии его осудили на десять лет тюрьмы и отправили в штрафную роту, где он и погиб.

Вечером в роту прибыли три молодых, с румянцем на щеках, в шапках из рыжего меха лейтенанта-выпускника Свердловского военного пехотного училища. 14 апреля повторилось то же самое, что было 13-го. Мы лежали в завале, кричали «Ура!», а финны продолжали нас уничтожать. Наши артиллеристы и минометчики вели редкий огонь, как бы показывая финнам, что еще живы. Три молодых лейтенанта в этот день погибли, а командир роты и политрук были ранены и эвакуированы в тыл.

Вечером я вывел роту из завала. Из 132 человек осталось 48. За три дня боев потери убитыми и ранеными составили 84 человека. Думал, что всё кончено, больше наступать не будем. Утром получил приказ вновь атаковать эту высоту. С криками «Ура!» рота залезла в завал и там застряла. Я кричал: «Рота, за мною, вперед! Ура!», а финны массированным огнем артиллерии и минометов добивали нас.

Я не мог подняться, я ничего и никого не видел. Всё вокруг гремело, шипело, дрожала земля, завал был затянут дымом, пороховая гарь жгла глаза. Тяжело раненый заместитель командира батальона капитан Ситников отдал мне свой автомат ППШ и тут же скончался. Бросая в сторону винтовку, я метрах в пяти увидел пулеметчика, прижавшегося правой щекой к прикладу пулемета. Обрадовавшись, что я тут не одинок, пополз к нему. Переползая через бревно, получил ранение левого предплечья. Оставляя кровавый след на закопченном пороховой гарью снегу, я всё же дополз до пулеметчика.

Из его виска струилась кровь. Пулеметчик был мертв. Оторвав кусок материи от маскхалата, я перевязал себе рану, забрал пулемет и под свист пуль пополз обратно, в тыл, к своим. Сколько оставалось живых в роте, я не знал.

На полевом пункте первой медицинской помощи мне обработали рану, сделали перевязку и отправили в медсанбат, а оттуда в армейский госпиталь в Вытегру. Там я встретился со своим ротным командиром лейтенантом Катанцевым Василием Михайловичем и раненым политруком Полковским. Мой политрук был ранен в ногу. Хоть и мучила боль, он не показывал вида. Второе ранение тоже не поколебало его духа. В горячке боя он словно не замечал боли. И только после очередного ранения массой минных осколков покинул поле боя. Политрук Полковский являл собой пример отваги.

О пребывании в Вытегорском армейском госпитале у меня сохранились и приятные, и страшные воспоминания. Уход за нами, кормежка, отношение врачей, сестер и санитарок к нам, раненым, было отличным. Но настрой у раненых был разный, он зависел от степени ранения. Мы – легко и среднераненые – находились в хорошем настроении и стремились быстрее поправиться и вернуться только в свои подразделения и части. А каково было безруким, безногим, потерявшим зрение? Тяжело...

Помню, как-то вечером в нашей большой палате одноногий солдат-сибиряк с еще забинтованной культяпкой второй ноги, после того, как врач сказал, что он скоро будет дома, плясал с костылями на одной ноге, радуясь и смеясь, говорил, повторяя несколько раз: «Для меня война кончилась, я живой, я живой. Дома меня ждут жена и дети, корова отелилась, овцы окотились, я скоро буду дома, я и с одной ногой не пропаду». А в это время безногий разведчик, подорвавшийся на mine, отвернувшись к стене, плакал. Утром он был мертв. Разведчик отравился собранным за месяц снотворным.

Помню и другое, не менее страшное. В госпитале находился с оторванным средним пальцем младший лейтенант Кеня. В коже руки и в мягких тканях были обнаружены остатки пороховой гари. Отсутствовал на этой руке и мизинец. На допросе он признался контрразведчикам, что мизинец он отстрелил пистолетом в 1941 году под Тихвином, а средний палец – здесь, под Оштой. Кеню расстреляли.

Длительное время контрразведчики таскали на допрос моего однокашника по училищу лейтенанта Кобзева с простреленной ладонью левой руки. Мне он объяснил, что его ранило в тот момент, когда он менял дисковый магазин ручного пулемета. Вскоре Кобзев исчез.

И сегодня, более чем через полвека, я добрым словом вспоминаю вытегоров – и старых, и малых – приходивших к нам в госпиталь с молоком, яичками, горячими шанежками, отварной рассыпчатой картошкой и солеными грибами, отдававших нам часть своих скудных продовольственных запасов в ущерб себе и тепло своих душ, помогавших скорее вернуться в строй, в свои части.

В последних числах мая 1942 года я вернулся в свой полк. Меня назначили командиром родной 7-й стрелковой роты, в которой до начала боев имелось 132 человека, а после недельных боев осталось 11. 31 мая мне дали пополнение – 50 человек поваров, коневодов, кладовщиков. Первого июня получил приказ выбить финнов с безымянной высоты северо-западнее деревни Миронова и закрепиться на ней. В 9 часов поднял роту и с криками «Ура!» пошел на эту высоту. Преодолев под градом снарядов и мин противника четырехсотметровое расстояние, отделявшее нас от высоты, мы заняли ее. Там финнов не оказалось. Отсутствовали и признаки их нахождения здесь: не было ни окопов, ни стреляных гильз. Из-за лощины, поросшей кустарником, строчил пулемет. Посмотрев туда, я увидел за лощиною проволочное заграждение. Финны находились от нас в 250-300

метрах. Я понял, что мы атаковали пустую высоту: ее можно было бы занять ночью, не теряя напрасно людей. Пересчитал дошедших со мною до высоты солдат. Их было двенадцать. Пятьдесят один остались лежать убитыми и ранеными.

На подходе к высоте, крича «За Сталина, за Родину, вперед, вперед!», ощутил в правом виске жжение, какое бывает после укуса пчелы или медицинского укола в знакомое всем место, в глазах начало мельтешить, закружилась голова. Вокруг рвались снаряды и мины, вздымая столбы земли, мимо с каким-то полусумом-полусвистом пролетали осколки снарядов и мин и, врезаясь в землю, поднимали пыль. С правой щеки стекала кровь. Я снял каску и справа в нижней ее части увидел небольшое, размером с зернышко пшеницы, отверстие. Из виска начала бить струйкой длиной в метр кровь. Я правой рукой закрыл рану и с криками «Вперед, вперед!» вывел остатки роты на атакуемую высоту. Санинструктор перевязал рану. От направления в госпиталь отказался. Через десять дней повязку сняли. Осколок так и остался в виске.

В ночь на 11 июня под прикрытием темноты я вновь получил пополнение: 50 человек не нюхавших пороха тыловиков. Организуя оборону, я с пулеметами на пулеметных площадках поставил дежурить одного обстрелянного, а второго новичка. У одного из ручных пулеметов дежурили рядовые Сажко, белорус, и второй – из Омска, фамилию которого не помню.

Белорусу было 22, омичу 36 лет. При проверке бдительности несения службы в ночное время они заявили, что умрут, но врага не пропустят. То же самое они говорили и командиру батальона старшему лейтенанту Мустафину. И он как-то мне сказал, чтобы я берег этих ребят.

Утром 12 июня мой политрук получил в партбюро посылку, присланную девушками – работницами электростанции столицы Тувы города Кызыл. Посоветовавшись с политруком, я эту посылку вручил пулеметчикам Сажко и омичу.

При проверке мною несения службы пулеметчиками в 4 часа 13 июня Сажко и омич находились на месте и уж в который раз заявили, что умрут, но врага не пропустят. В шесть часов утра пришел комбат, и мы с ним пошли по траншее. Пулеметчиков Сажко и омича на месте не оказалось. Отсутствовал и пулемет. На пулеметной площадке стоял пустой посылочный ящик. Мы подумали, что их утащили финны. Командир батальона сообщил о чрезвычайном происшествии командиру полка майору Ивановскому.

В девять часов финны по громкоговорительной установке сообщили, что Сажко и омич перешли на их сторону с пулеметом и предоставили слово омичу. Он, обращаясь к роте, сказал следующее: «Я и Сажко передаем привет командиру роты лейтенанту Коваленко и политруку и благодарим их за посылку. Привет от нас всей роте. Сегодня нас увезут в Вознесенье. Там нас будут хорошо кормить и нам на месяц дадут девушек, а потом мы уедем в лагерь в Финляндию. Мы останемся живыми и вернемся домой. Встретили нас хорошо. Переходите на сторону финнов».

Вскоре приехали командир полка и комиссар полка майор Лазарев – красивый, стройный, молодой, тактичный, любимец всего полка. На моем командном пункте – в нише, вырытой в обрыве оврага, в которой сверху капала вода и сыпался на головы песок, командир полка с пистолетом в руке закричал: «Бегут, бегут! Раньше сбежал Глушков, теперь эти двое с посылкой. Застрелю, застрелю!» Я дрожал и молчал, опустив вниз голову. Комиссар полка, успокаивая его, забрал у него пистолет. Отстранив меня и политрука от занимаемых должностей, командир полка уехал. Успокоив меня, вслед за ним уехал и комиссар.

14 июня политрука разжаловали в рядовые и направили в соседний 1226-й стрелковый полк. В пути следования он попал под минометный обстрел и погиб. Всё случившееся – и предательство пулеметчиков, и гибель политрука – я глубоко переживал.

Узнав о гибели политрука, я вспомнил, что у него в Ленинграде оставались жена и дети, о судьбе которых он ничего не знал. Но, надеясь всё же на встречу с ними в будущем, политрук собирал в сумку от противогАЗа те двадцать пять граммов сахара, которые нам выдавали ежедневно. Он бросил курить, чтобы те 300 граммов сахара, которые выдавали ежемесячно некурящим, ссыпать туда же. Я курящим не был, но всегда получал курево и отдавал его солдатам. Теперь же вместо папирос я получил сахар и отдал его политруку. Помню, как однажды, подняв сумку с сахаром, он сказал: «Смотри, вот уже я сколько собрал, тут будет килограмма два. Может, скоро блокаду прорвут, и тогда я сахар пошлю жене». И я тогда подумал: «Как же надо любить жену и детей, чтобы бросить курить и отказывать себе в сахаре».

Очевидцы рассказывали, что у ног мертвого политрука валялся распотрошенный его вещевой мешок и смешанный с землей сахарный песок...

После предательства пулеметчиков я впервые растерялся и дрогнул. Приходила мысль застрелиться, но я ее тут же отбрасывал. Я понимал, что самоубийство – это удел трусов и малодушных. Но я себя таким не считал. Появлялась мысль совершить вылазку в логово врага, пока не передал эту роту другому офицеру. Я и это отверг. Меня могли убить и финны, и свои. И тогда меня посчитали бы предателем, пытавшимся уйти к финнам. Ведь никто не знал моих истинных намерений. И я решил уже не в первый раз: что будет, то и будет. И ждал своей участи. Новый особист старший лейтенант Мисюра меня не беспокоил.

Командир батальона старший лейтенант Мустафин взял меня в свой штаб. Я оформлял боевые донесения и сводки, чертил схемы обороны, дежурил у телефона и выполнял другие поручения. Ходили слухи, что идет следствие, и будут судить. Но меня никто на допросы не вызывал. Так, день за днем, прошло короткое и тревожное северное лето.

В октябре 1942 года наш полк с передовых позиций сняли и вывели на 4-5 километров в тыл, во второй эшелон дивизии. Длительное безделье мне надоело, и я как-то спросил у своего комбата, что же мне делать дальше. Он посоветовал мне набрать добровольцев, сходить в разведку, притащить пленного или оружие. «И обвинение против тебя лопнет как мыльный пузырь», – сказал он. Я сформировал взвод добровольцев-разведчиков в количестве 18 человек во главе с лейтенантом Бойко. Провел со взводом несколько занятий с отработкой приемов захвата пленного, способов проделывания проходов с минных полей и проволочных заграждениях противника, а также взаимодействия группы захвата, группы прикрытия, группы обеспечения отхода и группы охраны проходов в проволочном заграждении. Особое внимание обращалось на быстроту действия и на умелое применение автомата ППШ.

В середине ноября мы вышли на участок обороны 1226-го стрелкового полка и расположились в заброшенной землянке, откуда мы ежедневно выходили в разведку к переднему краю обороны финнов. Между нами и финнами находился заболоченный участок местности с мелкоколесьем. Это была нейтральная зона шириною в полтора-два километра. У финнов по скатам высот проходил лесной завал шириною сорок метров, за ним проволочное заграждение в четыре кола и в сорока метрах от него их первая траншея. Там мы должны были взять в плен пулеметчика, находившегося у ручного пулемета. Направляясь к финской обороне, мы с лейтенантом Бойко на полпути к завалу, в

нейтральной зоне, на маленькой высоте, заросшей молодым ельником, оставляли прикрытие – двух пулеметчиков с ручными пулеметами и санинструктора. Им ставилась задача обеспечить наш отход в случае обнаружения нас противником, не дав ему возможности отрезать нас от своей обороны.

В один из последних дней ноября мы снова вышли в разведку, оставив сзади себя прикрытие. Только подошли к завалу, как услышали стрельбу позади себя и крики финнов. Мы развернулись и цепью побежали к своим разведчикам, находившимся в прикрытии. Финны короткими перебежками обходили слева наших пулеметчиков. Мы атаковали финнов с тыла. Они начали беспорядочно удирать в свою оборону, волоча за собою убитых и раненых. Подобрал на болоте одного убитого и одного раненого финнов, два автомата «Суоми» и винтовку, мы отошли в свою оборону без потерь. Погрузили трофеи на повозку и привезли их в расположение своего полка.

На другой день меня вызвал командир полка и назначил помощником начальника штаба полка по разведке. Это назначение, считал тогда я, было для меня дороже любого ордена. Служба в разведке была интересной, престижной, хотя и очень опасной. Так я стал разведчиком.

Я хочу рассказать о трагической судьбе моего бывшего командира батальона Мустафина Вагиза Хисамовича, который своим добрым советом сходить в разведку помог мне избежать суда и попасть в разведку.

В декабре 1942 года капитан Мустафин получил назначение на должность начальника штаба 1226-го стрелкового полка нашей дивизии. Вскоре ему присвоили звание «майор». Как известно, за состояние разведподразделений полка, за их боевую готовность и за организацию разведки в полку отвечает начальник штаба.

В январе 1943 года взвод пешей разведки полка проводил ночной поиск с целью захвата пленного. По проделанному под завалом проходу саперы должны были протащить удлиненный толовый заряд, подложить его под проволочное заграждение противника и взрывом сделать в нем проход. Разведчики рассчитывали стремительно ворваться в траншею финнов и захватить пленного. Сама погода помогала разведчикам: ветер раскачивал деревья, шумел зимний лес, валил снег.

Организаторы поиска ждали взрыва толового заряда, являвшегося сигналом начала действий разведчиков и открытия артиллерийско-минометного огня. В волнении и томительном ожидании проходит время. Взрыва нет. Из-под завала выползают разведчики, а за ними и саперы. Старший сапер доложил Мустафину, что в траншее противника замечено передвижение людей, слышны разговоры финнов, и что действовать нельзя. Мустафин ничего подозрительного не слышал и приказал выполнять поставленную задачу. Через некоторое время саперы снова возвратились и доложили, что финны утащили толовый заряд. Взяв с собою командира взвода разведки младшего лейтенанта Гуляева и двух разведчиков, майор Мустафин полез по проходу. На полпути к проволочному заграждению толовый заряд лежал в проходе, а дальше никаких следов не было, проход был запорошен снегом.

Майор Мустафин за невыполнение приказа и за трусость двух саперов расстрелял. За превышение власти и самовольный расстрел саперов майор Мустафин был приговорен военным трибуналом к 10 годам лишения свободы с заменой штрафной ротой. Находясь в штрафной роте, он ворвался в финскую траншею и притащил пленного. Его наградили орденом «Красного Знамени» и он возвратился в свой полк на прежнюю должность. Во время войны существовал закон, по которому офицер-штрафник, искупивший свою вину, автоматически восстанавливался в звании и в должности.

В сентябре 1943 года Мустафин проводил поиск по захвату пленного этим же взводом. Разведчики уползли в оборону противника, и после короткой перестрелки наступила тишина. Ни один разведчик не вернулся. Утром финны по громкоговорительной установке объявили, что младший лейтенант Гуляев перешел со взводом на их сторону, и что он будет направлен в армию Власова на должность заместителя командира батальона.

Сегодня трудно сказать, как это было. Не знаю и результатов расследования. Но знаю и хорошо помню, что майор Мустафин был приговорен военным трибуналом к 10 годам тюремного заключения.

Я тяжело переживал жизненную трагедию своего бывшего комбата. Я хорошо его знал. Он был человеком решительным, смелым, требовательным к себе и подчиненным, постоянно проявлявшим заботу о них. Такой он в моей памяти и сегодня, спустя более 50 лет после тех трагических событий 1943 года.

Война есть война. И погибают на войне по-разному: один – от пуль и снарядов врага, как заместитель командира батальона Ситников и разжалованный в рядовые мой политрук, другие – от карающей руки тех, кого предали, как младший лейтенант Кеня, отстреливший себе два пальца на левой руке, а третьи так, как те два солдата, кормившиеся заразным мясом сдохшей лошади.

В моем рассказе нет вымыслов, как и нет вымышленных фамилий. Всё то, о чем я пишу, имело место в моей жизни. А некоторые люди, которых упоминаю, живы еще и сегодня. И то, что происходило в моей жизни, должны знать дети и внуки мои, близкие и далекие родственники, ибо это история моего семейного рода, а из таких историй складывается история нашего народа, история страны.

Свой рассказ о трудной дороге в разведку я заканчиваю словами из стихотворения «Детям Шелтозера» нашего фронтового поэта Анатолия Абрамова, написанного им в 1944 году:

*Но я должен всех переупрямить,
Всё помнить бывшее окрест,
Тот, кто зачеркивает память,
На будущее ставит крест.*

На войне как на войне

Должен сказать, что разведчики нашего полка действовали умело, смело, а порой дерзко, регулярно добывая пленных и ценные данные о противостоящем противнике. Командование полка постоянно было в курсе всех изменений, происходивших у противника, знало его состав, силы, вооружение и замыслы. Это давало возможность командованию полка принимать правильные решения на бой и выиграть его с наименьшими потерями. Вот несколько эпизодов боевых действий наших разведчиков.

Дерзкий поиск

Нам много раз приходилось ходить за «языками». Помню, шел июль 1943 года. Наш 1224-й стрелковый полк занимал оборону в районе Ошты. У деревни Коромыслово фашисты находились от нас в 250-300 метрах. Их первая траншея проходила по скатам высот, обращенных к нам, и пересекала дорогу от Ошты на Вознесенье. Ошта и Коромыслово были разрушены огнем вражеской артиллерии и сожжены. Перед траншеей финны установили проволочное заграждение в несколько рядов, а там, где оно пересекало дорогу, стоял станковый пулемет, у которого дежурили два солдата. Этих солдат мы и должны были взять в плен.

К операции готовились тщательно. Определили время смены пулеметчиков, ходы сообщения, места расположения других вражеских огневых точек. В тылу у себя выбрали участок, похожий на местность, занимаемую врагом. Вырыли такую же траншею, поставили заграждение и заминировали. Всё сделали так, как было у противника. И стали репетировать захват «языка».

И вот наступило время боевой операции. До темноты наблюдали за всем, что происходило у противника. Ночь с 15 на 16 июля выдалась безветренной, небо чистое-чистое, ни единой тучки. Тишину нарушали лишь отдельные выстрелы и редкие пулеметные очереди. Погода нам явно не благоприятствовала. Разведчик Решетников подполз ко мне и сообщил, что со стороны врага слышны голоса большого количества людей и подозрительные шорохи. Вместе с командиром взвода старшим лейтенантом Бойко мы подобралась к проволочному заграждению. Ждать пришлось недолго: в ходах сообщения промелькнуло несколько теней. Вернувшись, стали обсуждать положение. Было ясно: враг нас ждет.

Несколько дней назад левее от нас проводила поиск разведроты дивизии. Бойцы жили в наших землянках и знали, что будем брать «языка» у Коромыслово. Во время боя один солдат из разведроты пропал без вести. Может, он оказался в лапах врага...

Позвонил командиру полка майору И.В. Ивановскому и доложил обстановку. Я получил разрешение действовать по своему усмотрению. Операцию отложил.

Утро оказалось таким же тихим, как и ночь. Яркое светило солнце. Стал советоваться с разведчиками: что делать? И тогда Решетников предложил брать «языка» утром. Риск, конечно, огромный, но другого выхода не было.

Приказал командиру взвода, находившемуся в деревне Коромыслово, направить в траншею десять бойцов с задачей периодически стрелять из винтовок по огневым точкам и наблюдателям противника, чтобы не давать им возможности вести непрерывное наблюдение за передним краем нашей обороны. В девять часов разведчики по кювету поползли вдоль шоссе. Бесшумно разрезали низ проволочного заграждения, сняли

несколько замаскированных в земле мин. И когда до траншеи оставалось 15-20 метров, группа захвата сделала быстрый бросок, такой быстрый, что финны, находившиеся у пулемета, не успели даже открыть огонь.

Железков и Агеев схватили одного фашиста, заткнули ему рот кляпом, связали и потащили. Решетников и Щумаков то же самое сделали с другим.

Только на опушке роши, в 150 метрах от вражеской траншеи, вокруг смельчаков со свистом зароились пули, заухали взрывы мин. Когда поисковая группа находилась у своей траншеи, осколком снаряда легко ранило Щумакова и одного пленного убило.

Оставшийся в живых фашист рассказал, что несколько дней назад соседняя рота финнов захватила нашего разведчика. Боец не выдержал пыток и сообщил о готовящемся нами поиске. Командир вражеского батальона посадил на ночь в засаду пятнадцать автоматчиков для встречи нашей группы. Утром засада была снята. Финны не подумали о том, что днем пойдем за «языком». Боевых подвигов было немало на счету опытных фронтовых разведчиков Железкова, Решетникова, Агеева, Щумакова и других. Все они сибиряки.

Позже, в одной из разведывательных операций, Железков и Щумаков погибли. А вот Николай Иосифович Решетников жив. Всю войну он находился на переднем крае, привел не один десяток пленных, добыл много ценных документов и сведений о противнике. Воевал на Вологодщине, в Карелии, Заполярье, освобождал Польшу. Сейчас живет в Тюмени. Он пенсионер. Почти всю войну вместе в Решетниковым в разведку ходил Филипп Алексеевич Агеев. Он был человек большой силы воли и бесстрашия.

Агеев прикрывал Решетникова и всегда бил врагов без промаха. Филипп Алексеевич жил в селе Армизонское Тюменской области. В 1975 году он умер.

Разведка боем

В первых числах августа 1943 года меня вызвал командир полка майор И.В. Ивановский и приказал разработать план проведения разведки боем. Для проведения операции назначались: взвод разведки полка под командованием старшего лейтенанта Чувашова, взвод конной разведки (в пешем строю) под командованием лейтенанта Токаря и взвод автоматчиков роты автоматчиков. Для обеспечения действий привлекались все артминометные средства полка (три 82-мм минометные батареи, батарея 120-мм минометов, артбатарея 76-мм орудий и две батареи 45-мм орудий), а также два дивизиона гаубиц 939-го арtpолка и дивизион «катюш». Получая задание, я спросил, кто будет командовать этим сводным отрядом. Комполка ответил, что вопрос еще не решен. Я попросил назначить меня. Он согласился, сказав, что уже думал о моей кандидатуре. Вскоре разработанный мною план операции был утвержден с небольшими поправками командиром четвертого стрелкового корпуса генерал-майором Зайцевым.

Утверждая план операции, генерал спросил меня, где я буду находиться в ходе операции. Я ответил, что до атаки – в центре, со взводом нашей разведки, а затем – в первой траншее противника. Он спросил, через какое время я буду в первой траншее противника. Я ответил: «Через минуту-полторы после начала атаки». Он сказал: «Ух, какой быстрый. Посмотрим, как будет». Я ответил, что так и будет. Он пожелал удачи и уехал из полка. Должен сказать, что генерал Зайцев был уже в годах, но не по возрасту строен и подтянут. Был он исключительно умным и образованным генералом старой закалки. В 1944 году при освобождении Нарвы погиб.

А теперь об обороне противника и плане операции. Первая траншея противника проходила в 300-350 метрах от нашей обороны. В 30-40 метрах перед траншеей было установлено проволочное заграждение в два ряда, поверху которого было натянуто заграждение «Бруно». Для лучшего обзора трава между траншеей и проволочным заграждением была выжжена. В ближайшей глубине обороны противника в 150-180 метрах от первой траншеи проходила вторая, за которой находились три землянки. К землянкам от первой траншеи имелся ход сообщения. Далее в глубине – артиллерийские и минометные позиции. В первой траншее на участке атаки возвышался НП.

Планом операции предусматривалось:

- – уничтожение личного состава противника в 3-х землянках;
- – захват пленных и документов;
- – вскрытие огневой системы противника.

Боевой порядок для атаки строился в одну линию на фронте 100 метров. В центре – взвод нашей разведки, справа – взвод автоматчиков, слева – взвод конной разведки в пешем строю. Я с управлением до захвата первой траншеи находился со взводом пешей разведки, а затем в НП противника в первой траншее. С захватом первой траншеи взвод пешей разведки должен был двигаться к землянкам по ходу сообщения, а фланговые взводы – через поляну, обходя землянки справа и слева. От них по одному отделению оставалось в первой траншее для обеспечения действий отряда и прикрытия его отхода в свою оборону после разгрома землянок.

Проходы в проволочном заграждении проделывались путем одновременного взрыва удлиненных толовых зарядов с помощью электромашинки. Взрыв служил сигналом для атаки без криков «Ура» и нанесения залпов дивизионом «катюш» и двумя дивизионами 939-го артполка по землянкам противника, с последующим переносом заградительного артогня в глубину на 150-200 метров в форме подковы для прикрытия действий отряда в период атаки землянок и его отхода в свою оборону. Снарядов и мин отпускалось по потребности. Это был не 1941 год. Таков был план операции. Была проделана большая подготовительная работа. У себя в тылу на участке, похожем на занимаемую противником местность, были построены все оборонительные сооружения, как у противника.

Каждому бойцу, командирам отделений и взводов были поставлены конкретные задачи. Потом на подготовленном по вражескому образцу обороны участке были проведены занятия в таком порядке, как было предусмотрено планом операции. Проводилась и большая политическая работа.

И вот наступило 22 августа. В 3 часа из нашей первой траншеи поползли к проволочному заграждению тремя группами саперы, таща за собой удлиненные толовые заряды для взрыва проволочных заграждений на направлениях движения взводов. К 4 часам заряды были подложены под проволочное заграждение. К этому времени под покровом небольшого тумана мы выползли на исходный рубеж для атаки – в 30 метрах от заграждения.

В 4 часа я даю красную ракету в направлении противника. Сразу же следуют взрывы удлиненных толовых зарядов, взводы идут в атаку, артиллерия наносит удар по землянкам, дает залп дивизион «катюш». От взрыва сотен снарядов и мин содрогается земля, в воздухе запах гари. Проходит минута, и мы в траншее противника. Еще 2-3 минуты, и взводы атакуют землянки. Раздаются сильные взрывы, на месте землянок поднимаются столбы земли и пыли. Землянки взорваны, фашисты, успевшие выскочить из землянок, расстреливаются нашими бойцами.

Захватив пленных, отстреливаясь от подходящих финнов, взводы отходят, перекатываясь через вражескую траншею. Даю серию зеленых ракет в направлении своей обороны – это сигнал общего отхода. Саперы группы управления закладывают сильный толовый заряд в наблюдательный пункт противника и поджигают бикфордов шнур. Мы покидаем траншею противника. Наблюдательный пункт взлетает в воздух! Еще 2-3 минуты, и мы в своей обороне. Противник открывает артиллерийско-минометный и ружейно-пулеметный огонь. Мы по ходу сообщения уходим в тыл. Вот и деревня Куккова. Здесь командный пункт полка. Разведчики вводят ко мне в землянку одного из пленных.

Начинаю допрос через переводчика Трифонова Александра Григорьевича. Несколько слов о нем. Он этого заслуживает.

Александр Григорьевич был смелым, находчивым человеком. Он вел допросы пленных, проводил большую работу по разложению войск противника, выползая к его переднему краю. Устраивался в каком-нибудь заброшенном окопе или в снарядной воронке, устанавливал динамик и вел передачу для вражеских солдат, разъясняя им преступность навязанной нам фашистской войны и неизбежность нашей победы, призывая их покончить с войной.

Противник открывал по нему ружейно-пулеметный и минометный огонь, а он еще более усиливал свой голос. И всякий раз в конце передачи проигрывал нашу любимую «Катюшу».

Однако вернемся к допросу пленных. Делать записи мешает маскхалат. Я его снимаю. Пленный, увидев на моих плечах офицерские погоны, вскакивает с табуретки, смотрит удивленно на меня и задает вопрос, какое у меня звание. Переводчик отвечает: капитан. Пленный говорит, что у них офицеры в разведку не ходят. И тут же спрашивает, что я буду за него иметь: дадут надел земли, денежное вознаграждение, орден или повысят в звании?

Пришлось ему объяснить, что землю имею, что она у нас общая, что частной собственности у нас нет, что я воюю не за деньги и награды, а за честь и свободу своей Родины, первого в мире государства рабочих и крестьян, что воюю за свой народ, за свой домашний очаг, за освобождение от захватчиков нашей советской земли. К этому добавляю, что за эту операцию орден обязательно получу и могу быть повышен в должности и звании. Пленный оказался санинструктором 9-й пехотной роты 9-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии финнов.

После него перехожу к допросу второго пленного. Оказывается, мы разгромили гарнизон роты. Мы были рады. Операция проведена успешно. Приказ командования выполнен. В бою наши бойцы, сержанты и офицеры показали беспредельную преданность Родине, проявили мужество, отвагу и храбрость, солдатскую смекалку и умение бить врага в его обороне. Ведь за два года нахождения в обороне это первая операция наступательного характера, проведенная подразделением нашего полка. Операция показала наше моральное превосходство над врагом, возросшее боевое мастерство пехотинцев, минометчиков, артиллеристов и саперов. Она показала превосходство нашего вооружения над вооружением врага. Мы теперь не те, какими были в 1941 году. Мы готовы к боям за освобождение Вологодской земли от оккупантов. В масштабе всего Советского фронта это маленькая операция. Но для нас, находившихся в обороне уже два года, значительная операция. Значительная не по масштабам участвовавших в ней сил и средств, не по объему и глубине задач, а по результатам: она показала, что мы можем не только обороняться, но и наступать, что оборона врага не является для нас неприступной.

В этой операции отличились многие. В их числе парторг автоматчиков сержант Муравьев, старший сержант Кайкунов, который, будучи тяжело раненым и обливаясь кровью, подавал команды: «Ребята, вперед!» Отличились сержант Дубинский, лейтенант Токарь, старший лейтенант Чувашов и многие другие, фамилии которых в памяти не сохранились. Ведь с того далекого времени прошло более 50 лет.

Все отличившиеся были награждены орденами и медалями. Я получил орден «Отечественной войны 2-й степени». После проведенной разведки боем было много других разведывательных операций – ночных поисков, засад в тылу врага и смелых дневных налетов на объекты противника. Разведка полка была активной, держала инициативу в своих руках, регулярно добывала «языков», ценные документы и сведения о противнике. Она действительно, выражаясь образно, была глазами и ушами славного полка. Успех наших разведчиков объяснялся неукротимой любовью к своей социалистической Родине и жгучей ненавистью к захватчикам, бесстрашием, воинской смекалкой и хитростью, хладнокровием и выдержкой там, где это надо было с одной стороны, и стремительностью действий с другой, умением быстро и правильно ориентироваться на местности и в создавшейся обстановке.

Эти качества были присущи не только тем разведчикам, о которых я уже упоминал, но и многим другим.

В январе 1944 года я убыл в 272-ю стрелковую дивизию, получив назначение на должность заместителя начальника разведки дивизии. Родной полк я покидал с двойным чувством. Было жаль покидать своих разведчиков и боевых товарищей, с которыми приходилось не раз бывать в сложных боевых переплетах и вместе смотреть смерти в глаза, вместе радоваться нашим боевым успехам и вместе переживать потерю друзей. Жаль было покидать ребят, которых хорошо знал и в которых был всегда уверен, что они никогда не подведут.

И вместе в том я был рад новому назначению: впереди была разведка в больших масштабах, более ответственная и интересная. Это назначение было для меня повышением в должности, и я был рад, что внес в огромное общее дело борьбы с врагом и маленькую долю своего ратного труда.

В июне 1944 года после успешно проведенного ночного поиска разведкой 272-й стрелковой дивизии я был назначен старшим помощником по войсковой разведке начальника разведотдела штаба 4-го стрелкового корпуса.

О друзьях-товарищах, не вернувшихся с войны

День Победы 9 мая 1945 года я встретил в Архангельске, где наш 4-й стрелковый корпус был расквартирован после освобождения Карелии. Хорошо помню, рано утром 9 мая к нам прибежали девушки-телеграфистки и радистки батальона связи и крикнули: «Победа! Война кончилась!» Было много радости и слез. Мы обнимались, целовались, плакали. Плакали все. Это были слезы радости и слезы горя. Радости – потому, что мы победили, что кончилась война, и мир, оглушенный залпами орудий и взрывами бомб, снарядов, впервые за много-много дней ощутил тихое дыхание мая и аромат весенних цветов. Слезы горя – потому, что до этих счастливых и радостных майских дней не дожили многие наши товарищи, потому, что их нет среди нас, и они не могут ощутить радость великой Победы.

Мы, оставшиеся в живых, не вправе забывать тех, кто шел в бой рядом с нами и падал, сраженный вражеской пулей, кто умирал за Родину и за живущих ныне.

Капитан Арсенов Борис Александрович

В июле 1944 года войска Карельского фронта, нанося мощные удары, очищали Карелию от фашистских захватчиков. Откатываясь на запад, к границам Финляндии, фашисты взрывали мосты, минировали дороги, лесные тропы, населенные пункты. Выполняя боевое задание, у деревни Корписелька Суоярвского района КАССР погиб командир отдельной разведроты 368-й стрелковой дивизии капитан Арсенов Борис Александрович. Эту утрату я переживал тяжело. Вместе с Борисом я учился в Тюменском военном пехотном училище. Вместе мы прибыли на фронт и стали разведчиками – он сразу, а я позже, благодаря судьбе. Борис был смелым, храбрым и грамотным офицером. Он вместе с разведчиками участвовал в поисках по захвату пленных, в рейдах по тылам врага. И разведчики за это любили его. Он был комсомольцем, а в двадцать один год стал коммунистом. После войны он всё время в моей памяти. Я знал, что у него были родные, которые проживали то ли в Ивановской, то ли во Владимирской области. Решаю начать поиск могилы Бориса и розыск его родных. Обращаюсь с просьбой найти могилу капитана Арсенова к следопытам Суоярвской восьмилетней школы имени Героя Советского Союза Ф.Д. Гореленко. Юные следопыты школы установили, что Арсенов захоронен в братской могиле в городе Суоярви.

Начались поиски родственников. В поиск включились работники адресных бюро, телевидения и облвоенкомата Ивановской, Владимирской и Минской областей. Оказалось, что сестра и брат Арсенова живут в городе Александрове Владимирской области, а жена и дочь в городе Минске.

7 мая 1973 года брат и сестра Арсенова приехали ко мне в Петрозаводск. Мы возложили живые цветы на могилу неизвестного солдата у Вечного огня и ознакомились с городом. Затем выехали в Суоярви. Посетили школу. Незабываемой, волнующей была встреча с учащимися и преподавателями школы. Сестра капитана Арсенова – Ольга Александровна поблагодарила комсомольцев и пионеров за то, что они нашли могилу ее брата и пригласили приехать. Она рассказала о его жизни, о его письмах с фронта. В одном из них он написал: «Нам нелегко, но мы победим. Я был пионером, комсомольцем, а теперь я коммунист. На моем счету 41 уничтоженный фашист. Я их бил, бью и буду бить. Я воюю на своей земле, за свою Родину, за правое дело. И в этом моя сила». Это

верно. Воевал Борис храбро, бил фашистов здорово, Родину любил сильно, оружие в руках держал крепко.

Капитан Василий Жерносеков

Наша дружба с Василием началась еще в училище и продолжалась до его гибели. Человек был он мужественный. Наступая на Суоярви, его батальон вышел к безымянной высоте и с хода атаковал засевшего на ней противника. Противник открыл по наступающим ураганный огонь. Казалось, цепи наступающих вот-вот дрогнут. И тут появился комбат Жерносеков. Он с автоматом в руках бросился вперед. За ним лавиной понеслись цепи наступающих. Воздух разрезало громкое «Ура!» Высота взята. 7 июля 1944 года капитан Жерносеков, следуя с КП пункта в батальон, попал в засаду, но не сдался. Враги изуродовали его тело: раздробили голову, вырвали глаза, вывернули руки. Так погиб Василий. Он любил жизнь, любил подчиненных, любил Родину. И за жизнь советских людей, за Родину он отдал свою жизнь.

Рядовой Александр Зимин.

Он был немного старше меня и других разведчиков. До войны работал учителем на Алтае. Воспитывался в детском доме. Отец погиб в гражданскую войну, а мать умерла от тифа. Был высоким, стройным и общительным парнем. Умел интересно, захватывающе рассказывать анекдоты и разные прибаутки. Как разведчик от остальных ничем не отличался, сообразителен, смел, хорошо владел оружием, отлично ориентировался на местности. Разве только был более логичен в своих рассуждениях, чем некоторые другие разведчики, более хладнокровен и нетерпелив в действиях. У нас с ним была какая-то особая дружба. Видимо, потому, что по профессии мы были коллеги. Ведь я до войны тоже был учителем.

В июне 1943 года мы проводили дневной поиск в районе деревни Карпино с целью захвата пленного. Поиск проводился в 12 часов во время обеда противника, когда его бдительность была понижена.

Разведчики Дьяченко, Жилкин, Ветров, Анохин, Пыталев, Пузанов и Андреев во главе со старшим лейтенантом Чувашовым, выползали из своей траншеи и по-пластунски цепочкой один за другим направились к обороне врага, таща за собой телефонный кабель с телефонной трубкой для подачи сигналов о действиях. Катушка с кабелем укреплялась в своей траншее. И когда разведчики выползали к проволочному ограждению врага, она более не разматывалась. И тогда мы к кабелю на катушке подключали батарею и телефонную трубку. Установленные сигналы разведчиками подавались продуванием в телефонную трубку. Так, например, если проволочное ограждение разрезано – два продувания. Если разведчики выползали за проволочное ограждение – три продувания и т.д. Таким образом, мы, руководители поисков, всё время знали, где находятся и что делают разведчики. Докладывать голосом они не могли, находясь в 30-40 метрах от противника, а вот из своей траншеи все команды подавали голосом, как при телефонных разговорах.

Я с благодарностью вспоминаю начальника связи полка Ивана Яковлевича Аркаева. Это новшество было продумано им. Жили мы с ним в одной землянке. Был он толковым специалистом-связистом. Погиб осенью 1944 года в боях за освобождение Советского Заполярья.

Но вернемся к дневному поиску. И вот разматывание катушки прекратилось. Подключаю к кабелю батарею и телефонную трубку, запрашиваю, где находятся разведчики и что делают. В ответ слышу два продувания в трубке. Значит, проход проделан. Через минуту слышу три продувания – разведчики за проволочным заграждением. И в это время воздух разрезает душераздирающая пулеметная стрельба. Разведчики обнаружены. Из находящегося в 40-50 метрах дзота противник открыл ураганный пулеметный огонь, прижав разведчиков к земле и отрезав огнем путь отхода.

Разведчики Зимин, отделившись от группы, ползет к дзоту, используя «мертвое» пространство, бросается на амбразуру и закрывает ее своим телом. Пулемет утих. Разведчики делают стремительный бросок в траншею финнов, врываются в НП, снимают с треноги стереотрубу, схему расположения наших огневых средств и отходят в свою оборону. Финских наблюдателей на НП не оказалось, они сбежали. Зимин повторил подвиг Александра Матросова.

На Свири

21 июня 1944 года войска Карельского фронта перешли в наступление и начали освобождение Карелии от финских захватчиков. Главный удар наносился вдоль северного побережья Ладожского озера 7-й армией генерал-лейтенанта А.И. Крутикова в направлении Лодейное поле, Олонец, Питкяранта, Сортавала. Одновременно 32-я армия генерал-лейтенанта Ф.Д. Гореленко наносила удар в направлении Медвежьегорска, Юстозеро, Суоярви, обходя петрозаводскую группировку противника с севера.

Сегодня, вспоминая о тех далеких и в то же время так близких июньских днях 44 года, я вижу широкую многоводную северную красавицу реку Свирь, на южном берегу которой, западнее города Лодейное поле, находился наблюдательный пункт командира 4 стрелкового корпуса генерал-майора Гнедина. Я в то время служил старшим помощником начальника разведотдела штаба корпуса и в ночь на 21 июня, перед формированием Свири, находился на наблюдательном пункте вместе с командиром корпуса. В состав корпуса входили 114-я, 272-я стрелковые дивизии и 150-й укрепрайон.

Приближалось утро. В легкой дымке тумана катила свои воды красавица Свирь. Утро было солнечным и теплым, в прибрежном лесу пели птицы, и казалось, что нет никакой войны. А на самом деле на нашем берегу войска приготовились к форсированию Свири, к штурму обороны противника. Наш корпус прорывал оборону на фронте четырех километров и был он поддержан небывалым до сего времени количеством артиллерии и гвардейских минометов различных калибров. В 8 часов 21 июня началась артподготовка. Через пятнадцать минут сотни бомбардировщиков авиации Ленинградского фронта нанесли мощный бомбовый удар по обороне врага на северном берегу Свири. Едкий дым окутал реку. Из укрытий в реке двинулись наши войска. На амфибиях, понтонах, плотках и лодках они начали переправу через Свирь. И через полтора-два часа оборона противника, создававшаяся почти в течение трех лет, была прорвана.

Действуя умело, сокрушая сопротивление врага, наши войска уверенно двигались вперед. А в это время понтонно-мостовые соединения наводили через Свирь понтонный мост, по которому уже вечером 21 июня пошли танки и тяжелая артиллерия. К утру 22 июня был прорван второй оборонительный рубеж финнов в районе населенного пункта Обжа.

Громя врага, наш корпус прошел всё Ладожское побережье. Самым сильным укрепленным пунктом на Сортавальском направлении была Питкяранта. Два часа длилась артиллерийская подготовка. Плотность артогня составила до 300 стволов на километр фронта. Следуя за огненным валом, соединения корпуса штурмом овладели Питкярантой. На этом участке фронта вели наступательные бои и другие соединения и части 7-й Армии.

В боях проявили мужество и отвагу солдаты, сержанты и офицеры всех родов войск: пехотинцы и артиллеристы, связисты и саперы, летчики и танкисты, десантники 3-й морской стрелковой бригады и воины-железнодорожники, медики, снабженцы.

Вместе с 7-й армией громила врага и 32-я армия. Она форсировала Беломорско-Балтийский канал. 24 июня с боем взяла Медвежьегорск и начала успешно продвигаться вдоль железной дороги на Петрозаводск.

С кораблей Онежской флотилии в тылу противника в Шелтозеро, на Уйской губе были высажены десанты. Утром 28 июня отряд сторожевых кораблей и торпедных катеров флотилии полным ходом вошел в Петрозаводскую губу. В полдень десантники

были в городе, а чуть позже в него вошли передовые части 368-й и 313-й стрелковых дивизий. Над столицей республики вновь взвилось знамя свободы.

29 июня столица нашей Родины Москва салютовала отважным советским воинам и морякам-онежцам, освободившим Петрозаводск, 24-мя залпами из 324-х орудий. Наиболее отличившимся частям и соединениям было присвоено наименование «Петрозаводских».

Петрозаводск предстал перед нашими солдатами в руинах, обугленный, поросший репейником, крапивой и полынью. Враг ушел из города. Но о его недавнем присутствии здесь говорили груды развалин, бараки концлагеря за колючей проволокой, до неузнаваемости изуродованная набережная. Враг ушел сам, не оказав здесь сопротивления. Но солдаты, высадившиеся с судов Онежской флотилии, понимали, что в город они вступили победителями благодаря решительным боевым действиям на реке Свирь, под Олонцом, у Вознесенья, на Медвежьегорском направлении.

Женщины и дети, старики и подростки встречали своих освободителей со слезами на глазах и со скромными букетами полевых цветов.

На площади 25 Октября (ныне площадь В.И. Ленина) состоялся митинг. Тут снова были и дружеские объятия, и слезы радости, и полевые цветы. Петрозаводчане переживали радость своего освобождения.

Тогда, в день освобождения Петрозаводска, корреспондент газеты 368-й стрелковой дивизии Анатолий Абрамов написал стихотворение:

*Победа нам в огне досталась,
Она по минам с нами шла,
Она по лесу пробиралась,
По тропам каждого села.*

*Она десантом, штурмом, шквалом
Вклинялась в Уйскую губу.
И с рядовым, и с генералом
Делила трудную судьбу.*

*Она взбурлила Чертов омут,
Свинцом кипела на Свири.
И шли вперед к родному дому
Мои друзья – богатыри.*

*Победа вместе шла с бойцами
И вместе с ними, наконец,
В Петрозаводск вошла с боями,
Вошла с винтовкой, как боец.*

После войны

Прошло 50 лет, как закончилась Великая Отечественная война. Но однополчане, как братья, продолжают переписку между собой, вспоминая ратные подвиги и тех, кто смертью храбрых пал на поле боя. Обычно в день Победы устраиваются встречи однополчан. Такую встречу в 1970 году устроили ветеранам 368-й Краснознаменной Печенгской стрелковой дивизии Тюменский обком партии и обком комсомола. С большим волнением отправлялся в Тюмень. Я не мог не волноваться. В Тюмени я окончил военное училище и оттуда в составе 368-й уходил на фронт. Там, в Тюмени, живут отважные разведчики Василий Кашаев и Николай Решетников. Там в школе № 10 пионерская дружина имени нашей дивизии, которая ведет большую следопытскую работу, и с которой я вот уже несколько лет переписываюсь. Наконец, предстоит встреча с теми, с кем не один раз шел на смерть, с кем делил горести утрат и радости побед.

И вот я в Тюмени. На встречу ветеранов приехали 56 человек со всех концов страны. В их числе первый комиссар дивизии Федор Михайлович Напалков, начальник политотдела Михаил Николаевич Вечер, начальник штаба Михаил Ефимович Нинбург, начальник разведки дивизии, – мой друг военных и послевоенных лет, Василий Максимович Пантелеев с женой Галиной Николаевной, которая через всю войну прошла рядом и вместе с ним. Бывшие сестры медсанбата: Людмила Ляхевич, Анна Ельцова, Мария Замчаева, Мария Соковина, Зоя Кашаева. Это они, наши дорогие подруги, выносили нас с поля боя, лечили в медсанбатах и своей заботой и добротой помогали нам поправиться и снова вернуться в строй. Для них и всех других фронтовых медичек я к 30-летию Победы написал эти строки:

С поля боя нас выносили

На хрупких плечах Вы своих.

В госпиталях, медсанбатах лечили

Парней боевых!

Улыбкой и лаской своей

И нежной женской заботой

Нам помогали вернуться скорей

В ряды боевые пехоты!

С Днем Великой Победы

Поздравляю медичек я фронтовых.

Сегодня забудьте все беды,

Вспомните нас, молодых!

Приехал и наш боевой командир полка Иван Викентьевич Ивановский, который по-отечески заботился о нас, разведчиках, планы разведывательных операций утверждал лично сам, давая ценные указания и советы. Это о нем Борис Манн, бывший дирижер полкового оркестра, написал эти строки:

*Смел и храбр наш Ивановский –
Отважный командир полка,
Не раз с Тюменским войском
Врагу ломал он шею, мял бока.*

Было много встреч, воспоминаний и слез. Особенно трогательной была встреча с разведчиком Николаем Иосифовичем Решетниковым – человеком огромного мужества, обладающим особым чутьем, ходившим в разведку с березовой дубинкой и пистолетом.

8 мая мы были приняты первым секретарем Тюменского Обкома партии товарищем Щербиной, который горячо поздравил нас с Днем Победы, рассказал о настоящем и будущем нефтеносной Тюменской земли. В этот же день мы посетили школу № 10. Юные следопыты проделали большую работу по поиску ветеранов дивизии. В школе любовно оформлена Комната боевой Славы, а во дворе установлен Камень-Обелиск Вечной Славы воинам, погибшим за свободу, честь и независимость нашей Родины. У Камня-Обелиска Вечной Славы состоялся парад школьников, на котором пионеры дали клятвенное обещание свято хранить и приумножать боевые традиции своих дедов. Затем в клубе аккумуляторного завода состоялась встреча с учащимися школ № 10 и № 20, где присутствовали более 600 ребят и учителей.

Я вручил пионерам и комсомольцам этих школ от пионеров и комсомольцев Петрозаводска альбом о нашем городе и о республике, а также книжки стихов поэтов Карелии Мишина, Иванова, Титова и рассказал, каким был наш Петрозаводск в сорок пятом, освобожденный их дедами, и каким красивым он стал теперь.

Вечером мы были приглашены в филармонию на торжественное заседание, посвященное 25-летию разгрома фашистской Германии. Здесь нас ожидал сюрприз. Из Москвы было доставлено Красное Знамя нашей родной 368-й Краснознаменной Печенгской стрелковой дивизии. С этим Знаменем мы насмерть стояли под Оштой, под этим Знаменем мы освобождали Вологодскую землю и Карелию, Советское Заполярье и Северную Норвегию. С большим волнением мы подходили к Знамени, становились на колени и целовали его!

Утром 9 мая мы вместе с тысячами тюменцев возложили венки к Обелиску героям, павшим в боях за Родину. Посетили мы и военное училище, из стен которого в трудном сорок первом уходили на войну. Мы увидели, что на смену нам пришла прекрасная военная молодежь, которая бережно хранит боевые традиции и, если потребуется, то с честью выполнит задачи по защите Родины. Мы убедились, что оружие и боевая техника находятся в умелых и надежных руках. Вечером в честь Дня Победы и в честь ветеранов был устроен большой банкет, на котором присутствовали представители областных и городских партийных советских организация и лучшие люди города – ветераны труда и передовики производства.

За каждым столом было слышно: «А помнишь, Галя!», «А помнишь, Коля!», «А помнишь, Вася!» А всем Галям, Колям и Васям было давно уже за пятьдесят. Ветераны вспоминали боевые походы, друзей, не вернувшихся с войны и ушедших из жизни после войны, и песни фронтовые: «В землянке», «Катюшу», «Синенький платочек» и другие.

10 и 11 мая ветераны выступали в школах, училищах, клубах и на предприятиях города. И всюду нас встречали, как родных, с большой теплотой.

За последние годы было много и других встреч ветеранов. Так, на тридцатилетие освобождения Петрозаводска, 20 июня 1974 года из Тюмени приезжала большая группа ветеранов дивизии.

Лично моими гостями были бывший начальник химслужбы полка Виктор Михайлович Шевцов – кандидат технических наук, проживавший в Москве, и Николай Прокопьевич Миленин, бывший помощник начальника штаба полка, проживавший в г. Кандалакша Мурманской области. Был вместе с нами бывший помощник начальника штаба полка Тарасенко Алексей Павлович, живущий в Петрозаводске. Так что почти весь штаб наш был в сборе. Не было начальника штаба Григорьева и его помощника по тылу Сапронова, которые уже ушли из жизни. Мы многое вспомнили, а главное – боевых друзей и тех, кто погиб в боях за Родину, и тех, кто не приехал на встречу.

Немного о тех, с кем поддерживаю связь. В Харькове жил мой первый ротный – Василий Михайлович Катанцев. Под его началом я нес охрану побережья голубого Онего у Петропавловского маяка и участвовал в апрельских боях 1942 года, западнее деревни Миронова у высоты 113.8. Там он был ранен. В госпитале в Вытегре лежали вместе. Потом он был заместителем командира третьего стрелкового батальона 1224-го стрелкового полка. В 1942 году уехал на курсы командиров полков. В боях на Харьков, будучи командиром полка, был тяжело ранен. С тех пор на пенсии.

Во Львове жил бывший комиссар нашего полка – Петр Иванович Лазарев. Это глубоко душевный и в то же время требовательный к себе и подчиненным политработник. Он у всех нас пользовался большим уважением и заслуженным авторитетом.

Разведчик Комаров Никанор Васильевич живет в Новосибирске. Был смел и хитер.

Во Владивостоке живет Алексей Бойко, бывший командир взвода разведки третьего батальона 1224-го стрелкового полка. Был он храбр и отважен, не раз брал «языков». Это о нем и его разведчиках музыкант нашего полкового оркестра Сергей Пантюхин написал в 1943 году песню:

*Давно за лесом солнце село,
Закрыли небо облака,
Выходит на лихое дело
Разведка нашего полка.*

*Бойцы присягу помнят свято,
На них погоны и мундир.
Ведет громить врагов заклятых
Их Бойко – славный командир.*

*Громили яростно злодеев,
Немало брали «языков»
Сучков, Решетников, Агеев,
Скворцов, Сиротин, Щумаков.*

*Бойцы своих героев знают,
В газете есть их имена,
Их грудь медали украшают,
Сияют солнцем ордена.*

*Вперед! С земли врагов сметая,
Вперед, бойцы, за честь полка!
Пусть крепнет слава боевая
Орла – бойца – сибиряка.*

*Чтоб в схватке с черными врагами
Был верен глаз, тверда рука,
Пусть в бой шагают рядом с нами
Герои нашего полка.*

*За лесом солнце поднималось,
Редели в небе облака.
Бойцы с победой возвращались –
Достали в схватке «языка».*

*С врагом дрались герои смело,
Для них отчизна дорога.
Геройски, храбро и умело
Их водит Бойко на врага.*

В Рубцовске Алтайского края жил разведчик Шахов Вениамин Ильич, в Усть-Каменогорске – Сидоров Дорофей Маркелович, в Юрге Кемеровской области – артиллерист Аверин Петр Константинович, в Омске – секретарь партбюро Третьяков Николай Иванович, в Камышлове Свердловской области – Иванов Александр Иванович – лихой артиллерист 939 арtpолка нашей дивизии. Всем им, всем ветеранам я посвятил свое стихотворение.

«Ветеранам войны»

*В трудные годы войны
Вы верные были сыны
Великой Отчизны своей,*

Себя отдавали вы ей!

*Вы штурмовали смело высоты,
На себя вызывали огонь батарей,
Водили в атаку батальоны и роты
И амбразуры закрывали грудью своей!*

*Вы крепко держали штурвалы
Морских боевых кораблей,
Не страшны были вам укрепленные валы
И штормы полярных морей.*

*Вы в самолетах и танках горели,
На минных полях подрывались,
И раны свои подлечив еле-еле
Снова на фронт возвращались!*

*Вы тонули в Карельских болотах,
Мерзли в лесах на снегу,
У вас была одна лишь забота –
Не давать ни минуты покоя врагу!*

*В переделках вы всяких бывали,
И тяжело было порой,
Друзей своих теряли
Выполняя приказ боевой!*

*Вы лихо в разведку ходили,
Брали в плен «языков»,
Вы кровью Победу добыли
Во имя грядущих веков!*

Я помню начало войны. Хорошо помню. Вой тысяч самолетов, грохот артиллерии, лязг танковых гусениц, огонь и дым пожарищ, эшелоны, идущие на Восток с женщинами и детьми, с оборудованием заводов и фабрик. Фашизм обрушил на нашу страну

чудовищную военную мощь. На битву с фашизмом поднялась вся наша страна. Итог этой битвы знают все: мы пришли в Берлин и на рейхстаге водрузили Знамя Победы. Но победа досталась нам дорого. Очень дорого. 26 миллионов лучших сыновей и дочерей Советского народа остались навечно лежать на полях сражений. В день Победы все мы склоняем свои головы над святыми могилами павших во имя нашей жизни, во имя жизни грядущих поколений.

После войны некоторые уцелевшие фашисты кричали, что нас невозможно было победить, потому что нас двести миллионов и что все мы родились солдатами. Но мы солдатами не рождались. Солдатами не рождаются. Солдатами нас сделала война. А победили потому, что наша страна, огромная, многонациональная, была одной семьей, потому что тыл и фронт были едины, потому что наше вооружение было совершеннее и более мощное. А еще мы победили потому, что были вооружены самым сильным оружием в мире – оружием Ленинских идей. Мне часто приходится встречаться с молодежью. Наша молодежь прекрасна. Она свято хранит боевые и трудовые традиции своих дедов, отцов, матерей, старших братьев и сестер. Хотелось бы, чтобы юноши и девушки приумножили эти традиции, были бы так же упорны в труде и в учебе, так же стойки и мужественны в бою, если потребуется, как мы, люди старшего поколения.

На Двине

Мне, офицеру запаса, была оказана большая честь участвовать в крупнейших войсковых маневрах «Двина». И я хочу, хотя бы кратко, рассказать о ходе этих учений.

Войска идут в Белоруссию

Войсковые маневры «Двина» состоялись в Белоруссии, в тех местах, где более четверти века тому назад войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии Баграмяна во взаимодействии с войсками трех белорусских фронтов разгромили Витебско-Минскую группировку гитлеровских захватчиков, освободили из-под фашистского гнета значительную часть Белоруссии с крупнейшими городами Минском, Полоцком и другими. Это было в июне-августе 1944 года.

А теперь по железным, шоссейным дорогам, самолетами – «Антеями» – направлялись в районы сосредоточения войска для участия в маневрах «Двина».

Соединения и части, прибывшие железнодорожными эшелонами и транспортными самолетами, немедленно после выгрузки совершали марши по грунтовым дорогам, просекам и партизанским тропам в назначенные районы. Марши совершались ночью, с соблюдением всех мер маскировки и боевого обеспечения. Шли танки и бронетранспортеры, боевые машины пехоты с мотострелками, ракетные установки, тягачи с орудиями и минометами разных калибров и разного назначения, шли тыловые части – полевые госпитали и медсанбаты, хлебопекарни и заправщики, походные кухни и походные мастерские.

В руках советских воинов бронетранспортеры и боевые машины пехоты, хорошо вооруженные и способные двигаться по снежной целине и болотам, преодолевать водные преграды; танки, способные идти по воде и под водой, ракетные установки разной мощности и назначения, грозная артиллерия и минометы разных калибров.

Здравствуй, Белорусская земля!

С одним из эшелонов в пункт разгрузки прибыл и наш штаб 6-й общевойсковой армии из Петрозаводска, в составе которого была группа офицеров, призванных из запаса. Несмотря на позднее время, нас тепло встречали местные жители – и взрослые, и дети. На служебных зданиях и жилых домах красные флаги и лозунги – «Добро пожаловать в Белоруссию!», «Мы Вас примем, как дорогих гостей!».

Белоруссия, Белоруссия... Ты одна из республик, принявших на себя первый удар немецко-фашистских орд. Суровые испытания выпали на долю твоего народа. Белорусский народ в годы войны проявил мужество, стойкость и героизм. Тысячи добровольцев влились в ряды Красной Армии. На территории Белоруссии действовали более тысячи партизанских бригад и отрядов, в которых сражались около 400 тысяч народных мстителей. В городах и селах мужественно боролись с врагом 70 тысяч подпольщиков.

В битве за Советскую Родину на фронтах Отечественной войны сыны и дочери Белоруссии проявили верность коммунистическим идеалам, боевое мастерство и мужество. Орденами и медалями были награждены более 300 тысяч воинов-белорусов, а 300 из них присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Белоруссия, Белоруссия... Теперь на твоей земле развернется «битва» с участием всех родов войск из нескольких военных округов от Кавказа до Баренцева моря и от Урала до Балтики.

Дивизии ждут боевого приказа

Дивизии, готовые к броску на врага, расположились временно в лесах на огромной территории в значительном удалении от «противника».

В одну из дивизий направляюсь и я с заданием командования. Белое снежное покрывало, которым укутаны в эти дни белорусские поля и леса, не в силах скрывать следы бушевавшей здесь более четверти века тому назад огненной бури. То там, то здесь под снежной пеленой угадываются очертания старых окопов, противотанковых рвов и блиндажей. Повсюду в заснеженных лесах можно найти бесчисленные места, где в годы Великой Отечественной войны укрывались партизаны. И, как памятники героям, гордо поднялись на былых пепелищах и развалинах вновь отстроенные поселки колхозов и совхозов. Всё это горячо трогает наши сердца. Как только сгущались сумерки, дороги и леса на огромном пространстве наполнялись гулом моторов. С пригашенными фарами, соблюдая дистанцию, двигались по дорогам колонны грозной боевой техники. А с рассветом всё замирало. Дежурные вертолеты и регулировщики строго следили за дорогами, не допуская передвижения войск днем. Окрестные леса обманчиво молчали. Столетние сосны и ели как будто оцепенели в ожидании весны. Лишь птичий гомон нарушал мартовскую тишину белорусских лесов.

И вот я в одной из дивизий в районе сосредоточения. Восхищает солдатская выдумка и мастерство маскироваться. Боевая техника надежно укрыта от наземного и воздушного наблюдения. В глубоком снегу – траншеи и ходы сообщения, на высотах – наблюдательные пункты, блиндажи и дзоты из снега с амбразурами для наблюдения и ведения огня. Несколько часов провел я в расположении разведчиков, мотострелков, танкистов, артиллеристов и саперов. Всюду шли учебные занятия, проходили собрания и митинги, готовилась боевая техника и личный состав. Это было незабываемое зрелище. Всюду боевая техника. Сколько ее здесь! И это не удивительно. Ведь современная мотострелковая дивизия оснащена и вооружена намного лучше. Сейчас в ней в 16 раз больше танков, в 37 раз – бронетранспортеров и бронемашин, в 13 раз – автоматического оружия. И всё это вооружение совершеннее прежнего. Увеличились и боевые мощности. Вес одного артиллерийско-минометного залпа до войны составлял 1700 килограммов, а теперь – 53 тысячи килограммов. На каждого воина сейчас приходится более 30 лошадиных сил, тогда как в начале прошлой войны мощность моторов пехотной дивизии на одного бойца была 3 лошадиных силы. Но самая передовая техника мертва без человека. Поэтому главное внимание уделяется боевой выучке солдат, сержантов и офицеров, их умению владеть своей профессией. Этим и продолжали заниматься войска в районах сосредоточения.

Дивизии ждали боевого приказа.

Ни шагу без разведки

Чтобы бить противника наверняка, надо его знать. Надо знать его состав и силы, районы размещения артиллерии и ракетных установок, танков и резервов. Надо знать его замыслы. Надо знать наличие оборонительных рубежей в глубине обороны и степень их оборудования. Надо знать настроение их войск. И еще многое и многое надо знать. Всё это должна добывать разведка.

И вот наступает ночь. Ночь перед боем. С аэродромов поднимаются вертолеты и самолеты с разведчиками. Разведывательно-диверсионные группы высаживаются с вертолетов и выбрасываются на парашютах с самолетов в глубоком тылу «противника». Проходит немного времени и уже поступают ценные сведения о расположении оборонительных рубежей, ракетных установок и резервов противника в его глубоком тылу.

Перед началом наступления производится аэрофотографирование полосы обороны противника, развертываются сотни наблюдательных пунктов, фотографируется на всем протяжении передний край обороны. Специальные радиотехнические подразделения ведут перехват радиопереговоров «противника» и определяют места нахождения его радиостанций и их мощностей. А это дает возможность установить группировку противника. Специальной аппаратурой ведется подслушивание телефонных переговоров «противника» без подключения в его телефонную сеть.

Благодаря хорошо организованной разведке получены достоверные сведения о «противнике», позволявшие командованию принять правильное решение на бой.

«Северные» развивают успех

Каждый день, каждый час наращивает сложность и напряженность обстановки. Командующий фронтом генерал-полковник Шавров 11 марта принял решение высадить в глубоком тылу «Южных» оперативный десант. Утром с нескольких аэродромов «Северных» поднялись тяжелые военно-транспортные самолеты. На самолетах – солдаты и офицеры Гвардейской воздушно-десантной Черниговской Краснознаменной дивизии. Задача десанта – захватить в глубоком тылу врага аэродром и организовать прием самолетов с тяжелой боевой техникой. Десанту было приказано преградить выдвижение крупных резервов «противника».

Воздушную армаду тяжелых транспортных машин, в числе которых были «Антей», охраняли сверхзвуковые истребители.

Волна за волной подходили к местам высадки тяжелые транспортные самолеты. И вот горизонт уже закрыт полосой белых куполов. Покачиваясь, они быстро опускаются к земле. Несколько раньше на специальных платформах с парашютами были выброшены на землю тягачи, орудия, бронетранспортеры. Покинув самолеты, парашютисты, опускаясь, ведут огонь из автоматов и пулеметов.

«Антей» и «АНЫ» доставили в район десантирования более восьми тысяч воинов-десантников и 160 единиц тяжелой техники. Этот десант был выброшен за 22 минуты! А в это время на огромном фронте «Северные» наращивали силу удара, спеша на помощь своему десанту. «Южные», закрепившись на выгодные рубежи, встретили «Северных» мощным артиллерийско-минометным огнем. «Северные» сумели быстро развернуть главные силы, прорвали оборону «Южных» и устремились на соединение с десантом.

Маневры окончены

Войска на маневрах показали высокую боевую выучку, умение владеть сложной и могучей боевой техникой, готовность в любую минуту сокрушить любого агрессора, откуда бы он ни появился.

Мы, бывшие воины, увидели грозную военную технику и убедились, что она находится в умелых руках бесстрашных советских воинов – солдат, сержантов и офицеров. И это радует нас.

Большой вклад в успешное проведение столь грандиозных маневров внес разведотдел штаба 6-й армии во главе с его начальником Василием Александровичем Саксиным и офицеры отдела: заместитель начальника отдела полковник Грибушин Игорь Сергеевич, старший офицер по агентурной разведке майор Стерлигов, старший офицер по радиотехнической разведке подполковник Кузин Николай Гаврилович и старший офицер по информации подполковник Знаевский Евгений Николаевич. Значительную помощь в выполнении поставленных перед разведотделом задач оказали кадровым офицерам отдела офицеры, призванные на период учений из запаса: подполковник Масленников П.И. (работник Петрозаводского аэропорта), исполнявший должность офицера по воздушной разведке; старший лейтенант Ковалев (заместитель министра коммунального хозяйства Карелии), исполнявший должность офицера войсковой разведки и пишущий эти строки, исполнявший обязанности старшего офицера войсковой разведки.

На маневрах участвовала большая группа солдат, сержантов и офицеров запаса, призванных из Петрозаводска. Все они показали высокую воинскую дисциплину и организованность, действовали смело и умело. Среди них шоферы-сержанты Лобович С.И. (из филиала АН), Митин А.К. (из АТП-2), рядовой Игорь Тумаков из объединения «Сельхозтехника», которые, сутками не отдыхая, прошли на своих машинах многие сотни километров по лесным дорогам и проселкам, и ни разу не жаловались на усталость и трудности. Добросовестно выполнял свой воинский и гражданский долг Валерий Федотов – работник Карельского Совета ДСО «Спартак». Он был образцом высокой воинской дисциплины и выполнения приказов командира. Мне приходилось встречаться со многими воинами Петрозаводска, призванными из запаса, и все они добросовестно выполняли возложенные на них задачи. Их высокая дисциплина, организованность и добросовестное выполнение заданий были подарком столетнему юбилею В.И. Ленина и 25-й годовщине Победы над фашистской Германией.

Все участники маневров были награждены юбилейной медалью «За воинскую доблесть» в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Маневры не обошлись без потерь людей: погибло семнадцать человек. Кто-то не справился с управлением лыжами и попал под мчащийся танк или под боевую машину пехоты, у кого-то из парашютистов-десантников не раскрылся парашют, и он разбился, а экипаж тяжелого танка в полном составе вместе с машиной ушел на дно глубокого озера, ледяной покров которого не выдержал тяжести танка. Это печально.